

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВА И ГОСУДАРСТВА**

Новосибирск, 2012 г.

УДК 34
ББК 67
А 43

Рецензент — кандидат юридических наук, доцент кафедры экономико-управленческих и правовых дисциплин, филиал Российского государственного гуманитарного университета, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, Андреева Любовь Александровна.

А 43 «Актуальные проблемы права и государства»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (11 июня 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. — 148 с.

ISBN 978-5-4379-0103-8

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы права и государства» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной юриспруденции.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям в области практической юриспруденции и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития юриспруденции.

ББК 67

ISBN 978-5-4379-0103-8

Оглавление

Секция 1. Актуальные вопросы противодействия общеуголовной преступности	7
ОБЩИЕ МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ Гаммаев Валерий Магомедович	7
ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РК И ЗА РУБЕЖОМ Тайлакова Мадина Манарбековна Сарсембаева Гульнар Шайхислямовна	15
СУДЕБНО-ХИМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА Уварова Ирина Александровна	23
Секция 2. Актуальные вопросы противодействия преступности в сфере экономики	27
ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Андреева Любовь Александровна	27
Секция 3. Гражданский и арбитражный процесс	32
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ Снегирёва Светлана Викторовна	32
Секция 4. Гражданское, жилищное и семейное право	37
СИСТЕМА ОХРАНЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЗАРУБЕЖОМ Бобенко Анна Васильевна Максименко Александр Владимирович	37

УСЛОВИЯ ПОЛУЧЕНИЯ МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛА Малимон Людмила Александровна Прокопенко Алексей Николаевич	42
НАПРАВЛЕНИЕ СРЕДСТВ МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛА НА УЛУЧШЕНИЕ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ Малимон Людмила Александровна Максименко Александр Владимирович	46
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ Маркман Ева Иосифовна	51
ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ В РОССИИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА Тодрик Владимир Владимирович	58
Секция 5. Информационное право	63
ДУАЛИЗМ ИНФОРМАЦИИ КАК КАТЕГОРИИ ПРАВА Розанов Филипп Иванович	63
Секция 6. История государства и права России и зарубежных стран	68
ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ЧАСТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ (IX — НАЧАЛА XX ВЕКА): ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ Шереметьев Андрей Викторович	68
Секция 7. Конституционное право	72
К ВОПРОСУ О ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ Андреева Любовь Александровна	72
СТАДИЯ РАССМОТРЕНИЯ ЗАКОНОПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМОЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ТРЕТЬЕМ ЧТЕНИИ Иванов Кирилл Константинович	83

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Ковалёва Мария Владимировна Дечева Силвия Дечева Мамин Андрей Сергеевич	87
Секция 8. Правоохранительные органы	91
О РЕАЛИЗАЦИИ ОПРЕДЕЛЕННОГО КРУГА ПОЛНОМОЧИЙ НАЧАЛЬНИКОМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ДОЗНАВАТЕЛЯ Рыбина Надежда Сергеевна	91
Секция 9. Теория государства и права	97
ПРАВОВОЙ СТАТУС ЦЕРКОВНЫХ ЗЕМЕЛЬ В XV —XVII вв. Алексеева Наталья Ивановна	97
МЕСТО И РОЛЬ КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ Кузьмина Екатерина Михайловна	104
ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ РОССИИ Чебанова Наталья Сергеевна	109
Секция 10. Уголовное право	113
О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТКРЫТОГО ПЕРЕЧНЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ОТЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ Дядюн Кристина Владимировна	113
К ВОПРОСУ О СНИЖЕНИИ ВОЗРАСТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Ефремова Марина Александровна Кузнецов Константин Владимирович	117
ПОНЯТИЕ АФФЕКТИРОВАННОГО УМЫСЛА В УСЛОВИЯХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ДВОЙСТВЕННОСТИ Кораблева Светлана Юрьевна	125

РОЛЬ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРИ РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ Кулешова Александра Николаевна	131
ТЕРРОРИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ Лебедева Ирина Николаевна	137
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА Попова Ирина Павловна	143

СЕКЦИЯ 1.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕУГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

ОБЩИЕ МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ

Гаммаев Валерий Магомедович

старший помощник прокурора Кировского район, г. Махачкала

E-mail: marjust@yandex.ru

Сейчас уже ни для кого не секрет, что применение только мер уголовного наказания, какова бы ни была их эффективность, недостаточно для сдерживания и, тем более, стабильного сокращения преступности. В этих условиях становится как никогда ранее актуальной задача реализации идей, связанных с профилактикой и предупреждением преступлений.

Как известно, снижению уровня преступности способствует приоритетность ее предупреждения перед карательной политикой государства. Социальная ценность профилактики преступности определяется тем, что она направлена на выявление, устранение (нейтрализацию, блокирование) ее причин и условий. Комплекс средств и способов предупреждения позволяет прерывать замышляемую или уже начатую преступную деятельность, не допускать ее наступления, негативных последствий. Предупреждение преступности дает возможность решать задачи борьбы с ней более гуманными способами, с наименьшими издержками для общества, без включения в этот процесс механизма уголовной юстиции, в том числе уголовного наказания.

Под предупреждением преступности понимается, многообразная, многоаспектная, разноуровневая практическая деятельность многочисленных и разнообразных государственных органов, общественных организаций, трудовых коллективов и отдельных граждан, направленная на воспрепятствование совершению преступлений, в том числе на устранение их причин и условий.

Понятие профилактики преступлений охватывает отношения между социальными субъектами, направленные непосредственно на

ликвидацию криминогенных факторов и создание условий, исключающих либо нейтрализующих возможность формирования личности преступника и реализации антиобщественной направленности.

По мнению профессора З.А. Астемирова, в методологическом плане понятия «профилактика» и «предупреждение» могут считаться равнозначными, хотя они придают разные оттенки одному и тому же процессу [2, с. 7—8].

Автор полагает, что наиболее приемлемой классификацией мер предупреждения торговли людьми необходимо рассматривать по двум основным ее уровням: общесоциальный (общая профилактика), специально-криминологический (криминологическая профилактика).

Общесоциальный уровень (общая профилактика) включает в себя деятельность государства, общества, их институтов, направленную на разрешение противоречий в области экономики, социальной, нравственно-духовной жизни, правовой сферы и т. п. [1, с. 48].

Стратегия борьбы с торговлей людьми во многом должна быть перенесена в плоскость профилактики, поскольку этот вид преступлений порожден, в первую очередь, факторами социального и экономического характера и специальные меры предупреждения сработают здесь лишь частично. Профилактика преступности базируется на том положении, что нельзя устранить второстепенные явления, без ликвидации главных негативных факторов, с которыми они неразрывно связаны.

Вопросы борьбы со всеми проявлениями организованной преступности, коррупции, экстремизма отмечены Президентом Республики Дагестан М.М. Магомедовым на III Съезде народов Дагестана [3, с. 1]. Согласно пункту 10 Плана мероприятий по реализации основных положений доклада Президента Республики Дагестан М.М. Магомедова, выступлений участников и итоговых документов съезда народов Дагестана, состоявшегося 15 декабря 2010 года, утвержденного постановлением Правительства Республики Дагестан от 3 марта 2011 года № 52 на Минюст Республики Дагестан, Министерство внутренних дел по Республике Дагестан, Прокуратуру Республики Дагестан возложена разработка и реализация комплексной программы профилактики правонарушений в Республике Дагестан на 2011—2014 годы [8].

Профилактика торговли людьми предполагает применение комплекса экономических, социальных, организационно-управленческих, правовых и культурно-идеологических мероприятий. Данный вывод обусловлен тем, что жертвами торговли людьми становятся наиболее социально-неблагополучные и незащищенные слои населения, среди которых существенно преобладают женщины и дети.

Согласно сведениям ОБСЕ количество жертв женщин и девочек доминируют над количеством жертв мужчин, число лиц мужского пола составляет около 2 % [7, с. 11].

Экономические меры профилактики торговли людьми заключаются в нейтрализации результатов экономической нестабильности и в строительстве полноценной конкурентоспособной социально ориентированной рыночной экономики. В ходе проведенного анализа факторов способствующих торговли людьми установлено, что торговля людьми имеет экономические корни. По уровню затрат Россия в 5—6 раз отстает от государств Евросоюза. Бедные люди уязвимы перед лицом экономических потрясений, стихийных бедствий, насилия и преступности, они не имеют доступа к медицине и образованию.

Для эффективной борьбы с работорговлей государство должно обеспечивать должную экономическую защиту наименее обеспеченным слоям населения — многодетным и неполным семьям, несовершеннолетним и малолетним детям, инвалидам, молодым семьям и т. д.

Республика Дагестан, будучи дотационным субъектом Российской Федерации, имеет слабый экономический потенциал. Ничтожное количество предприятий направленных на производство товаров, вытеснение местных товаров товарами импортного производства, даже в тех отраслях сельского хозяйства, где республика ранее была ведущим экспортером, привел к общему кризису производства. Высокая безработица, отсутствие возможности у молодого поколения в реализации себя в учебе, в работе и других отраслях на фоне общего усиления влияния религии на общественно политические процессы в республике привели к уходу большого количества молодых людей в криминал. В повседневной жизни Дагестана этот процесс миграции людей называют — «уход в лес». Бандитские подполья занимаются большой подрывной работой в республике, убивают сотрудников правоохранительных органов, организывают взрывы в местах массового скопления людей и другие мероприятия экстремистского и террористического характера, включая похищение людей.

Выступая на расширенной коллегии ФСБ России, Президент Д.А. Медведев призвал «продолжать системную работу по нейтрализации бандподполья, его идеологов и исполнителей терактов» и поставил задачу «шире использовать существующие оперативные возможности для пресечения различных схем, направленных на разворовывание бюджетных средств...», потому что федеральные вложения в республики Северного Кавказа увеличились за последние

10 лет в 12 раз: с 15 млрд. руб. в 2000 г. до 180 млрд. руб. в 2010 г. [6, с. 23]

Экономические проблемы, копившиеся годами нельзя решить одномоментно. Они требуют больших, длительных и комплексных усилий со стороны руководства Российской Федерации и Республики Дагестан.

Социальные меры профилактики торговли людьми. К группам, подверженным наибольшему риску вовлечения в торговлю людьми относятся безработные женщины и девушки, несовершеннолетние, оставшиеся без попечения родителей, бездомные, беженцы, вынужденные переселенцы и т.п. Поэтому в качестве меры социальной направленности следует рассматривать проведение политики, направленной на повышение образовательного и профессионального уровня населения.

Остается актуальной проблема обеспечения занятости жителей сел и малых городов, где наблюдается социальная маргинализация огромного количества людей. Республики Северного Кавказа являясь экономически слабыми регионами лидируют по уровню преступности. Поэтому при разработке программ социально-экономического развития Северо-Кавказских регионов следует предусматривать преимущественные инвестиции в те отрасли хозяйства, где можно занять именно молодежь.

Ужасающий характер приобретает ситуация с беспризорностью. Сегодня в нашей стране насчитывается 700 тысяч социальных сирот и почти 2 млн. малолетних беспризорных [5]. Такое количество беспризорников было в России только после Гражданской войны. Государство обязано обеспечить должную защиту прав детей, принимать меры по розыску родственников детей-сирот либо устройству их на воспитание в другие семьи, а при отсутствии такой возможности в детские учреждения.

Меры социальной профилактики торговли людьми должны преобладать в государственных программах по предупреждению торговли людьми. Рост уровня жизни населения, социальная забота государства, решение жилищных и иных проблем граждан существенно воспрепятствуют деятельности работодовцев.

Организационно-управленческие меры профилактики торговли людьми. Уровень торговли людьми достигли таких масштабов, что государство вынуждено принимать меры административного характера по регулированию деятельности коммерческих структур, занимающихся трудоустройством граждан Российской Федерации за пределами Российской Федерации. Данный вид деятельности Федеральным

законом от 08.08.2001 № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [11] включен в перечень лицензируемых.

Вместе с тем, в средствах массовой информации, в сети Интернет размещены объявления иностранных коммерческих структур по предоставлению услуг в трудоустройстве за границей, работающих вне рамок правового поля Российской Федерации.

Кроме того, в России не подлежит лицензированию деятельность туристических, брачных и модельных агентств, которые используются транснациональной организованной преступностью для вербовки невольников.

Законодательного закрепления требует положение, что любая деятельность, а также однократная, как российских, так и иностранных коммерческих структур, связанная с трудоустройством за границей и оказанием туристических услуг, подлежит обязательному лицензированию. Договоры в отношении каждого трудоустраиваемого необходимо регистрировать в органах Федеральной миграционной службы. В результате данных мер правоохранительные органы будут располагать информацией о гражданах, направляемых за границу.

Модельный бизнес как вид деятельности является разновидностью профессионального обучения, обязанный соответствовать определенным образовательным стандартам. Указанный вид деятельности также должен лицензироваться.

Объявления в средствах массовой информации и в сети Интернет с предложениями учиться и работать за границей должна размещаться после согласования с правоохранительными органами.

Жесткая административная ответственность за нарушение законодательства в сфере трудоустройства, предоставления модельных, брачных и туристических услуг окажет положительный эффект в деятельности по профилактике торговли людьми.

Правовые меры профилактики торговли людьми. Правовые основы противодействия торговли людьми и другим сопровождающим преступлениям заложены в международных правовых актах. Помимо прочих положений данные акты содержат меры по предупреждению торговли людьми социальной направленности. Нормы международного права, несмотря на то, что являются обязательными для выполнения странами-участниками, имеют декларативный характер. Правительства государств не торопятся с реализацией международного законодательства.

Наибольшую практическую значимость приобретет принятие программ, направленных на защиту жертв торговли людьми и повышение информированности общества по данной проблеме.

Совершенствование законодательства, и не только уголовного является одной из мер противодействия торговли людьми. Для того чтобы криминальным организациям сложнее было маскировать свою деятельность требуется совершенствование трудового, семейного, таможенного, миграционного и другого законодательства. Имеется необходимость разработки и принятия Правительством Российской Федерации нормативных правовых актов, касающихся регламентации деятельности, связанной с трудоустройством за границей, брачных и модельных агентств.

Для достижения видимых результатов в борьбе с организованной преступностью, в том числе торговлей людьми, достижения максимального результата необходимо «вооружить» правоохранительные органы и спецслужбы России комплексным Федеральным законом «О борьбе с организованной преступностью». Не является секретом, что с финансированием организованной преступной деятельности связаны различные коррупционные схемы. С принятием Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью», в редакции разработчиков закона, существенно улучшится борьба с торговлей людьми и его финансированием, коррупцией и другими организованными преступлениями.

Культурно-идеологические меры профилактики торговли людьми. Бесспорно то, что проблемы борьбы с торговлей людьми в первую очередь должны быть сняты за счет решения экономических, социальных и других задач, накопившихся в России за последние годы. Одними законодательными запретами и работой правоохранительных и миграционных органов не удастся добиться эффективного результата. Необходима выработка целенаправленной государственной политики, подключение к процессу всех ветвей государственной власти. Идеология существует как вторичное явление по отношению к основным блокам государства и общества. Вместе с тем, недооценивать меры идеологической профилактики в деле борьбы с торговлей людьми было бы большим упущением. Формирование общероссийской правовой идеологии давно уже стало актуальнейшим вопросом российской правовой жизни [10].

Подобная идеология обязана отражать и защищать интересы подавляющего большинства населения России. Такой идеологией могла бы быть концепция, выдвигающая в качестве основного принципа жизни общества и функционирования государства социальную справедливость.

Нельзя недооценивать антикриминогенный потенциал национальных традиций, обычаев, культуры и религии.

Совершенствование уровня культуры общества, повышение образования их членов, а, следовательно, воспитанности, утверждения нравственных взглядов, основанных на том лучшем, что есть у человечества, улучшает моральную защищенность людей.

Согласно данным Управления Минюста России по Республике Дагестан на 01.01.2012 на территории республики действуют только зарегистрированных 714 религиозных организаций исповедующих ислам. Эта цифра с учетом исламских религиозных организаций действующих без регистрации превышает 2000. Для сравнения в республике также зарегистрированы 13 религиозных организаций — русской православной церкви, 5 — исповедующих иудаизм, 4 — Христиане веры евангельской — пятидесятники, 2 — Евангельские христиане — баптисты, 2 — Адвентисты седьмого дня, 2 — Свидетели Иеговы* [9]. Учитывая территориальные особенности Республики Дагестан, то, что для большинства его населения характерно исповедование такой религии как ислам, а также его усиление в последнее время, необходимо рассмотреть влияние религии на общественно-политические процессы в республике.

В связи с этим по уголовным делам, связанным с террористическими преступлениями и похищением человека, необходимо устанавливать каналы и источники финансирования, проверять следственным и оперативным путем причастность сотрудников правоохранительных органов к преступлению, ибо правозащитники убеждены в том, что похищения совершают сотрудники как местных, так и федеральных силовых структур, выяснять вопрос о том, не было ли вероисповедание обвиняемого причиной или условием совершения в отношении его преступления. По мнению правозащитников, часто объектом похищений становятся люди, исповедующие фундаменталистское направление ислама (салафизм). Людей, исповедующих это религиозное направление (ваххабизм), силовики обычно подозревают в пособничестве или причастности к вооруженному подполью. Вероятно, считают правозащитники, силовики похищают подозреваемых в причастности к незаконным вооруженным формированиям, либо предполагаемых обладателей информации об незаконных вооруженных формированиях, либо родственников членов незаконных вооруженных формирований [4].

Первоочередной задачей является то, чтобы направить все положительное, что несет в себе ислам, а это вся религия, в правильное русло. Не дать определенным группировкам, бандитским подпольям исковеркать и запятнать истинную добрую сущность такой религии как ислам. Только при существенном улучшении

идеологической и воспитательной работы, контрпропаганде идеологии ваххабизма (исламского фундаментализма), возможно существенное улучшение борьбы с организованной преступностью, включая торговлю людьми.

Назрела потребность в проведении идеологической работы и в правоохранительных органах. Она будет содействовать стимулированию осознания необходимости и значимости профессиональной деятельности, пониманию прямой связи эффективности осуществляемых мероприятий, повышения качества расследования и рассмотрения уголовных дел с уменьшением преступности. Информационная работа с личным составом должна содействовать ликвидации причин и условий, уменьшающих степень доверия граждан и престиж правоохранительных органов, косвенно содействующих росту торговли людьми, реализации мероприятий, в том числе по борьбе с коррупцией.

На государственном уровне требуется пропаганда культа семьи, поддержка его основных институтов — материнства и детства. Первоначально данные меры следует внедрять в общеобразовательных школах, средних и высших учебных заведениях, где молодые люди оказываются вовлечёнными в многочисленные взаимоотношения. Человек с раннего возраста нуждается в помощи в целях полноценного формирования, который впоследствии станет законопослушным гражданином, интеллектуальной и нравственной силой общества.

** Свидетели Иеговы – экстремистская организация, запрещенная в России - прим.ред.*

Список литературы:

1. Арестов А.И. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с организованной преступностью: Монография // СПС КонсультантПлюс. 2007. С. 48.
2. Астемиров З.А. Профилактика преступлений. — Махачкала, 1985. С. 7-8.
3. Магомедов М.М. Доклад Президента РД на III Съезде народов Дагестана // Дагестанская правда от 16.12.2010 г. №№ 436-437. С. 1.
4. Механизмы безнаказанности на Северном Кавказе (2009 — 2010 гг.) — как они работают? Похищения и исчезновения людей на Северном Кавказе в 2009 году, саботаж расследования уголовных дел в 2009—2010 годах. Доклад Правозащитного центра "Мемориал"// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru> (дата обращения: 10.06.2011).
5. Миргородская А. Сиротство как политика // Наша версия. 2007. 19—25 марта.

6. Паненков А.А. Террористические преступления и проблемы реагирования на них за шесть месяцев 2010 года в Российской Федерации // Военно-юридический журнал. 2010. N 10. С. 23.
7. Противодействие торговли людьми: Сборник нормативных правовых документов / Под ред. Н.И. Абубикеровой. М.: Изд-во «ЭКСЛит», 2004. С. 11.
8. Постановление Правительства Республики Дагестан от 3 марта 2011 года № 52 // Собрание законодательства Республики Дагестан. — 2011. — № 5.
9. Сведения о работе Минюста России в сфере государственной регистрации и контроля за деятельностью религиозных организаций. Форма № 9-3. — Архив Управления Минюста России по Республике Дагестан за 2012 год.
10. Стругова Е.В. Формирование идеологии как фактор формирования политики в государстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. N 4.
11. Федеральный закон от 08.08.2001 № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» //СЗ РФ. — 2001. — № 33 (1 ч.). — ст. 3430.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РК И ЗА РУБЕЖОМ

Тайлакова Мадина Манарбековна

*студент 4-го курса Инновационного Евразийского университета,
г. Павлодар
E-mail: tmm_0713@mail.ru*

Сарсембаева Гульнар Шайхислямовна

*канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры гражданско-
правовых и уголовно-правовых дисциплин Инновационного
Евразийского университета, г. Павлодар, Республика Казахстан*

В каждой стране проблема предупреждения преступности важна, независимо от системы и мер предупреждения, от различий в законодательстве конкретных стран.

Без принятия конкретных мер к предупреждению преступности борьба с ней становится невозможной, более того — неэффективной.

В настоящее время отнюдь не общепризнанным, имеющим не только сторонников, но и противников, стало, казалось бы, бесспорное, «выстраданное» на протяжении веков всей мировой цивилизацией

концептуальное положение о приоритетности предупреждения в ряду основных направлений борьбы с преступностью. Не только в научных и публицистических дискуссиях, но, например и в ходе законопроектных работ, сводится на нет воспитательно-предупредительный потенциал судебной власти, уголовного судопроизводства, принижается роль превентивных компонентов правоохраны в целом [2, с. 121].

Существуют принципиальные разногласия, в том числе и на уровне федеральных органов различных ветвей власти, по поводу тесно связанных с криминологической проблематикой вопросов участия институтов гражданского общества в охране правопорядка, привлечения населения к работе по предупреждению преступлений. Имеются разночтения (в том числе при определении и выражении позиций властных структур) относительно возможностей, предмета, пределов, соотношения различных уровней нормативно-правового регулирования предупреждения как преступности в целом, так и её отдельных видов (например, организованной, коррупционной, профессиональной, бытовой). Если не достижение консенсуса по указанным и другим проблемным вопросам, то хотя бы приближение к нему становится дополнительным аргументом в пользу признания острой актуальности научной разработки целостной теории, концептуальных основ предупреждения преступности в современных условиях.

В последние годы казахстанский законодатель обращает все более и более пристальное внимание на развитие законодательных норм, направленных на профилактику преступлений и иных близких к ним по юридической природе правонарушений. Такое внимание оправданно и заслуживает безусловной поддержки. Оно отражает универсальные тенденции, в той или иной мере проявляющиеся во всех развитых правопорядках, и связанные с переносом центра тяжести с сугубо репрессивных методов борьбы с правонарушениями на методы профилактические, опирающиеся на разнообразные теории «социального контроля над девиантным поведением».

В более конкретной плоскости обоснованная озабоченность казахстанского законодателя развитием профилактических мер противодействия правонарушениям в целом и нарушениям уголовного закона в частности проявилась в кропотливой работе над тремя законодательными актами, один из которых имеет общий характер, а два других - характер специальный.

В качестве «общего закона» (*lex generalis*) следует рассматривать проект Закона Республики Казахстан «О профилактике правонарушений», тогда как «специальными законами» (*lex specialis*)

должны стать также существующий пока еще только на уровне проекта Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» (в первоначальной версии «О предупреждении и пресечении бытового насилия»), касающийся определенной и весьма чувствительной категории правонарушений (здесь имеет место специализация *ratione materiae*), и действующий Закон Республики Казахстан «О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности» от 9 июля 2004г., в который планируется внести важные изменения и дополнения и который касается отдельной категории правонарушителей, требующих к себе особого отношения (здесь имеет место специализация *ratione personae*). В то же время, невзирая на вполне понятную специфику каждого из трех указанных законодательных актов, все они должны укладываться в рамки единой концепции развития казахстанского законодательства о профилактике правонарушений, что позволяет провести их комплексную оценку на уровне данной аналитической записки.

Подчеркнем еще раз — намерения казахстанского законодателя сменить парадигму борьбы с правонарушениями с сугубо репрессивной на умеренно «профилактическую» представляются нам в высшей степени благовидными и оправданными. Нет и не может быть никаких серьезных аргументов, позволяющих поставить под сомнение такого рода изменения вектора уголовной политики в Республике Казахстан. Однако согласие с поставленной целью не означает согласие с выбранными для ее достижения средствами и методами. В этом смысле мы не можем не обратить внимание на явные концептуальные и юридико-технические изъяны, обнаруживающиеся при изучении пакета проектов законодательных актов Республики Казахстан в сфере профилактики правонарушений (включая профилактику бытового насилия и профилактику) [8, с. 19].

Различия в уголовном законодательстве зарубежных стран, организации и методах и учета преступлений не позволяют проводить прямые сравнения абсолютных данных по тому или иному виду преступлений, так как зачастую могут привести к некорректным выводам. Динамика общего уровня преступности и её отдельных сопоставимых видов, динамика структурных показателей, удельного веса различных видов преступного поведения являются основаниями для выявления криминологически значимых тенденций преступности в различных странах.

Согласно исследованиям, абсолютный и относительный рост преступности подтверждается мировыми данными, собранными ООН

в процессе подготовке четырех обзоров тенденций противоправного поведения. В 2005—2011 гг. преступность в мире возросла в общей сложности примерно на 15 % при ежегодных темпах прироста в среднем на 2 %. Общий коэффициент преступности, рассчитанный по 10 видам преступлений, составил в среднем 1311 деяний на 100 тыс. населения. В развивающихся странах этот показатель равнялся 787, а в развитых — 1835, т. е. в 2—3 раза выше. Анализ данных последующих обзоров показывает, что средние темпы прироста преступности в мире постоянно увеличивались. Ежегодный прирост преступности составляет около 5% [7, с. 241].

Таблица 1.

**Изменения статистики преступлений ряда государств
Европы и Северной Америки**

Страны	2005 г.		2011 г.		Темпы прироста		Среднегодовые темпы прироста	
	Абсолют. Показат. Преступн.	Коэфф. Прест. на 100000	Абсолют. Показат. Преступн.	Коэфф. Прест. на 100000,	Прест упр, %	Коэфф. Прест. на 100000, %	Прест упр, %	Коэфф. Прест. на 100000, %
Венгрия	447215	4331,8	600621	5939,1	34,3	37,1	5,9	6,3
Польша	881076	2296,6	1073042	2774,0	21,8	20,8	3,6	3,4
Япония	1742366	1400,3	2033546	1619,1	16,7	15,6	2,6	2,5
Швеция	1195154	13788,1	1190812	13457,0	-0,4	-2,4	0,0	-0,3
Испания	934070	2394,6	917314	2329,0	-1,8	-2,7	-0,3	-0,4
Финляндия	389536	7725,8	383479	7439,0	-1,6	-3,7	-0,3	-0,6
Франция	3830996	6677,2	3565525	6059,8	-6,9	-9,2	-0,8	-1,2
Казахстан	2760652	1856,5	2581940	1759,0	-6,5	-5,2	-0,9	-0,7
США	14438200	5660,2	12475634	4615,5	-13,6	-18,5	-2,4	-3,3
Канада	2847981	9981,7	2454881	8019,1	-13,8	-19,5	-2,4	-3,6

Так, изменения статистики преступлений ряда государств Европы и Северной Америки (Швеция, Испания, Финляндия, Франция, Россия, США и Канада) свидетельствуют о достаточно устойчивой тенденции к их снижению, выражающейся как в абсолютных, так и в относительных показателях. В перечисленных странах в 2005—2011 гг. среднегодовые темпы снижения преступности распределяются в диапазоне от 0,3% в Испании, до 2,4% — в США и Канаде [7, с. 144].

Растёт число стран, масштабы преступности в которых резко возрастают, и сокращается количество государств, где ее показатели уменьшаются или стабилизируются.

В связи с этим необходимо разрабатывать всё более эффективные меры предупреждения преступности в различных странах.

В последние два десятилетия в западно-европейских странах, в США, Канаде, Японии активно развиваются теория и практика

предупреждения преступлений. При этом криминологи западных стран предпочитают вести речь не о предупреждении преступности как социального явления, а лишь о её ограничении, о сдерживающем воздействии на конкретные криминогенные факторы и обстоятельства.

Тем не менее, в практическом аспекте предупреждения преступлений делается очень много. Предполагается, что предупреждение не может быть эффективным, если оно не организовано на систематической и скоординированной основе и не включает мероприятий по улучшению жизни населения, совершенствованию уголовного правосудия и пенитенциарной системы.

В странах-членах Европейского Союза выделяют два уровня предупреждения преступлений: социальное и ситуационное. Социальное предупреждение направлено на изменение неблагоприятных условий формирования личности человека, особенно микросреды и микросоциальной ситуации. Ситуационное исходит из того, что отдельные категории преступных деяний совершаются при определенных обстоятельствах, в определенное время и определенных местах. Сама ситуация стимулирует и провоцирует определенные виды преступлений (уличные драки у кинотеатров и увеселительных заведений, изнасилования в парках, скверах и т. д.). Такое предупреждение по принятой у нас терминологии соответствует предотвращению и пресечению преступлений.

В некоторых странах, например в Германии, выделяют первичную, вторичную и третичную превенцию. Первичная превенция направлена на преодоление дефицита социальности и позитивного правосознания как главной причины преступлений. Вторичная превенция осуществляется полицейскими органами и связана с правовыми средствами удержания от преступлений. Третичная превенция предполагает те профилактические меры и средства, которые применяются в процессе наказания и ресоциализации преступников.

Для координации деятельности по предупреждению преступлений во многих странах созданы соответствующие органы (например, Национальные Советы). Основными их функциями являются:

1. сбор информации,
2. планирование, выполнение и оценка программ по предупреждению преступлений,
3. координация деятельности полиции и других органов, работающих в этой сфере,
4. обеспечение участия населения,
5. сотрудничество со средствами массовой информации,
6. научно-исследовательская работа,

7. сотрудничество с законодательными органами, определяющими политику в области борьбы с преступностью,

8. учебная подготовка [5, с. 129].

В практической деятельности полиции широко пропагандируется тезис о том, что преступления совершаются чаще всего тогда, когда потенциальный преступник встречает уязвимую, неохраняемую жертву или объект. Поэтому превентивные меры должны быть направлены либо на преступника, либо на систему безопасности, либо на потенциальную жертву (индивидуальная, общая и виктимологическая профилактика). В этой триаде особое внимание уделяется охранительному предупреждению и целенаправленной работе с населением, направленной на его самозащиту.

В некоторых европейских странах долгое время считалось, что предупреждение преступлений является «побочным продуктом» полицейской работы просто потому, что само существование аппарата полиции действует как фактор, сдерживающий преступность. Но, начиная с 60-х годов, полиция стала широко практиковать целенаправленную работу с общественностью с ориентацией на самозащиту, а именно: консультировать население, как с помощью технических средств спасти от воров имущество и как, благодаря правильным действиям, не стать жертвой преступления.

В этих же целях практикуются:

- бесплатное распространение советов по профилактике преступлений,
- трансляция по радио и демонстрация по телевидению передач из цикла «Уголовная полиция советует».

Существует специальная программа предупреждения преступлений уголовной полицией, центральной идеей которой является следующая формула: любой контакт полицейского с населением должен служить интересам профилактики.

В США существует три модели превентивной деятельности: модель общественных учреждений, модель безопасности индивидуума и модель воздействия через окружающую среду. На федеральном и местном уровнях реализуются программы предупреждения преступлений. В некоторых штатах участие граждан в укреплении правопорядка позволило снизить количество ограблений на 30%. Здесь используется вознаграждение за информацию, имеющую оперативно-профилактическое значение.

В Канаде широко практикуется участие граждан в патрулировании. Действуя совместно с полицией, гражданские патрули снижают страх перед преступниками и поддерживают

ощущение личной безопасности. В ряде случаев создаются так называемые контрольные посты вокруг выявленных зон повышенной преступной активности, особенно в ночное время.

В Великобритании разработаны минимальные стандарты криминальной безопасности, широко используется привлечение населения к сотрудничеству с полицией (патрулирование, дежурство в наиболее криминогенных районах). Для представителей общественности практикуется бесплатная выдача «полицейского» обмундирования (без знаков различия и служебной атрибутики), средств радиосвязи, дубинок, наручников и даже оружия для «боевого» патрулирования на полицейских автомашинах. Вся эта деятельность получает моральную и материальную поддержку общества и государства.

Одним из наиболее востребованных является виктимологическое направление предупреждения преступлений. Оно не требует больших материальных затрат и реализует присущее всем людям стремление к самозащите. В Западной Европе и США появилось множество популярных статей и пособий на тему «Как защитить себя, свою семью, свое жилище и свою собственность от преступных посягательств». Реализуются программы защиты потерпевших и свидетелей по уголовным делам, сформировались ассоциации потерпевших от преступлений. Повсеместно возникают «Ассоциации соседей», члены которых патрулируют микрорайоны и поселки и при необходимости вызывают полицейские патрули.

Во всех учебных заведениях — начиная с начальной школы и заканчивая вузами — проводятся занятия по прикладной виктимологии. Желающие могут не только прослушать лекции, но и пройти специальный тренинг: освоить приемы самозащиты и выработать навыки оптимального поведения в экстремальных ситуациях.

Достаточно интересным является так называемое архитектурное направление в практике предупреждения преступлений. Было установлено, что в высотных жилых домах регистрируется в семь раз больше преступлений, чем в малоэтажных жилищах. Оказалось, что архитектурный стиль больших городов в целом нередко инициирует преступления и облегчает их совершение. Эти факторы стали учитывать в практике градостроительства при выполнении следующих работ: расширение объема строительства малоэтажных коттеджей; сокращение количества тупиков, проходных дворов, подвалов и подземных проходов; снос домов, определяющих «криминогенный ландшафт».

В заключение следует отметить, что криминологическое предупреждение преступлений представляет собой наиболее действенный способ борьбы с преступностью, поскольку оно:

- обеспечивает выявление и устранение ее корней, истоков, упреждает возможность совершать преступления;
- воздействует на криминогенные факторы, когда они еще не набрали силы и легче поддаются устранению;
- позволяет, используя разнообразные средства, прерывать замышляемую преступную деятельность;
- препятствует наступлению вредных последствий;
- решает задачи борьбы с преступностью наиболее гуманными способами с наименьшими издержками, без включения на полную силу сложного механизма уголовной юстиции, без применения такой формы государственного принуждения, как уголовное наказание [6, с. 199].

В целом изучение моделей, форм и методов предупреждения преступлений, используемых в зарубежных странах, позволяет сделать вывод о постоянном движении к реализации в этой деятельности принципов системности, адекватного обеспечения, гуманизма и участия всех членов общества.

Также обращает внимание и тот факт, что в разных странах существуют различные системы, меры, а также средства предупреждения преступности.

Все большую роль в предупреждении преступности выполняют Типовые программы и рекомендации по предупреждению преступлений, разрабатываемые на Конгрессах ООН по предупреждению преступности. Так, на двенадцатом Конгрессе, состоявшемся 12—19 апреля 2010 года по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Салвадор, Бразилия, 12—19 апреля 2010 года), были приняты Типовые программы и рекомендации по предупреждению экономической и организованной преступности, городских преступлений, преступлений, где жертвами выступают несовершеннолетние лица и женщины. Канадские и израильские делегации представили участникам Конгресса интересные буклеты с рекомендациями потерпевшим о том, как им следует себя вести во время или после совершения преступления, куда надлежит обращаться за скорой криминологической-профилактической помощью. Профилактическая криминология недостаточно развита в Казахстане, поэтому опыт зарубежных государств весьма полезен и должен быть использован.

Список литературы:

1. Ананич В.А., Серебрякова И.М. Предупреждение преступности: зарубежный опыт, международное сотрудничество. М., 2010.
2. Воронин Ю.А. Система борьбы с преступностью в США. М., 2009.

3. Жалинский А.Э. Условия эффективности профилактики преступления. М.,2010.
4. Криминология: Учебник для вузов / Под ред. А. И. Долговой. М., 2009.
5. Криминология: Учебник / Под ред. В.Д. Малкова.М.,2010.
6. Морозов Н.А. Сравнительно-правовой анализ преступности в современной Японии. М., 2009.
7. Михеев Р.И., Морозов Н.А., Коидзуми Е. Международное сотрудничество России и стран АТР в сфере уголовной политики, борьбы с преступностью и её предупреждения // Мат. межд. науч.-практ. конф., 23.04.2009, г. Вл.
8. Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М.,2010.

СУДЕБНО-ХИМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

Уварова Ирина Александровна

*канд. юрид. наук, доцент кафедры УПрД ПЮИ (ф) РПА
Минюста России, г. Саратов
E-mail: uvarova_ira@mail.ru*

Борьба с наркопреступностью — одна из важнейших задач государства, так как общество не может полно и всесторонне развиваться без решения этой задачи. Масштабы и темпы распространения наркомании в стране таковы, что ставят под угрозу физическое и моральное здоровье молодежи и будущее значительной её части, социальную стабильность российского общества в ближайшее время.

Для успешной борьбы с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков необходимо использование комплекса средств и методов, которые будут направлены на выявление и устранение причин возникновения этого социально опасного явления.

Широкое распространение наркотических средств и психотропных веществ привело к повышению в процессе раскрытия и расследования данных преступлений роли различных видов экспертиз.

В научной литературе нет единого мнения о понятии «судебная экспертиза». Например, А.П. Резван, под экспертизой понимает «...процессуальное действие, заключающееся в исследовании экспертом по поручению следователя (суда) вещественных

доказательств, иных материальных объектов и материалов с целью установления фактических данных и обстоятельств, имеющих значение для установления истины по уголовному делу» [6, с. 4]. По мнению А.А. Эйсмана и И.М. Лузгина, экспертиза — это «...особая, автономная форма осуществления познавательной деятельности, отличающаяся от следственных действий тем, что знания извлекает не следователь, а эксперт» [2, с. 51; 8, с. 70].

На взгляд автора, можно согласиться с мнением А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского, считающих, что сущность судебной экспертизы состоит в «...проведении сведущим лицом — экспертом — на основе его специальных познаний самостоятельного процессуального исследования, необходимого для доказывания тех или иных обстоятельств дела с помощью заключения эксперта» [7, с. 31].

В зависимости от задач исследование наркотических средств и психотропных веществ может проводиться в рамках различных классов судебных экспертиз.

По делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств часто возникает необходимость проведения судебно-химической экспертизы для установления принадлежности вещества к наркотическим, поскольку от подобного заключения зависит правильная квалификация состава преступления [4]. Наркотические средства являются основными доказательствами при расследовании уголовных дел, связанных с незаконным изготовлением, хранением и сбытом наркотиков.

Судебно-химическую экспертизу наркотических средств, которая решает задачи, связанные с объектами данной категории можно назвать разновидностью криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий из них [5].

К основным задачам судебно-химической экспертизы наркотических средств относятся [3, с. 126]:

1. определение природы исследуемого объекта и отнесение его к числу наркотических средств;
2. установление общей групповой принадлежности наркотических средств по признакам сырья, технологии переработки, условиям хранения;
3. установление общего источника происхождения наркотических средств по месту и способу их изготовления;
4. отождествление конкретных масс наркотических средств по отделенным от них частям;
5. обнаружение следов наркотических средств на различных предметах-носителях;

б. определение способа, технологии и иных характеристик кустарного производства наркотических средств.

В зависимости от задач, которые ставятся на разрешение эксперту, вопросы могут носить как диагностический, так и идентификационный характер. К вопросам, которые носят диагностический характер можно отнести следующие:

1. Является ли данное вещество (или следы которого обнаружены) наркотическим? Если да, то к какому виду оно относится?

2. Каково содержание активных компонентов в веществе, представленном на исследование?

3. Имеются ли на представленных объектах (указывается каких именно) следы наркотических веществ?

4. Содержат ли данные табачные изделия (указывается какие именно) или их остатки наркотические средства? Если да, то какие именно?

5. Каким способом получены данные наркотические средства?

6. Можно ли описываемым способом получить наркотическое средство?

7. Может ли быть использована в качестве сырья для кустарного получения наркотического средства данная растительная масса?

Идентификационный характер имеют следующие вопросы [1, с. 214—215]:

1. Получены ли представленные на исследование наркотические средства (указать какие именно) по единой технологии? Не изготовлены ли представленные наркотические средства (указать какие именно) на данном (указать каком) фармацевтическом предприятии?

2. Не использовано ли при изготовлении данного наркотического средства изъятого (указать, где и когда), и другого наркотического средства, изъятого (указать, где и когда), одно и то же сырье?

3. Не составляли ли ранее единой массы наркотические средства, изъятые у различных лиц, в разных местах?

Несмотря на современные возможности экспертных подразделений, при расследовании уголовных дел данной категории следователь сталкивается с рядом проблем, одной из которых является появление все большего количества и разновидностей синтетических наркотиков.

Популяризация синтетических наркотиков объясняется определенной простотой их изготовления, значительным наркотическим эффектом, большими доходами от реализации. Специалисты-химики синтезируют новые виды наркотиков в подпольных лабораториях. Отсутствие у правоохранительных органов методики выявления новых видов наркотиков не позволяет изобличать

преступников. Время, требуемое для выработки необходимой методики, ее утверждение и направление на места весьма значительно, что отрицательно влияет на раскрытие и расследование преступления.

Таким образом, необходимо отметить, что преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств невозможно раскрыть без производства судебных экспертиз. Несмотря на то, что законодательство не предусматривает обязательного назначения судебных экспертиз по делам рассматриваемой категории, такая обязанность у лиц, осуществляющих производство по уголовным делам, возникает исходя из судебно-следственной практики.

Список литературы:

1. Колюжный А.Н., Флоря Д.Ф. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: учебное пособие. — М., 2010. — 256 с.1.
2. Лузгин И.М. Криминалистическая идентификационная экспертиза // Основы советской криминалистической экспертизы. — М., 1975. — 136 с.
3. Моисеева Т.Ф. Криминалистическое исследование веществ, материалов и изделий из них : курс лекций. — М., 2009. — 208 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 23.12.2010) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета. 2006. № 137.
5. Приказ МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. 2005. № 191.
6. Приказчиков В.П., Резван А.П., Косарев В.Н. Подготовка и назначение экспертиз : учебно-методическое пособие. — Волгоград: ВЮИ МВД России, 1999. — 108 с.
7. Смирнов Л.В., Калиновский К.Б. Следственные действия в российском уголовном процессе: учебное пособие. — СПб., 2004. — 73 с.
8. Эйсман А.А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). — М., 1967. — 152 с.

СЕКЦИЯ 2.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент кафедры экономико-управленческих и
правовых дисциплин Новгородского филиала РГГУ,*

г. Великий Новгород

E-mail: andreeva56@mail.ru

Любые преступления влекут изменения во внешнем мире, в окружающей обстановке и вызывает наступление определенных последствий, вредных для охраняемых уголовным законом личных и общественных интересов. При переходе к рыночным отношениям происходит изменение структуры преступности, переоценка общественной опасности явлений. Безусловно, экономические основы общественного строя регулируются в статьях 7, 8, 9, 34—37, 39—43, 71—75, 114, 130, 132 Конституции Российской Федерации [1], вместе с тем государственное регулирование экономической деятельности и предпринимательства не имеет комплексного, всеобъемлющего регулируются как на уровне федерации, так и отдельных субъектов Российской Федерации. В итоге это не могло не сказаться на правовом положении и обеспечении безопасности личности, участвующей в предпринимательской деятельности. Отсутствие комплексного подхода не отвечает в полной мере отечественным конституционным традициям, а также оказывает определенное влияние на регулирование предпринимательской деятельности в целом, а также на гарантии обеспечения безопасности личности в бизнесе. Практически во всех конституциях советского периода отечественной истории [2; 3; 4] принципиальный акцент производился на экономических основах общественного строя, что соответствовало господствующей в прошлом доктрине марксизма-ленинизма. В современных условиях, по мнению автора, возникает вопрос о целесообразности исследования свободы экономической деятельности как принципа конституционного строя

Российской Федерации, непосредственно определяющего принципы свободы личности и безопасности в предпринимательской деятельности.

По мнению Е.И. Козловой, конституционное (государственное) право регулирует базовые общественные отношения, складывающиеся во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе и в экономической сфере [6, с. 6]. Такой подход, очевидно, диктует необходимость фиксации в конституционном законодательстве не только основ политической, социальной и духовной жизни общества, но и базовых начал экономической системы. Эта позиция отражена в исследованиях В.Г. Стрекозова и Е.М. Ковешникова, которые не отрицали возможности конституционного регулирования базовых начал функционирования экономики в рамках основ конституционного строя, но ничто и не обязывало законодателя к этому [8, с. 6—7; 5, с. 1].

Одним из таких преступных деяний, направленных против бизнесменов, стало «рейдерство». Действия рейдеров направлены на завладение или установление контроля над группой предприятий (сетей), на предприятиях, связанных технологической цепочкой либо крупный бизнес. Довольно часто, рейдеры прибегают к физическому уничтожению собственников бизнеса.

Захватом, согласно уголовному законодательству, являются внезапные для потерпевшего агрессивные действия виновного, которые соединены с насилием или угрозой применения насилия. Нападение и следующее за ним насилие (или угроза) составляют органическое единство двух противоправных актов, которые объединены единой целью — завладение материальным производственным комплексом либо установлением контроля над бизнесом. Поэтому факт рейдерского захвата бизнеса, как самостоятельный объективный признак «рейдерства», можно рассматривать только условно, в связи с отсутствием состава преступления в особенной части уголовного кодекса, вместе с тем вне насилия или угрозы применения насилия, «рейдерство» не теряет уголовно-правового значения. Физическое насилие может быть ограничено в статье о рейдерском захвате в общем виде как опасное для жизни и здоровья. Насилие может быть не только физическим, но и психическим. Психическое насилие при рейдерском захвате и рейдерском поглощении заключается в угрозе непосредственного применения насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего. Угроза может быть выражена словами, жестами, демонстрацией оружия. Цель угрозы — подавить волю потерпевшего, принудить его передать бизнес, подарить или не препятствовать его изъятию. Насилие может быть применено не только к

предпринимателю, собственнику имущества, но и к любому другому лицу, препятствующему совершению акта «рейдерства».

Основополагающим понятием в определении рейдерского захвата является понятие «захвата», то есть действие, направленное на определенный объект. Насильственный характер действий по захвату предприятия возможен посредством использования организованной силы (преимущественно вооруженной) — силовых структур, а также демонстрации готовности применить силу. Действие в ходе рейдерской атаки в уголовно-правовом смысле может быть выражено в непосредственном физическом воздействии на предмет преступления, удаление с территории предприятия работников предприятия и менеджеров, в приостановлении деятельности или нарушении производственного процесса. Основную характеристику преступного действия представляет способ совершения преступления, т. е. совокупность определенных приемов, используемых преступником при реализации своих намерений. Рейдерский захват часто начинается с совершения совокупности преступных деяний, которые бизнесмен не квалифицирует как реальную угрозу его личности. В частности, нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ [10]) либо нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ [10]), затем рейдеры переходят к иным действиям — незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ [10]), сопряженную с подделкой, изготовлением или сбытом поддельных документов (ст. 327 УК РФ [10]). В отношении «рейдерства», законодатель избрал оценку деяния посредством набора норм Особенной части УК РФ, тем самым практически не признавал опасность «рейдерства». В зависимости от объекта посягательства, от условий места и времени, от намерений преступника он избирает способом достижения своих целей действия различного рода: подлог документов, нанесение телесных повреждений, похищение имущества и т. д. Все эти действия, применяемые в ходе рейдерской атаки, могут быть насильственными и ненасильственными. В большинстве случаев преступление, совершенное путем действия, состоит из последовательных актов, тесно связанных между собой своим объективным содержанием. Множество способов захвата предприятия рейдерами зависят от разных условий (организационно—правовой формы, наличия задолженности по кредитам, степень близости захватчика к административному ресурсу и многое другое). В некоторых случаях точнее было бы рассмотреть не действия, а деятельность преступников, слагающуюся из целого

комплекса поступков, взаимно друг с другом связанных. Преступники в ряде случаев направляют свои действия не непосредственно на объект посягательства, а используют для достижения преступного результата промежуточные звенья: поступки других лиц, различные механизмы (например, средства транспорта) и т. п. [7, с. 104]. Системное противодействие рейду возможно только при параллельной реализации действий по следующим направлениям: необходимо законодательно закрепить понятие «рейдерства» и дать его правовую оценку как преступления, внести изменения в уголовное, гражданское и арбитражное законодательство, систему органов предварительного следствия и сроки рассмотрения дел в суде, обеспечения безопасности личности.

Отдельные составы «рейдерства» отсутствуют, а в целом Глава 22 УК РФ [10], определяя виды наказуемых деяний в области экономической деятельности, направлена на оценку преступлений совершаемых предпринимателями. Некоторые составы преступлений в области экономики возможно оценить только по совокупности. Характерным силовым способом рейдерского захвата является самоуправство (ст. 330 УК РФ [10]), также возможно сравнение мошенничества (ст. 159 УК РФ [10]) с рейдерским завладением, а вымогательства (ст. 163 УК РФ [10]) — с рейдерским захватом. Как отмечает П. Сычев, при наказании рейдеров формируется практика применения нескольких статей Уголовного кодекса РФ [9, с. 153—158]. Рейдерский захват и рейдерское завладение имеют схожие преступные деяния в виде нападения с применением насилия либо с угрозой его применения. Общим являются и способы совершения преступных действий — применение насилия либо угрозы его применения. Цель совершения нападения — завладение производственным комплексом, предприятием, бизнесом.

Среди причин, потенциально способствующих рейдерскому захвату, можно назвать следующие: незаконное присвоение акций миноритарных акционеров; внутренние хищения и «откаты»; заключение непрозрачных договоров; уход от налогов; противозаконное приобретение базовой собственности; невыплаты зарплаты; вывод и обременение активов на аффилированные структуры; невозврат кредитов; обман партнеров и поставщиков и прочие. Для предотвращения рейдерских захватов необходимо внимательное изучение предпосылок и причин захватов и недружественных поглощений, а также способов, которыми действуют рейдеры. Велик риск уголовного преследования бизнесмена. Например, в связи с уклонением от уплаты налогов и (или) сборов с организации (ст. 199 УК РФ [10]) либо нарушениями экологического законодательства, когда предприниматель становится фигурантом по уголовному делу.

Таким образом, уголовно-правовая политика в борьбе с «рейдерством» заключается в определении квалифицирующих признаков «способствующих рейдерскому захвату», внесения изменений в действующий УК РФ, возможно с параллельной разработкой федерального закона «О рейдерстве», а затем, принятие антирейдерских норм, включив две отдельные статьи в главу 22 УК РФ. По мнению автора, необходимо законодательно закрепить сущность общественно опасного деяния (рейдерства) в целях отграничения от смежных форм общественно опасного поведения, а также отражения уровня выраженности общественной опасности в содержании данного преступления.

Обеспечение безопасности личности в экономической сфере заключается как в конституционных гарантиях предпринимательской деятельности, так в уголовно-правовых квалифицирующих признаках антирейдерских норм, направленных на защиту бизнесмена, выделив отдельную главу в УК РФ, отражающую уровень общественной опасности преступлений в области предпринимательской деятельности.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. — М., 1993. — 160 с.
2. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 10 ввода 1918 года// СУ РСФСР, 1918, М 51, ст. 582.
3. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических республик от 5 декабря 1936 года// Известия ЦИК Союза ССР/ ВЦИК, 1936, № 283, 6 декабря.
4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 7 октября 1977) года// Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 41, ст. 617.
5. Ковешников Е.М. Конституционное право РФ. Курс лекций, М., 1998.
6. Козлова Е.И, Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерация, М., 1995.
7. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 2002.
8. Стрекозов В.Г., Казанчев Ю.Д. Государственное (конституционное) право Российской Федерации. М., 1995.
9. Сычев П.Г. Отобрать и присвоить не проблема. Пробелы в законодательстве развязали рейдерам руки. Закон. — 2007. — Август. — С. 153—158.
10. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 25. —Ст. 2954.

СЕКЦИЯ 3.

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Снегирёва Светлана Викторовна

*ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», соискатель кафедры арбитражного процесса, г. Саратов
E-mail: kliks@bk.ru*

Доказывание по делам о защите деловой репутации является трудоемким процессом, требующим познания, осмысления сложности не только такого правового явления, как деловая репутация, но и самого процесса доказывания. Выделить все проблемы, возникающие при доказывании по данной категории дел в арбитражном процессе, и полностью раскрыть их в рамках данной статьи невозможно, но целесообразно остановиться на наиболее важных и значимых из них. К данным проблемам можно отнести определение предмета доказывания, установление необходимых доказательств, распределение обязанности по доказыванию по делам о защите деловой репутации, а также методика доказывания в зависимости от участвующих субъектов. Доказывание, являясь логико-практической деятельностью, не может не иметь своего предмета. Формирование предмета доказывания по делам о защите деловой репутации позволяет правильно определить цель познания, выбрать оптимальный режим сбора, представления, исследования и оценки доказательств.

В процессуальной теории традиционно под предметом доказывания понимается совокупность фактов, имеющих материально-правовое значение, установление которых необходимо для вынесения судом законного и обоснованного решения по делу. Включение в предмет доказывания фактов процессуального характера остается дискуссионным. Например, Т.А. Лилуашвили, определяя предмет доказывания как особый процессуальный институт, указывал, что в него входят лишь те факты, которые имеют материально-правовой характер, факты, без выяснения которых нельзя правильно разрешить дело по существу, факты, установление истинности которых является

непосредственной целью доказывания [5, с. 57]. Наукой процессуального права не выработана единая классификация фактов, входящих в предмет доказывания по делу, и связано это с тем, что практически каждый из ученых, которые занимались разработкой данной проблемы, предлагали свой вариант решения:

С.В. Курылев определял факты, входящие в предмет доказывания, как положительные и отрицательные, факты явления и факты состояния [4, с. 49].

К.С. Юдельсон, относя к обстоятельствам, входящим в предмет доказывания, обстоятельства, которые составляют основания требований и возражений сторон, указывал на различие предмета доказывания для истца и ответчика. В объект судебного доказывания К.С. Юдельсон включал:

1. факты, образующие права и обязанности, имеющие для данного требования правообразующее (правоизменяющее) значение;
2. факты легитимации (активной и пассивной);
3. факты повода к иску, наличие которых делает возможным судебную защиту права.

Л.П. Смышляев относил к фактам, входящим в предмет доказывания, только материально-правовые, но не процессуальные факты [8, с. 18].

Для обозначения всей совокупности фактов, подлежащих доказыванию, употребляется термин «пределы доказывания».

Факты, имеющие материально-правовое значение, или юридические факты, — это факты, с наличием или отсутствием которых закон связывает возможность возникновения изменения или прекращения материально-правовых отношений между их субъектами. Установление фактов, имеющих материально-правовое значение, имеет главенствующее значение при рассмотрении дела в арбитражном суде, поскольку от правильного их определения и установления, в первую очередь, зависит правильное разрешение дела.

И.В. Решетникова определяет предмет доказывания как совокупность обстоятельств материально-правового и процессуального характера, подлежащих установлению для правильного разрешения гражданского дела. Кроме того, все факты, включенные в предмет доказывания, можно суммировать как:

1. основные материально-правовые факты;
2. вспомогательные факты (доказательственные факты, факты, установление которых необходимо для вынесения частного определения);
3. процессуальные факты, имеющие значение для разрешения дела;
4. проверочные факты [7, с. 240—241].

Общепринято, что источником формирования предмета доказывания являются нормы материального права, подлежащие применению, а

также основания иска и возражения против него. Сам вопрос об определении предмета доказывания, несмотря на провозглашенный принцип состязательности, по российскому законодательству решает суд. Хотя первоначально при подаче искового заявления истец не может не предвидеть (или не предполагать), на каких фактах он будет обосновывать свои требования, т.е. определять для себя предмет доказывания по делу, другое дело, если его определение предмета доказывания может быть ошибочным, что и должен исправить суд.

Существующая судебная практика выработала необходимые критерии, определяющие предмет доказывания по делам о защите деловой репутации. Например, в Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда от 23 сентября 1999 № 46 отмечалось, что истец должен предоставить доказательства, подтверждающие:

- а) факт нарушения деловой репутации;
- б) причинную связь между понесенными убытками и нарушением деловой репутации;
- в) размер убытков, возникших у истца в связи с нарушением его деловой репутации [3, с. 18].

Для определения фактов, входящих в предмет доказывания по делам о защите деловой репутации, необходимо учитывать следующее.

1. Основные материально-правовые факты можно вывести из норм материального права:

- а) нормы, раскрывающие понятие деловой репутации, содержатся в общих положениях ГК РФ, что является особенностью деловой репутации, так как ее защита возможно во всех институтах, установленных гражданским законодательством;
- б) кроме общих положений, предмет доказывания определяется исходя из конкретного материального правоотношения и связан со своеобразием разрешаемого дела.

2. Иные факты, в том числе и процессуального характера, включаемые в предмет доказывания.

Кроме того, предмет доказывания тесно связан с другими институтами процессуального права, а именно:

- а) с особенностями доказательств и средств доказывания, предъявляемых сторонами в арбитражном процессе;
- б) с распределением бремени доказывания, установленного нормативными актами.

Таким образом, можно разделить материально-правовые факты, входящие в предмет доказывания по делам о возмещении убытков, на обязательные (учитываемые судом при рассмотрении любого дела

подобного рода) и факультативные (включение в предмет доказывания зависит от особенностей конкретного материального правоотношения).

Нужно также отметить, что действующий сейчас принцип состязательности в судебном процессе практически делает «неработающей» формулировку ст. 15 ГК РФ, которая устанавливает, что лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем доходы, полученные лицом, нарушившим право. Связано это с тем, что обосновать такие доходы истец может, только ссылаясь на документацию ответчика, которую последний, естественно, добровольно истцу не представляет, а суд зачастую вполне обоснованно не удовлетворяет ходатайство истца об истребовании документов у ответчика. Иначе иск представлял бы собой следующее: «ходатайствуем к суду истребовать документы у ответчика, на основании которых мы определим свои убытки, подтверждением которых будут опять-таки истребованные у истца документы». Сведения, содержащиеся в указанных документах, почти всегда являются коммерческой или служебной тайной, поэтому позиция суда при решении таких вопросов вполне обоснованна и понятна. С другой стороны, в подобных ситуациях размер упущенной выгоды не может быть меньшим, чем доходы, полученные нарушителем, что определяет минимальный предел размера упущенной выгоды, а также существенно облегчает процесс доказывания размера подлежащих возмещению убытков.

Предмет доказывания по делам о защите деловой репутации не является чем-то устоявшимся, неизменяемым и может меняться в зависимости от конкретного дела, рассматриваемого судом, и позиций сторон.

Следующим обязательным фактом, включаемым в предмет доказывания по делам о защите деловой репутации, является факт причинной связи между противоправным поведением и возникшими убытками. Необходимость включения данного факта в предмет доказывания выводится из общих положений ст. 15 ГК РФ, понятие необходимо устанавливать исходя из существующей научной доктрины и существующей судебной практики. Неустановление судом факта причинной связи ведет к отказу в удовлетворении требований истца о возмещении убытков. Практика Высшего Арбитражного Суда РФ подтверждает существование определенной сложности в установлении причинной связи как правового явления, особенно в отношении упущенной выгоды [6, с. 40—41].

На практике суд, рассмотрев все обстоятельства дела, может реально подойти к разрешению спора, так как законодатель не ограничивает суд определенными рамками.

Все юридически значимые факты, входящие в предмет доказывания, образуют фактический состав по делу, формируемый исходя из оснований иска и возражения ответчика, норм материального права, подлежащих применению. Исходя из принципа состязательности сторон, каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений — данное правило является общим правилом распределения обязанности по доказыванию.

Вместе с тем в нормах материального права закреплены частные правила, устанавливающие обязанности по доказыванию. Определенный субъект, но уже не процессуального, а материального правоотношения должен привести доказательство в пользу конкретного материально-правового факта. Такие правила призваны учесть специфику конкретных гражданских правоотношений. Эти правила носят процессуальный характер и применяются в гражданском процессе наряду с общими процессуальными правилами. Поэтому следует признать обоснованным и закономерным закреплением АПК РФ правила, нормативно оформляющего взаимосвязь процессуальных норм, регулирующих судебное доказывание, и норм материального права:

Обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, определяются судом на основании требований и возражений лиц, участвующих в деле, в соответствии с подлежащими применению нормами материального права.

Список литературы:

1. Арбитражно-процессуальный Кодекс Российской Федерации // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=122616>
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.garant.ru/10164072/>
3. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда от 23 сентября 1999 № 46 //Вестник Высшего Арбитражного Суда, 1999 г., № 11
4. Курьлев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969.
5. Лилуашвили Т.А. Предмет и бремя доказывания в советском гражданском процессе. Т., 1957 .
6. Обзор судебной практики //Вестник ВАС РФ. 1999. № 10.
7. Решетникова И.В. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве. Екатеринбург, 1997.
8. Смышляев Л.П. Предмет доказывания и распределение обязанностей по доказыванию в советском гражданском процессе. М., 1954.

СЕКЦИЯ 4.

ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

СИСТЕМА ОХРАНЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЗАРУБЕЖОМ

Бобенко Анна Васильевна

*студент 3 курса юридического факультета НИУ «БелГУ», г. Белгород
E-mail: bobenthik@rambler.ru*

Максименко Александр Владимирович

*кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и
процесса НИУ «БелГУ», г. Белгород*

Плодотворный поиск ответов на многочисленные вопросы, которые возникают в области охраны памятников истории и культуры в связи с происходящими в России реформами частного сектора в сфере недвижимости, невозможен без обобщения практики других стран. Поэтому вполне закономерным является рост интереса в России к опыту зарубежных государств по сохранению культурного и исторического наследия.

Подходы к определению понятия «культурное и историческое наследие» за последние десять лет были существенно пересмотрены как наиболее развитыми странами мира, так и международными организациями (прежде всего ЮНЕСКО), в компетенцию которых входят вопросы охраны исторического и культурного наследия. Если раньше охрана культурного и исторического наследия сводилась к охране отдельных выдающихся материальных памятников, то новые подходы к определению понятия культурного и исторического наследия и его охране предполагают [1]:

- переход от охраны отдельных объектов к охране городских ландшафтов, включающие как выдающиеся памятники наследия, так и объекты рядовой застройки, а также природные ландшафты, исторически сложившиеся пути;
- переход от охраны только выдающихся памятников к охране исторической застройки, отражающей образ жизни рядовых горожан;

- переход от охраны только памятников старины к охране памятников XX века;
- переход от защиты только материального наследия к охране нематериального наследия, включающего в себя традиции, жизненный уклад и соседства, сложившиеся в том или ином историческом месте;
- активное участие общества, и прежде всего — местных жителей в сохранении культурного наследия и его интеграции в социальную и экономическую жизнь города («витализации»);
- интеграцию наследия в повседневную жизнь города и превращение в ее неотъемлемый и обязательный элемент.

Названные положения описывают идеальную ситуацию в области сохранения культурного и исторического наследия. В полной мере они не были реализованы и не могут быть реализованы ни в одном городе мира. В противном случае города превратились бы в музеи, непригодные ни для нормальной жизни, ни для экономической деятельности. Вместе с тем в развитых странах политика в области сохранения и регенерации наследия основывается именно на этих принципах. Более того, в ряде стран, прежде всего в странах Европы, регенерация и интеграция культурного и исторического наследия все чаще рассматриваются как движущая сила развития исторических городов в целом.

Основной коллизией, связанной с применением расширительного понимания термина «объект культурного и исторического наследия» является необходимость, с одной стороны, изыскать средства для содержания и реставрации многочисленных памятников (содержать все объекты наследия за свой счет является невыполнимой задачей для любого государства), а с другой — интегрировать объекты наследия в хозяйственную жизнь города и ввести их в экономический оборот. В мире сегодня используются четыре основных способа интеграции памятников в жизнь современного города («витализации» культурного и исторического наследия) и введения их в экономический оборот [2; с. 153]:

- приватизация памятников с наложением обременения на частных собственников;
- девелопмент объектов наследия;
- развитие культурного и познавательного туризма и создание на базе объектов наследия туристических продуктов и брендов;
- продажа «ауры» исторического и культурного наследия, когда привлекательность исторических городов и отдельных исторических районов используется для увеличения стоимости новой недвижимости.

Ни один из этих методов нельзя признать идеальным, каждый из них имеет свои существенные недостатки. Поэтому, если указывать на

успешные примеры регенерации объектов наследия, как правило, эти методы применяются в комплексе.

Приватизация памятников истории и культуры является одним из наиболее распространенных способов капитализации объектов наследия и привлечения частных инвестиций на их реставрацию и содержание. В частности, во Франции по состоянию на начало 2008 года в частной собственности находилось более 49,5% зданий, признанных памятниками архитектуры, истории и культуры и находящихся под охраной государства [4].

В тех странах, где работает подобная система, собственник принимает на себя обязательства по сохранению, использованию и популяризации (обеспечению доступа населения) объектов культурного наследия.

Например, согласно французскому законодательству об охране памятников, собственник обязан согласовывать любые изменения (в том числе реконструкцию и реставрацию) объекта, классифицированного как памятник, для чего не менее чем за четыре месяца до начала работ префекту региона подаётся соответствующая заявка с подробным проектом предстоящих работ. Классифицированные объекты, а также составляющие их части не могут быть уничтожены или перемещены. О смене собственника объекта необходимо предварительно информировать министра культуры и коммуникаций. При этом новый собственник должен быть заблаговременно поставлен в известность о том, что объект является историческим памятником и на него будут наложены обременения. Точно также с министерством должно согласовываться любое строительство в непосредственной близости от охраняемого объекта [1].

За нарушение собственником принятых на себя обязательств законодательство стран ЕС предусматривает крайне жесткие санкции, вплоть до конфискации памятника без каких-либо компенсаций.

В мировой практике применяется и другой инструмент поддержки частных владельцев памятников — стимулирование. Наиболее эффективным инструментом стимулирования частных владельцев объектов наследия являются льготы по налогу на недвижимость, который в странах ЕС рассчитывается по кадастровой, а не балансовой стоимости недвижимости, и ставки которого здесь повсеместно высоки. Кроме того, применяются отсрочки от уплаты налогов, ускоренная амортизация, налоговые вычеты, освобождение от некоторых налогов, льготные условия предоставления кредитов. Используется и уменьшение установленной арендной платы на сумму затрат, связанных с реставрацией и содержанием памятника, или взимание арендной платы по минимальной ставке. В ряде стран ЕС установлена льготная

ставка НДС для работ на исторических зданиях. Часто стоимость ремонта и обслуживания исторических зданий возмещается за счет льготы в уплате подоходного налога [2; с. 153].

Не менее широко для капитализации объектов наследия используется девелопмент. Необходимо отметить, что девелопмент является наименее щадящим способом регенерации объекта наследия, который несет в себе существенные риски утраты подлинности памятника. В целом в мире практически невозможно найти, безусловно, успешных примеров девелопмента памятников истории и культуры.

Широко и успешно девелопмент используется для регенерации районов рядовой исторической жилой и промышленной застройки, которая сама по себе не является памятником и самостоятельной культурной и исторической ценности не имеет.

Примером может служить реализованный в Бирмингеме проект регенерации Квартала Ювелиров, проекты регенерации доков и пакгаузов в Лондоне и Гамбурге, многочисленные проекты создания торговых улиц в районах исторической застройки, реализованный в Руре проект индустриального парка Эмшер на месте закрытых угольных шахт и многие другие [1].

Туризм — это наиболее очевидный и традиционный способ капитализации объектов наследия и обеспечения возврата инвестиций в реконструкцию и содержания памятников. С середины 1990-х годов доля туризма в мировой торговле услугами составляет более 30%. По своему вкладу в мировую экономику рынок туризма сопоставим только с рынком нефти. Ежегодный рост инвестиций в индустрию туризма составляет около 35%. Туризм стал одним из самых прибыльных видов бизнеса и сегодня использует до 7% мирового капитала [5]

В целом за последние 30 лет в Европе сформировалась развитая организационная инфраструктура сохранения и регенерации объектов наследия. Появилась и стала общепризнанной такая специализация в области государственного управления, как «менеджмент наследия», задачей которого является создание конкурентоспособных девелоперских и туристических продуктов, разработка и реализация проектов регенерации с сохранением сохранности подлинных памятников и рядовой исторической застройки, а также с учетом интересов местных жителей и бизнеса. Еще одной существенной чертой системы охраны и регенерации наследия в развитых странах является значительная роль некоммерческих общественных организаций. В Италии ежегодно привлекается порядка 1,5 млрд евро из средств частных жертвователей, некоммерческих фондов и организаций на реставрацию и содержание памятников. В Великобритании около трети всех проектов по

регенерации исторических районов городов осуществляется при финансовой, экспертной и консультационной поддержке национального траста English Heritage, который финансируется преимущественно за счет взносов частных лиц [2, с. 153].

Зарубежный опыт указывает на то, что в странах в настоящее время действует сложная и в целом эффективная система охраны памятников, отличающаяся сочетанием признания общественной ценности сохранения национального наследия с уважением интересов собственников зданий. Успех ее базируется на традиционно сильной гражданской инициативе, выражающейся в деятельности многочисленных общественных организаций, мерах федерального правительства и правительств штатов по координации усилий и материальной поддержке, а также широких полномочиях и активности муниципальных органов управления.

Список литературы:

1. Белгородская государственная универсальная научная библиотека: [сайт] / БГУНБ. — Белгород, 2000-2009. — Режим доступа: <http://bgunb.ru>.
2. История государства и права зарубежных стран / под ред. К.И. Батыра. — М.: Проспект, 2009. — 496 с.
3. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 16 ноября 1972 г.) // Историко-культурное и природное наследие: хрестоматия / Сост.: Н.М. Маркдорф, В.В. Сенкус, И.П. Рещикова. — Новокузнецк: РИО НФИ КемГУ, 2008. — 286 с.
4. [Электронный ресурс] — Режим доступа. - URL: <http://www.rusdb.ru/gorod/expo-cultnasledie/culture/>
5. [Электронный ресурс] — Режим доступа. - URL: <http://workpay.ucoz.ru/publ/1-1-0-5>

УСЛОВИЯ ПОЛУЧЕНИЯ МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛА

Малимон Людмила Александровна

*студент 3 курса Белгородского государственного национального
исследовательского университета (НИУ «БелГУ»), г. Белгород*

E-mail: mila-malimon@rambler.ru

Прокопенко Алексей Николаевич

*канд. техн. наук, доцент Белгородского государственного
национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»),
г. Белгород*

С 2007 года в Российской Федерации появился институт материнского (семейного) капитала для поддержки молодых семей, решившихся родить или усыновить второго и более детей. Он был введен Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [5]. За 5 лет существования этого института он претерпевал множество изменений и реформаций. С 2007 года сертификат на материнский капитал получило свыше 3 миллионов российских семей [7; 2]. Круг лиц, имеющих право на получение материнского капитала, определен законодательством РФ, а именно в Федеральном законе «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» № 256-ФЗ от 29.12.2006 [5]. Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона № 256-ФЗ право на дополнительные меры государственной поддержки возникает при рождении (усыновлении) ребенка (детей), имеющего гражданство Российской Федерации, у следующих граждан Российской Федерации независимо от места их жительства: 1) женщин, родивших (усыновивших) второго ребенка начиная с 1 января 2007 года; 2) женщин, родивших (усыновивших) третьего ребенка или последующих детей начиная с 1 января 2007 года, если ранее они не воспользовались правом на дополнительные меры государственной поддержки; 3) мужчин, являющихся единственными усыновителями второго, третьего ребенка или последующих детей, ранее не воспользовавшихся правом на дополнительные меры государственной поддержки, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу, начиная с 1 января 2007 года [5].

На практике встречаются случаи, когда территориальные органы Пенсионного фонда РФ необоснованно отказывают гражданам в получении сертификата на материнский капитал. Изменить ход «бюрократической машины» сумел 39-летний житель Нефтекамска.

Александр Афанасьеву пришлось полгода убеждать судей, что он, воспитывая двух детей от разных жен, имеет не меньше прав на материнский капитал, чем женщины, родившие столько же детей от разных мужей. Александр получил сертификат в 343 тысячи рублей. Отец-одиночка из Благовещенска Эдуард Якименко после смерти жены также сумел в суде доказать свое право на получение материнского капитала. Хотя обстоятельства в этом случае были несколько иные: покойная супруга Эдуарда при жизни успела удочерить двух его дочек от первого брака. Тем не менее, советы Якименко и копии судебных документов помогли Афанасьеву выстроить свой иск. В итоге семья Афанасьевых смогла расширить свою жилплощадь, купив новую квартиру после продажи старой и получения права на материнский капитал [2, с. 14]. Несоввершеннолетний ребенок (дети в равных долях) или учащийся по очной форме обучения ребенок до достижения им 23-летнего возраста может воспользоваться средствами материнского (семейного) капитала при прекращении права на дополнительные меры государственной поддержки отца (усыновителя) или женщины, являющейся единственным родителем (усыновителем) [5]. Субъектом права на дополнительные меры государственной поддержки может быть и сам ребенок, но уже при существовании права на дополнительные меры государственной поддержки его родителей. Об этом указывается в пояснительной записке к Проекту постановления Правительства РФ «О внесении изменений в Правила направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на получение образования ребенком (детьми) и осуществление иных связанных с получением образования ребенком (детьми) расходов». Согласно внесенным поправкам, договор с образовательным учреждением на обучение сможет заключить любой из родителей либо сам студент (правда, только в том случае, если он уже достиг совершеннолетия) [4, с. 12]. Этот факт несколько упрощает процедуру оплаты обучения ребенка. Родителям нет необходимости сопровождать его в другой город, чтобы подписать договор с образовательным учреждением. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» № 256-ФЗ от 29.12.2006 определил преимущество женщины перед остальными субъектами на право предоставления капитала [5]. В настоящее время законодателем никак не определен вопрос о судьбе материнского капитала в случае распада семьи. Например, супруги расторгли брак, возникают вопросы о том, с кем будут проживать дети, и о разделе совместно нажитого имущества. В частности, сертификат выдан матери детей, а дети согласно соглашению либо судебному решению будут проживать с отцом. В этом случае можно рассматривать, по

крайней мере, следующие пути решения этой проблемы: при установлении режима средств материнского капитала как меры поддержки женщины супруг не может претендовать на них, если же рассматривать их как средство поддержки семьи, то он может поднять вопрос и о его доли, в частности при направлении капитала на улучшение жилищных условий. Третье решение проблемы: право на семейный капитал следует за детьми, т.е. с кем проживают дети, тому и принадлежит право на распоряжение им. Если дети остались без родительского попечения, то они могут быть усыновлены. У женщины (семьи), их усыновившей, может возникнуть право на материнский капитал. В случае положительного ответа в отношении тех же детей повторно возникнет право на материнский семейный капитал, но такое решение не будет соответствовать сути социального обеспечения [1, с. 16] Кроме того, что Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» № 256-ФЗ от 29.12.2006 четко определен круг лиц, имеющих право на получение материнского (семейного) капитала, но в нем еще содержится перечень условий, необходимых для его получения. Анализируя часть 1 статьи 3 Федерального закона, автор рассматривает несколько важных условий, при одновременном наличии которых перечисленные выше управомоченные лица смогут воспользоваться средствами материнского (семейного) капитала: гражданство (матери, ребенка); временные рамки (с 1.01.2007 по 31.12.2016 года); наличие факта рождения (усыновления) второго, последующего ребенка [5].

Право на дополнительные меры государственной поддержки возникает у граждан Российской Федерации, если они обладали гражданством Российской Федерации на момент рождения (усыновления) второго, третьего или последующих детей, и на день предъявления в Пенсионный фонд Российской Федерации или его территориальные органы заявления о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал, и подтвердили это в установленном законом порядке. Второе важное условие, влияющее на возникновения права на дополнительные меры государственной поддержки — это временной фактор. Так, право на материнский (семейный) капитал возникает лишь в случаях рождения (усыновления) второго, третьего ребенка и последующих детей начиная с 1 января 2007 года, а именно с 00.00 часов 1 января 2007 года [3]. При этом Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» № 256-ФЗ от 29.12.2006 обратной силы не имеет. В случаях, если ребенок появился на свет за несколько минут до наступления нового года, права у лица на дополнительные

меры государственной поддержки не возникает. Конечно, будет приниматься во внимание дата, указанная в свидетельстве о рождении ребенка. Данные в свидетельство о рождении заносятся на основании сведений, предоставленных из родильного дома, где происходили роды. В этом случае, конечно, не исключен подкуп медицинского персонала родителями, чтобы в свидетельстве о рождении стояла совсем иная дата. Еще одним условием возникновения права на дополнительные меры государственной поддержки является наличие факта рождения (усыновления) второго, последующего ребенка. Автор отметил, что право на материнский (семейный) капитал должно возникать не только в случаях рождения у имеющей уже ребенка мамы второго, третьего ребенка или последующих детей начиная с 1 января 2007 года, но и в случае рождения двойни или более детей одновременно. Поскольку в соответствии со статьей 22 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» запись акта о рождении в случае рождения двойни или более детей одновременно составляется в отношении каждого ребенка с указанием последовательности их рождения. Налицо несколько фактов рождения. Соответственно на каждого ребенка выдается свидетельство о рождении [6]. Именно соблюдение указанных положений закона дает право лицам на получение материнского капитала.

Список литературы:

1. Ахмедшина А.Н. «Право на материнский (семейный) капитал в системе мер социального обеспечения» // «Журнал российского права», 2009, № 1.— С. 16.
2. Камаева Айгуль «343 тысячи за упорство» // Российская газета - Неделя № 5576 (200) 08.09.2011.
3. Лунина Е.В. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (постатейный) // СПС Консультант Плюс. 2007. 15.05.2007.
4. Невинная Ирина «Учиться на свои» // Российская газета - Федеральный выпуск № 5613 (237) 21.10.2011.
5. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2007, № 1, ст. 19.
6. Федеральный закон от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 47. Ст. 5340.
7. Цифра // Российская газета 13.10.2011. — № 230 (5606) С. 2

НАПРАВЛЕНИЕ СРЕДСТВ МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛА НА УЛУЧШЕНИЕ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ

Малимон Людмила Александровна

*студентка 3 курса Белгородского государственного национального
исследовательского университета (НИУ «БелГУ»)*

E-mail: mila-malimon@rambler.ru

Максименко Александр Владимирович

*кандидат юридических наук, доцент Белгородского государственного
национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»)*

Квартирный вопрос — одна из самых актуальных проблем современной России. Поэтому логично, что государственная политика направлена на улучшение жилищных условий с помощью материнского (семейного) капитала. Законодатель употребил формулировку «улучшение жилищных условий», а не приобретение жилья. Действительно на всю сумму материнского (семейного) капитала жилье не приобретешь (даже в сельской местности). Однако увеличить площадь жилого помещения можно. В слова «улучшение жилищных условий» Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» вложил более широкий смысл. Правительство Российской Федерации Постановлением от 12.12.2007 № 862 «О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий» утвердило Правила направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий [5]. Средства или часть средств материнского капитала могут пойти на строительство жилья или на его приобретение, причем допускается участие граждан в строительных или жилищно-строительных кооперативах. Однако жилое помещение, приобретаемое (строящееся) с использованием средств (части средств) материнского капитала, должно находиться исключительно на территории РФ. Кроме того, средства материнского капитала могут пойти на приобретение жилья с помощью кредита или займа. В частности, указанные средства могут быть направлены на уплату первоначального взноса, погашение основного долга и уплату процентов. При этом в счет средств материнского капитала можно погасить кредит, который был взят семьей и до возникновения права на материнский капитал.

Правилами предусмотрен порядок подачи заявлений о распоряжении средствами материнского капитала, перечень необходимых документов, прилагаемых к заявлению, а также порядок и срок перечисления денег. Для перечисления средств материнского капитала владельцам сертификатов необходимо будет обращаться с соответствующими заявлениями в территориальные органы Пенсионного фонда РФ. Если семья планирует распорядиться материнским капиталом в том году, когда они решили произвести покупку жилья, они должны подать заявление не позднее 1 мая соответствующего года, а если оплата жилья планируется на следующий год — то не позднее 1 октября [4, с. 28]. Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» предусмотрено направление средств материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий: приобретение (строительство) жилого помещения или индивидуального жилого дома; строительство или реконструкция индивидуального жилого помещения без привлечения организации-подрядчика; компенсация затрат на строительство или реконструкцию объекта индивидуального жилищного строительства; оплату первоначального взноса при получении кредита или займа, в том числе ипотечного, на приобретение или строительство жилья; погашение основного долга и уплату процентов по кредитам или займам, в том числе ипотечным, на приобретение или строительство жилья; оплату участия в долевом строительстве; оплату вступительного взноса в качестве участника жилищных, жилищно-строительных, жилищных накопительных кооперативов [8].

Понятие «приобретение жилого помещения означает получение лицом жилого помещения в собственность с возможностью осуществления трех присущих ей полномочий: владения, пользования и распоряжения. Самым распространенным в настоящее время способом приобретения права собственности на жилое помещения является купля-продажа. Скорее всего, средства материнского капитала большинством лиц, имеющих на него право, будут использованы именно для осуществления купли-продажи жилого помещения посредством совершения цепочки сделок: первоначальной продажи уже имеющегося у семьи жилья и последующей покупки более дорогой недвижимости. На основании статьи 16 Жилищного кодекса РФ граждане могут, используя средства капитала, приобрести дом, часть дома, квартиру, часть квартиры или комнату [1]. Согласно п. 2 Правил лицо, получившее государственный сертификат на материнский (семейный) капитал, вправе использовать средства (часть средств) на приобретение жилого помещения, осуществляемое гражданами

посредством совершения любых не противоречащих закону сделок и участия в обязательствах, путем безналичного перечисления указанных средств: юридическому лицу, осуществляющему отчуждение приобретаемого жилого помещения; физическому лицу, осуществляющему отчуждение приобретаемого жилого помещения [5].

Практике известны случаи, когда территориальный орган ПФ РФ отказывал лицу в перечислении средств материнского капитала продавцу квартиры, так жилье находилось в долевой или совместной собственности. Действительно, Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» употребляет термин «физическое лицо» в единственном числе. Теперь что касается другого требования пенсионного органа - заключение договора купли-продажи только от имени получателя сертификата на материнский капитал, заключение соглашения об оформлении приобретаемого жилого помещения в общую собственность и направление средств материнского капитала только после государственной регистрации договора купли-продажи. Данное требование является правомерным и соответствует положениям Федерального закона [7, с. 16]. Важнейшей является поправка в п. 1 ст. 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». В соответствии с данной поправкой средства материнского капитала отныне могут быть направлены на строительство, реконструкцию объекта индивидуального жилищного строительства (ОИЖС), осуществляемые гражданами без привлечения подрядчика, путем перечисления указанных средств на банковский счет лица, получившего сертификат [8]. Детализирован и порядок распоряжения этими средствами. Средства в пределах 50% суммы материнского капитала выдаются на строительство (реконструкцию) ОИЖС. Оставшаяся часть материнского капитала выдается на те же цели не ранее чем по истечении шести месяцев со дня выплаты первой части. При общей положительной оценке поправок вызывает вопросы требование п. 1.2 ст. 10 Федерального закона о том, что в результате реконструкции за счет материнского капитала общая площадь жилых помещений реконструируемого объекта должна быть увеличена не менее чем на учетную норму площади жилого помещения. В противном случае вторая часть материнского капитала за уже построенный объект не выплачивается. Очевидно, законодатели не предусмотрели тот факт, что за неполные 387 тыс. рублей пристроить к дому даже «учетные» 9 м.² можно лишь в районах, весьма удаленных от мегаполисов [2; 4]. С 18 августа 2011 года вступило в силу

Постановление Правительства РФ, которое определяет порядок выдачи документа, подтверждающего ведение строительства или реконструкции жилого дома собственными силами, то есть без привлечения подрядчика. Таким документом является акт освидетельствования проведения основных работ по строительству (реконструкции) объекта индивидуального жилищного строительства [6]. Направить средства материнского капитала можно на строительство жилья с помощью заключения с застройщиком договора долевого строительства. Регулирование данных отношений осуществляется Федеральным законом «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [9]. Приобретая жилое помещение на основании договора долевого строительства, граждане могут значительно сэкономить свои средства по сравнению с покупкой жилья на вторичном рынке. Однако при этом необходимо серьезно подходить к выбору застройщика, проверять всю документацию на строительство и внимательно изучать условия договора. Направить средства капитала можно также на вступление в жилищные, жилищно-строительные и жилищные накопительные кооперативы (ЖК, ЖСК и ЖНК). В деятельности по обеспечению членов кооператива жилыми помещениями различий между ЖК, ЖСК и ЖНК нет. Все они преследуют одни и те же цели - удовлетворение жилищно-бытовых потребностей членов кооператива. ЖК, используя средства членов кооператива, приобретает для них готовое жилье; ЖСК объединяет средства членов кооператива для строительства либо реконструкции многоквартирного дома; ЖНК за счет накопленных средств своих членов покупает для них как готовое, так и строящееся жилье.

Основным минусом приобретения жилья посредством кооператива является то, что перейдет оно в собственность гражданина (члена кооператива) только тогда, когда он выплатит 100 % его стоимости [3, с. 28] Лица, заключившие с кредитными организациями (банками) кредитный договор, могут направить средства капитала на погашение кредита. Ипотечное кредитование выступает связующим звеном между ограниченными финансовыми возможностями граждан и потребностями в самом насущном — в жилище. Отношения по ипотечному кредитованию регулируются Федеральным законом «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [10]. В России воспользоваться ипотекой могут только около 5 % граждан — люди, имеющие стабильные и весьма высокие доходы. Основная же часть населения России имеет низкие доходы, поэтому рассчитывать на то, что семьи

смогут получить кредит в банке на покупку жилья, а после рождения второго ребенка, используя средства капитала, погасить хотя бы часть кредита, представляется малореальным [3, с. 31]. Все перечисленные выше случаи предполагают улучшение жилищных условий за счет присоединения к средствам материнского (семейного) капитала собственных или заемных (кредитных) накоплений семей, имеющих детей, а не исключительно за счет средств материнского капитала.

Список литературы:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ [Текст] // Собрание законодательства РФ, 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 14.
2. Казанцев Д. Капитал для строительства // ЭЖ-Юрист. 2010. № 32. — С. 4—8.
3. Мазуров А.В., Вакарев А.В. Комментарий к Федеральному закону «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (постатейный). М.: Частное право, 2007. — С. 104.
4. Мошкович М., Завойкина Н., Терешко Ю. Материнский капитал на жилище // «ЭЖ-Юрист», — 2008, № 1, — С. 28—33.
5. Постановление Правительства РФ от 12.12.2007 № 862 «О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий» // «Собрание законодательства РФ», 17.12.2007, № 51, ст. 6374.
6. Постановление Правительства РФ от 18.08.2011 № 686 «Об утверждении Правил выдачи документа, подтверждающего проведение основных работ по строительству (реконструкции) объекта индивидуального жилищного строительства, осуществляемому с привлечением средств материнского (семейного) капитала» // «Собрание законодательства РФ», 22.08.2011, № 34, ст. 4990.
7. Терешко Ю. Не дают купить квартиру // ЭЖ-Юрист. 2010. № 31. — С. 16—19.
8. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2007, № 1, ст. 19.
9. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 30.11.2011) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 12.01.2005, № 37, ст. 4768.
10. Федеральный закон от 16 июля 1998 года N 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // «Собрание законодательства РФ», 20.07.1998, № 29, ст. 3400.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ

Маркман Ева Иосифовна

*аспирант Саратовской государственной юридической академии,
г. Саратов
E-mail: Haava@yandex.ru*

Современное информационное общество активно использует научно-технические достижения последних десятилетий

В стратегии национальной безопасности «доступность информационных технологий, а также информации по различным вопросам социально-политической, экономической и духовной жизни общества» названы в качестве одной из приоритетных задач для противодействия угрозам национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан [11]. «Состояние экономики имеет первостепенное значение для национальной безопасности страны, а экономическая безопасность выступает ее материальной основой [1]».

На этом фоне происходит трансформация даже таких традиционно рыночных институтов экономики, регламентируемых гражданским правом, как государственные торги.

Федеральная целевая программа «Электронная Россия» [13], закончившая свое действие в 2010 году предполагала создание «электронного государства». Данный термин обозначает «способ организации государственной власти, основанной на использовании информационно-коммуникационных систем» [15].

Ожидалось, что исполнение программы должно было обеспечить «кардинальное ускорение процессов информационного обмена в экономике и обществе в целом, в том числе между гражданами и органами государственной власти, повышение эффективности государственного управления и местного самоуправления» [13]. Вместе с тем, по состоянию на 2010 год эффективность исполнения программы оценивалась как низкая: в полной мере электронный документооборот между государственными органами, а также электронные коммуникации между государственными органами и гражданами так и не функционировали. Эффективность государственного управления в России, по оценке *Всемирного банка*, за эти годы практически не изменилась [8].

Электронный документооборот в настоящее время получает все большее распространение во многих сферах: торговых организациях, налоговых органах, банковской системе, здравоохранение, однако, следует отметить, что возможности его применения ограничены

отсутствием четкого законодательного регулирования. Нормы права и требования, регулирующие электронный документооборот, содержатся в следующих законодательных актах Российской Федерации:

- Конституция РФ [4]
- Гражданский кодекс Российской Федерации [3];
- Федеральный закон от 27 июля 2006 г № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5] ;
- Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» [7].

По мнению автора, с развитием информационных технологий стал широко применяться электронный документооборот, использование которого даёт массу преимуществ для пользователей:

- ускорение процессов документооборота; увеличивается скорость движения, поиска, согласования документов
- способность передавать документ по цифровым каналам связи; сокращаются непроизводительные траты времени и средств - снижение издержек, связанных с передачей информации традиционными средствами.
- легко изменяемое содержание (редактирование);
- теоретическая возможность вечного хранения;
- неограниченность экземпляров, имеющих юридическую силу
- и проч.

По экспертным оценкам, применение электронного документооборота в организациях способствует росту производительности труда сотрудников на 25—50 %, а время обработки одного документа сокращается более чем на 75 % [2].

Фундаментом для развития законодательства в сфере информационных технологий является Конституция РФ. Статья 29 Конституции РФ закрепляет право на свободу информации. По мнению автора, так же сюда можно отнести нормы статей 23 и 24 Конституции, гарантирующие неприкосновенность частной жизни, включая тайну переписки и сообщений, а так же обязанность органов власти обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы [4].

Автор отмечает, что в сложившейся в РФ нормативной ситуации, развитие информационных технологий, в значительной мере влияющих на развитие экономики страны, опережает их правовое закрепление.

Правовые механизмы, обеспечивающие реализацию конституционных норм в сфере информационных отношений, должны быть детализированы в специальном законодательстве. Действующие

федеральные законы «Об информации, информатизации и защите информации» [5], Закон РФ «О средствах массовой информации» [10] создавались более 10 лет назад. За это время возникла необходимость их существенной корректировки, согласования содержащихся в них правовых норм с положениями гражданского законодательства, учёта появления новых информационных технологий, а также необходимости борьбы с антиобщественными явлениями при использовании информационных технологий.

Согласно Федеральному закону ««Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: электронный документ — документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах...» [5].

Использование электронного документа рассматривается законодателем в качестве формы выражения гражданских правоотношений, не порождающей новой формы сделки. Электронный документ отвечает требованиям письменной формы в соответствии с п. 1 ст. 160 Гражданского кодекса РФ. Электронные средства могут использоваться не только для заключения договоров, но и для их исполнения, изменения, расторжения, а так же, для обмена иной юридически значимой информацией.

По мнению автора, в законодательстве, по сей день, нет единой системы понятий в области электронной документации, что является далеко не единственной проблемой указанной сферы.

Гражданское право рассматривает поставку товаров для государственных нужд в качестве одной из разновидностей купли-продажи. Законодатель в первую очередь регламентирует правоотношения общего характера (институт купли-продажи), и только затем детализирует их, закрепляя в законе виды указанного обязательства. Данная позиция представляется логичной и в этой связи актуальным становится принятие федерального закона в сфере электронной торговли, в котором необходимо закрепить требования к участникам предпринимательской деятельности по продаже товаров, выполнению работ и оказанию услуг, осуществляемой с использованием электронных технологий.

Согласно изученной автором информации, применительно к государственному заказу, использование электронных технологий также требует более детальной правовой регламентации электронного документооборота, электронных платежей, а так же приведения в

соответствие норм в законодательстве о государственных закупках с вышеуказанными нормативными актами.

Наряду с вышеизложенным, автором изучены положительные и отрицательные стороны применения одной из форм развития информационных технологий в государственных закупках — открытого аукциона в электронной форме.

Несмотря на значительные преимущества аукционной формы размещения заказов недобросовестные заказчики и поставщики научились использовать ее недостатки.

Ключевой проблемой обычных аукционов являлась проблема сговора между участниками торгов и давления, оказываемого на потенциальных конкурентов.

Первоначально государственным закупкам в форме электронных аукционов была посвящена отдельная статья 41 в Федеральном законе от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [9]. В дальнейшем в соответствии с Федеральным законом от 8 мая 2009 г. № 93-ФЗ означенная статья была преобразована в главу 3.1, содержащую 12 статей [6]. Термин «открытый аукцион в электронной форме» закреплен в ФЗ № 94 [9], в качестве понятия обозначающего открытый аукцион, проведение которого обеспечивается оператором электронной площадки на сайте в сети «Интернет».

Введение данного института было призвано способствовать положительным изменениям в практике государственного и муниципального заказа — снижение уровня коррупции за счет сокращения воздействия так называемого человеческого фактора и обеспечения максимальной прозрачности закупок;

- исключение возможности сговора участников: в основе электронного аукциона закладывается принцип конфиденциальности, анонимности участия;
- создание условий для повышения конкуренции, что должно привести к существенной экономии бюджетных средств;
- снятие ограничения начальной максимальной цены контракта в 1 млн. рублей. Заказчики имеют возможность выставлять на электронный аукцион более крупные лоты;
- установление «шага аукциона», что существенно ускорит процесс проведения торгов.
- участие в аукционе возможно в удаленном режиме со своего рабочего места, таким образом снизятся затраты участников на командировочные и другие расходы.

Вместе с тем, отмечая плюсы перехода на электронную торговлю, автор отмечает и сложности, с которыми столкнулись заказчики.

Заявка участника делится на две части. Первая часть — информация о товаре, работе или услуге. Вторая часть — информация о самом участнике. Вначале заказчик осуществляет допуск участников по первой части, не зная, от кого она поступила. Потом проходит электронный аукцион, только после которого заказчик узнает, кто в нём принимал участие. Законодатель рассматривал эту норму, как решение проблемы сговора и коррупции, так как она обеспечивает анонимность участников на торгах. На практике, по мнению автора, данная дефиниция означает ориентацию проводимых торгов исключительно на один фактор — самую низкую цену, достижение которого осуществляется в большинстве случаев ухудшением качества реализации проекта.

«Конкурс по действующему законодательству — процедура малопрозрачная и во многом субъективная, так как при значительном весе критерия «квалификация» законодательство никак не формализует оценку по нему, сводя все к усреднению мнений членов конкурсной комиссии, при этом административное обжалование их решения не предусмотрено, а судебные процедуры неприемлемо длительны. Чтобы найти золотую середину, нужно рассмотреть проблемы подрядных закупок с позиций всех участников процесса. Первая проблема — при выборе только по цене возможен выигрыш за счет демпинга поставщиком» [16].

Демпинг (от англ. *dumping* — сбрасывание) — продажа товаров на внешнем и внутреннем рынках по искусственно заниженным ценам, меньшим средних розничных цен, а иногда и более низким, чем себестоимость (издержки производства и обращения). Демпинг проводится с целью проникновения на рынок, завоевания места на нем, вытеснения конкурентов. Демпинг осуществляется государством и компаниями в расчете на возмещение в будущем текущих убытков, когда за счет демпинга будет достигнуто прочное положение на рынке. Однако довольно часто и фирмы, и государство прибегают к демпингу как разовому мероприятию, способу быстрого получения необходимых денежных, валютных средств [14].

«При этом единственный механизм защиты заказчика от недобросовестных поставщиков, предусмотренный 94-ФЗ, — обеспечение исполнения контракта, увы, не работает, — отметил Кирилл Кузнецов. — Доля сомнительных банковских гарантий в госзакупках достигает до 30%, договоров поручительства превышает 90%, а случаи успешного получения суммы обеспечения заказчиками единичны. Снизить остроту

ситуации, можно за счет допуска к госзакупкам только надежных поставщиков, установив квалификационный барьер в виде требований к минимальному опыту подрядчика, квалификации его ключевых сотрудников, используемым материалам и технологиям. Требования по квалификации должны быть едиными, прописанными в законе и не зависящими от воли заказчика» [16].

Наконец, проблема, общая для конкурсов и аукционов, — неизменность цены контракта на весь срок его действия, притом, что на практике невозможно предусмотреть все нюансы выполнения работ.

По мнению автора, действующая нормативная база, регулирующая сегодня сферу государственных закупок, значительно продвинула возможности их перевода в электронную форму. Несмотря на то, что практическая деятельность конкретных организаций указывает на несовершенства сложившейся системы, ряд проблемных моментов указанной сферы уже получают свое разрешение в разрабатываемом законодательстве [12].

Список литературы:

1. Бондарева Е.А. Конституционный институт основ экономического строя РФ: Понятие, структура / Е.А. Бондарева Конституционные чтения: науч.практ. конф., 2002 г.//Федеральный правовой портал, - [Электронный ресурс] — Режим доступа: — URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1120602>.
2. Градов А.Л. Правовой режим электронного документооборота ФТС России / А.Л. Градов, Информационное право, 2007, № 4 (11), М.: Юрист, — С. 22—26
3. Гражданский кодекс Российской Федерации Ч. 1: федеральный закон: принят Государственной Думой 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 06.12.2011) // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации Ч. 2: федеральный закон: принят Государственной Думой 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 30.11.2011) // Российская газета, № 23, 06.02.1996.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации Ч. 3: федеральный закон: принят Государственной Думой 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 05.06.2012) // Российская газета, № 233, 28.11.2001.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации Ч. 4: федеральный закон: принят Государственной Думой 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 08.12.2011) // Российская газета, № 289, 22.12.2006.
7. Конституция Российской Федерации: принята всенарод. Голосованием 12. декабря 1993 г. — М.: Проспект, 2007. — 32 с.

8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон — принят Государственной думой Федерального собрания РФ 08.07.2006 // Российская газета, N 165, 29.07.2006
9. Об организации проведения встречи глав государств и правительств стран — участников форума "Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество" в 2012 году, о развитии города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 93-ФЗ от 08.05.2009 (ред. от 12.12.2011)// Собрание законодательства РФ, 11.05.2009, № 19, ст. 2283
10. Об электронной цифровой подписи : Федеральный закон № 1-ФЗ от 10.01.2002 // Российская газета № 6, 12.01.2002.
11. Олейник А. Час икс: Асоциальная сеть /Ведомости, 30.11.2010, № 226 (2744)
12. О размещении заказов на поставки товаров, выполнении работ, оказании услуг для государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон № 94-ФЗ от 21 июля 2005 г.//Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. 1). СТ. 3105.
13. О средствах массовой информации: Закон РФ № 2124-1 от 27.12.1991 (ред. от 11.07.2011) // Российская газета, № 32, 08.02.1992
14. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Российская газета № 4912 от 19 мая 2009 г
15. О федеральной контрактной системе: Проект Федерального закона // Опубликовано: на сайте «Российской Газеты» - [Электронный ресурс] — Режим доступа. - URL: <http://www.rg.ru/2011/09/01/kontrakt-site-dok.html> 02.04ю2011. 1 сентября 2011 г.
16. О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002—2010 годы)»: Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 года № 65 / СПС Консультант Плюс.
17. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 495 с.
18. Соколова О.С. Электронное государственное управление/ Правовые вопросы связи, 2007, № 2, Юрист..М., 32-35.
19. Электронные аукционы для строителей отменяются/ [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: goszakazhelp.ru.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ В РОССИИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Тодрик Владимир Владимирович

*командир взвода факультета подготовки специалистов ГИБДД
Орловского Юридического института МВД России, г. Орёл
E-mail: tvvgor@mail.ru*

В дореволюционной России страхование впервые возникает в 1786 г. как страхование государственное в форме «страховой экспедиции» при государственном заемном банке [2, с. 24—25], а некоторое время спустя — в форме «страховой конторы» при государственном банке. С начала XIX века страхование развивается еще более быстрыми темпами.

Обязательное государственное страхование в СССР включало 2 вида: окладное имущественное страхование и обязательное личное страхование. Перестройка, начавшаяся в 1986 г. принесла изменения во всех областях и прежде всего в экономике и финансовом секторе. Закон «О кооперации» 1988 г. положил начало и основу для создания кооперативов и частных предприятий, в том числе и страховании [2, с. 70].

Первыми компаниями, которые воспользовались новым законодательством, были страховые акционерные общества «АСКО» и «Россия». К марту 1991 г. в России действовали около 200 страховых компаний, которые были в основном кооперативными и частными компаниями.

С 1 января 1991 г. введено обязательное страхование жизни от несчастных случаев всего воинского персонала на действующей службе, 28 июня 1991 г. был принят Закон о медицинском страховании граждан РСФСР, который предусматривал основные критерии обязательного страхования. На основе этого закона с 1 января 1993 г. в Российской Федерации введено обязательное медицинское страхование (ОМС) всех граждан [2, с. 72].

27 ноября 1992 г. был принят Закон № 4015-1 «О страховании». Закон регулировал отношения между страховыми организациями, гражданами и предприятиями и устанавливал основные принципы государственного регулирования страховой деятельности [2, с. 73].

В декабре 1996 г. Президент РФ, пришел к заключению, что данный закон не нужен и будет достаточно изменить и расширить главу 48 Гражданского кодекса РФ, которая имеет дело со страхованием, и эта измененная глава устранить все противоречия страхового закона. Между парламентом и президентом был достигнут консенсус, вследствие чего 31 декабря 1997 г. ФЗ «О страховании»

был преобразован с изменениями и дополнениями и стал носить новое наименование — ФЗ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [2, с. 74].

В 2001 г. депутаты Госдумы ввели обязательное страхование автогражданской ответственности (ОСАГО), что значительно облегчило жизнь нашим гражданам. Для сравнения в европейских странах данный вид страхования был введен с 20-х гг. XX в.

Федеральный закон «Об организации страхового дела в РФ» изменялся и дополнялся, в том числе большие изменения в части, касающейся открытия страхового рынка для иностранцев и уставного капитала.

Рассматривая обязательное государственное страхование в настоящий период, отметим основные нормативно-правовые акты:

- Гражданский кодекс Российской Федерации;
- Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [3];
- Указ Президента РФ от 6 апреля 1994 г. N 667 «Об основных направлениях государственной политики в сфере обязательного страхования» [6].

Помимо основной вышеуказанной правовой базы, к отдельным категориям лиц: полиция России, военнослужащие РФ, и т. п. — применяются и другие акты (например: Федеральный Закон № 52 «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» [7]).

Несмотря на то, что некоторые авторы усматривают публичный характер договора обязательного страхования в том, что он заключается в силу требования государства, носящего императивный характер. Договор обязательного государственного страхования по своей природе является частноправовым:

1. Договор страхования частноправовой, поскольку его стороны будут выступать по отношению друг другу в качестве равноправных субъектов.

2. Государство (в лице его уполномоченного органа), участвуя в страховом правоотношении в роли страхователя, выступает на началах юридического равенства с другим субъектом этого правоотношения — страховщиком, несмотря на то, что объектом

страхования - выступает имущественный интерес государства (является публичным интересом).

В качестве страхователей обычно выступают государственные организации, представляющие государственный интерес. При этом они выступают на равных началах со страховщиком. Государство может реализовать свой имущественный интерес в рамках не только публично-правовых, но и частноправовых отношений [8, с. 504].

По своей структуре в обязательном государственном страховании можно выделить следующие стороны:

1. объектом являются жизнь, здоровье и имущество граждан — государственных служащих определенных категорий (п. 1 ст. 969 ГК РФ)

2. субъектный состав:

- застрахованное лицо — определенная категория государственных служащих;

- страховщик: при договорной форме — обычные страховые организации (в том числе и негосударственные); при внедоговорной форме — государственные страховые и иные государственные организации, указанные в актах, установивших это страхование;

- страхователь — министерства и иные органы исполнительной власти

3. источники финансирования денежных фондов страховщика — средства федерального бюджета

4. определенные юридические факты — принятие гражданина на службу в определенные государственные органы; заключение договора страхования между страхователем и страховщиком

Нужно отметить, что рынок обязательного государственного страхования активно развивается. Например, реформа в Министерстве Внутренних Дел Российской Федерации (2011—2012 гг.), дала хороший импульс для разработки обновленной нормативной базы, затронувшей страхование сотрудников органов внутренних дел в плане увеличения страховых выплат, значительного пополнения средств федерального бюджета, ускоренной процедуры выплат страховых сумм (Федеральный Закон «О полиции», Федеральный Закон «О социальных гарантиях», разработан и проходит согласование проект приказа МВД России, утверждающего новую Инструкцию об организации работы по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, военнослужащих внутренних войск МВД России, граждан, призванных на военные сборы во внутренние войска МВД России [4]).

Министерством внутренних дел Российской Федерации в результате проведенного, в марте 2012 года, закрытого конкурса с

ООО СК «ВТБ Страхование» заключен государственный контракт обязательного государственного страхования жизни и здоровья военнослужащих внутренних войск МВД России, граждан, призванных на военные сборы во внутренние войска МВД России, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации на 2012 год [5].

Однако механизм компенсации вреда причиненного государственным служащим в связи с исполнением ими должностных обязанностей, в виде обязательного государственного страхования вряд ли совершенен и прост. Для того чтобы компенсировать вред, причиненный государственному служащему, оборот денежных средств происходит следующим образом: 1) от бюджета к страхователю (бюджетный трансферт); 2) от страхователя к страховщику (страховая премия); 3) от страховщика к потерпевшему (страховая выплата).

Целесообразнее, если вред, причиненный государственному служащему — государство будет компенсировать прямым путем, не перекачивая деньги через страховые организации.

На взгляд автора можно отметить следующие признаки, присущие лишь обязательному государственному страхованию в отличие от общей системы обязательного страхования:

1. государственное страхование может устанавливаться подзаконными правовыми актами, которые имеют приоритет по отношению к Гражданскому кодексу РФ;
2. государственное страхование может осуществляться в бездоговорной форме;
3. в качестве страховщиков могут выступать субъекты, не являющиеся страховыми организациями;
4. в качестве страхователя выступают органы исполнительной власти.

Таким образом, обязательное государственное страхование — специфическая категория. Отдельные элементы и механизм реализации компенсации вреда при обязательном государственном страховании требуют дальнейшего совершенствования.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс РФ по состоянию на 1 апреля 2012 г. — СПС «Гарант» [электронный ресурс] — режим доступа URL: www.garant.ru
2. Журавин С.Г. Краткий курс истории страхования. М.: «Анкил», 2005 — 112 с.

3. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 "Об организации страхового дела в Российской Федерации" — СПС «Гарант» [электронный ресурс] — режим доступа URL: www.garant.ru
4. Официальный сайт МВД России [электронный ресурс] — режим доступа — URL: http://www.mvd.ru/mvd/structure/unit/fed/publications/show_1040
5. Официальный сайт МВД России [электронный ресурс] — режим доступа — URL: http://www.mvd.ru/news/show_104066/
6. Указ Президента РФ от 6 апреля 1994 г. N 667 «Об основных направлениях государственной политики в сфере обязательного страхования» — СПС «Гарант» [электронный ресурс] — режим доступа URL: www.garant.ru
7. Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» — СПС «Гарант» [электронный ресурс] — режим доступа URL: www.garant.ru
8. Худяков А.И. «Теория страхования», М. «Статут», 2010 г. — 656 с.

СЕКЦИЯ 5.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

ДУАЛИЗМ ИНФОРМАЦИИ КАК КАТЕГОРИИ ПРАВА

Розанов Филипп Иванович

канд. филос. наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Братский государственный университет», филиал в г. Усть-Илимск, г. Усть-Илимск

E-mail: firoz@ya.ru

Устанавливая, что объектом гражданских прав может быть информация, закон, тем не менее, не дает оснований для однозначного суждения о том, что информация как правовая категория может представлять исключительно в виде объекта права (правоотношения) и ни в каком ином. Данное суждение влечет за собой необходимость выяснить, только ли категория объекта является тем звеном, которое связывает это понятие в естественнонаучном смысле с правом. С функциональной точки зрения информация является сведениями о предметах и явлениях окружающей субъекта действительности и именно с этой точки зрения информацию определяет закон [6; 7]. Однако возможность передачи информации предполагает возможность для одних субъектов получать информацию от других субъектов. Это позволяет автору сделать вывод об объективизации информации и рассматривать ее отвлеченно, как реально существующий в действительности объект.

В связи с этим можно определить, что информация есть знание, облеченное в знаковую форму и представляющее собой явление объективной действительности благодаря возможности информационной коммуникации между людьми. В последнее время в юридической науке преобладает тенденция рассматривать право не только в узком смысле, с точки зрения позитивистской школы, как систему правовых норм, но и в широком смысле — как систему не только правовых норм, но и правовых идей, и правовых отношений, объединяя, таким образом, все стадии жизни права [5, с. 145—151]. Определение категории информации позволяет автору сформулировать и более четкое понимание категории правовых норм. Как система знаков (букв и цифр) на бумажном или ином материальном носителе они не более чем символы, содержащие в себе смысл, который проявляется уже в сознании человека. Это позволяет автору утверждать,

что сами нормы также являются информацией, как и правовые идеи. В этой связи следует, безусловно, согласиться с идеей Д.В. Огородова относительно разграничения информационного действия права и правового регулирования отношений в информационной сфере [4].

В современной научной юридической литературе исследователи выделяют довольно много свойств информации, которые могут быть отнесены к естественным свойствам информации. Среди них называются такие, как системный характер, субстанциональная несамостоятельность, преемственность, неисчерпаемость, трансформируемость, универсальность (В.Н. Лопатин, И.Л. Бачило, Е.А. Зверева), селективность, массовость, способность к ограничению (И.Л. Бачило, В.Н. Лопатин), релевантность (Е.А. Зверева), физическая неотчуждаемость, тиражируемость, экзemplярность, обособляемость, свойство информационной вещи (В.А. Копылов) [1; 2; 3].

С точки зрения автора, нельзя не согласиться с тем, что информация системна, трансформируема (может находиться на различных носителях и быть представлена в виде различных знаков, не теряя своего содержания), обособляема, физически неотчуждаема, универсальна (может представлять собой любые сведения), неисчерпаема (способна находиться одновременно у нескольких субъектов). Стоит также выделить дополнительно такое свойство информации как способность к передаче.

В то же время следует отметить, что в ряде случаев при выявлении свойств (системность, селективность) информация имеется в виду в философском, а именно онтологическом, аспекте. По мнению автора, следует разделять понятия информации в различных аспектах, и рассматривать свойства информации в аспекте применения ее в человеческой жизнедеятельности. Подобное же смешение свойств информации в различных ее аспектах в одной классификации методологически неверно. В иных случаях (например, при выделении свойств тиражируемости, экзemplярности, информационной вещи, организационной формы) имеет место подмена свойств информации свойствами материального носителя. Эти свойства, очевидно, были выделены на основе позиции в отношении самой категории информации как объекта прав, заключающейся в том, что информация не может участвовать в правоотношениях иначе, как зафиксированной на материальном носителе.

Что касается социальных свойств информации, то это, скорее, возможность осуществлять по отношению к объекту определенные действия, предопределенные свойствами объекта с точки зрения социальных представлений и имеющие социальные последствия.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что естественные свойства детерминируют социальные свойства, преломляясь через социальные представления.

Любое явление действительности становится объектом прав, лишь приобретая соответствующую правовую форму, что аналогично определению субъекта прав. Человек, являясь биологическим существом, индивидуумом, участвует в правоотношениях, приобретая юридическую форму субъекта прав, характеризуясь при этом уже другими параметрами — правоспособностью и дееспособностью, принадлежащими ему субъективными правами. Точно также и какое-либо явление, становясь объектом прав, приобретает вместе с тем и правовую форму, правовую характеристику именно как объекта прав. Так предметы материального мира становятся для права вещами, объединяемыми вместе с работами, услугами (т.е. действиями), имущественными правами под термином имущество.

Способность информации передаваться предопределяет способность ее находиться в гражданском обороте. Это свойство позволяет осуществлять с информацией действия по ее распоряжению, в том числе возмездному. Именно стоимость информации, определяющая ее ценность, позволяет информации участвовать в эквивалентно-возмездных отношениях, в числе других являющихся предметом гражданского права. Очевидно, передачей информации может удовлетворяться имущественный интерес по вводу информации в гражданский оборот и извлечению из нее экономической (меновый) стоимости.

Очевидно, что для того, чтобы извлекать имущественную ценность из информации, необходимо этой информацией владеть (т.е. знать ее), причем так, чтобы иметь возможность беспрепятственно распоряжаться информацией. Субъект должен иметь такую монополию на информацию, чтобы никто не мог ему помешать распорядиться информацией. Таким образом, помимо указанных интересов можно предположить наличие интереса по установлению своеобразного «господства» над информацией.

Имущественная ценность может извлекаться и использованием информации. Человек может принимать на основе информации определенные решения, способствующие увеличению дохода и уменьшения расходов. В этом случае, имущественная ценность выражается не в меновой стоимости, а в стоимости получаемого с помощью использования информации дохода (либо уменьшения убытков).

Меновая стоимость конкретной информации будет зависеть, разумеется, от ряда характеристик, которые могут наличествовать у информации, а могут и не быть. Они предопределены действиями,

которые можно совершать по отношению к информации. Так, информацию можно создать; передать (в том числе, неограниченному кругу лиц и различными способами); использовать для создания новой информации или принятия решений, оптимизирующих поведение по отношению к внешним условиям жизни субъекта, обладающего информацией; фиксировать на материальном носителе. Причем, у одной информации какая-то характеристика может проявляться в большей степени, чем у другой.

Неимущественная ценность информации должна быть связана с личностью, должна проявляться, прежде всего, в способности служить личным интересам, например, способствовать развитию личности, ее самоутверждению, повышению социального статуса путем создания соответствующего представления о личности у окружающих. Информация действительно может способствовать развитию личности, поскольку человек может развиваться, лишь приобретая знания. Однако подобное использование полученной информации не может быть предметом правового регулирования, поскольку самосовершенствование это, в основном, мыслительный процесс, на который право непосредственно повлиять не может и ограничивается в отношении такого использования общим запретом не совершать действий, нарушающих права и законные интересы других граждан. Очевидно, самоутвердиться возможно и путем создания информации (например, научного труда). Однако создание информации также является мыслительным процессом, не регулируемым в принципе, почему весь правовой механизм и ограничивается провозглашением свободы мысли.

На основании проведенного исследования автор делает вывод о фундаментальной двойственности природы информации: информация как сведения и информация как знание. Информация как сведения об окружающем мире представляет собой нерегулируемую сферу, поскольку являются неотъемлемой частью психической активности индивида и ограничивать информацию для мышления и развития личности нельзя ни физически, ни по этическим соображениям. Поэтому информация-сведения должна являться общедоступной и абсолютно свободной. Регулирование здесь возможно только в плане обеспечения свободного доступа людей к информации.

Информация как знание не имеет самостоятельной ценности, поскольку ее ценность определяется конкретными технологиями, объектами, процессами, сведениями, о которых у нас имеется информация. Такая информация является ценностью поскольку является отражением реальных феноменов материального мира, обладающих самостоятельной ценностью и, вследствие этого,

нуждаются в строгой правовой защите. Например, знание химической формулы полимера или знание технологии его изготовления представляет собой реальную ценность, поскольку реальной ценностью обладают и сам полимер и технология его изготовления.

Таким образом, главный вывод, который делает автор в данной статье, состоит в том, что для современной правовой науки принципиальное значение имеет разработка категории информации как объекта права, что обусловлено переходом к информационному обществу, где информация является главной ценностью и средством человеческой деятельности.

Список литературы:

1. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право: Учебник / Под ред. акад. РАН Б.Н. Топорнина. - СПб.: Издательство "Юридический центр Пресс", 2001.
2. Зверева Е.А. Информация как объект неимущественных гражданских прав // Право и экономика. 2003. № 9.
3. Копылов В.А. Информационное право: Учебник. — 2-е изд., перераб. И доп. — М.: Юристъ, 2002.
4. Огородов Д.В. Правовое регулирование отношений в информационной сфере. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юр. наук. — М., 2002.
5. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2001.
6. Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. N 24-ФЗ "Об информации, информатизации и защите информации" (с изм. и доп. от 10 января 2003 г.). // Российская газета. 22 февраля, 1995. № 39.
7. Федеральный закон от 4 июля 1996 г. N 85-ФЗ "Об участии в международном информационном обмене". // Российская газета. 11 июля, 1996. № 129.

СЕКЦИЯ 6.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ЧАСТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ (IX — НАЧАЛА XX ВЕКА): ИСТОРИКО- ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Шереметьев Андрей Викторович

*аспирант кафедры теории и истории права и государства,
конституционного и административного права,
канд. техн. наук, доцент кафедры машиноведения, Московский
государственный областной социально-гуманитарный институт
E-mail: sheremetev82@mail.ru*

Образовательная деятельность на Руси, как самостоятельный вид деятельности, появляется практически сразу с момента объединения племен восточных славян в централизованное государство. Уже в летописях IX века описывается появление «государственного» вида образования — «школ учения книжного». Не смотря на то, что в литературе по отечественной истории и истории права нет однозначной позиции о принадлежности данного образования к государственному (некоторые авторы утверждают, что данные школы были частными княжескими школами), анализ различных источников (княжеских указов, летописей, монографий по истории и истории развития права данного периода) позволяет утверждать, что это были именно «государственные» школы. Их создание, объем преподаваемых в них дисциплин, выбор учителей регулировались княжескими указами, а хозяйственные и некоторые другие вопросы — находились в сфере регулирования княжеских указов, внутреннего нормотворчества (традиционно для данного периода производимого в устной форме) и обычного права. Помимо указанных школ «для детей нарочитой чади» существовали «элементарные школы», в которых обучали грамоте «всех желающих». Управление указанными школами и их содержание власть возложила на «церковь» в лице митрополита, признав ее частью миссионерской деятельности. В целом правовое регулирование образовательной деятельности в данных школах осуществлялось аналогично «школам учения книжного».

Частным (не государственным) видом образования на Руси до конца XI — начала XII века было «домашнее обучение». Оно могло проводиться более грамотными старшими родственниками, либо для этих целей нанимался специальный «учитель». Чешский ученый Л. Ниленде, так описывал данный вид обучения: «Отец учил сына своему опыту, едва сын подрастал настолько, что мог воспринимать его, колдун учил своего ученика, священник — молодого адепта богослужению [3]. Государство такое обучение нормативно не регулирует, а лишь «гарантирует» право юных граждан на его получение. Так, обязанность обучения детей элементарным жизненно необходимым навыкам была нормативно закреплена еще в «Уставе Ярослава», в котором предусматривалась ответственность родителей за «не подготовку детей к будущей жизни» [2].

Обучение «наемным учителем» производилось по устному договору с учетом норм обычного права. Таким договором, как правило, устанавливалась сумма вознаграждения «учителя», объем его работы (количество проводимых занятий), необходимый для обучения инвентарь, который обычно покупали родители ученика. Не смотря на общедоступность такого вида образования, оно обычно использовалось в среде «торгового люда» города: купцов, ремесленников и т. п.

Постепенно, по ряду причин, оно перестало отвечать потребностям данной категории населения. В результате, ему на смену [5], на западе Руси приходят братские школы, которые создаются религиозно-национальными организациями — братствами, а существуют на средства либо тех же братств, либо поддерживаются купечеством и ремесленниками городов, которые нуждаются в повышении собственной грамотности.

В регулирование образовательной деятельности данных школ государство участия уже традиционно практически не принимало, т. к. их выпускники оставались в ремесленно-купеческой среде и не затрагивали сферы государственных интересов. Регулирование отношений между учебным заведением и родителями учеников осуществлялось посредством письменных договоров, которые стали результатом развития устных договорных отношений, имевших место в более раннем периоде при «домашнем обучении».

В «Петровский» период происходят значительные изменения в правовом регулировании образования. Молодой Русский царь (а потом и император России) Петр вначале самолично издавал указы о создании новой образовательной системы. Затем, в 1711 году право на издание указов, касающихся реформы образования в стране, получил Сенат. При этом после реформирования приказной системы

управления экономикой в государстве, в результате которой вместо устаревших государственных органов — приказов были созданы коллегии, на них была возложена обязанность готовить специалистов. В результате объем, содержание и контроль качества государственного «казенного» образования был возложен на коллегии.

Частное (негосударственное) образование властью по-прежнему напрямую нормативно не регулировалось. При этом выделяются два вида частных заведений: общеобразовательные, создаваемые в основном иностранцами для представления детям «Российской» элиты качественного образования, и специальные — коммерческие училища, открываемые промышленниками на свои деньги для повышения мастерства работников. Учреждения последнего типа попадали под контроль соответствующих коллегий. Однако из-за того, что они содержались не за государственный счет, коллегии не могли контролировать в них качество подготовки специалистов. Отсутствие четкой регламентации в рассматриваемой сфере привело к появлению большого количества учебных учреждений различного типа, дающих образование «непонятного» качества. Такая ситуация в образовании не могла удовлетворить власть.

В результате, начиная с 50-х годов XVIII века, государство начинает брать под свой контроль частное образование, которое, как отмечалось выше, регулировалось ранее нормами вначале обычного, а затем договорного права. Так, 29 апреля 1757 года был издан указ, в соответствии с которым иностранцы, желавшие заниматься преподавательской деятельностью на территории страны, должны были сдать экзамен в Санкт-Петербургской Академии Наук или в Московском университете на профессиональную пригодность [1].

Продолжением мер по ужесточению контроля над частными заведениями стало принятие в 1784 году Наказа о частных пансионах и школах, которым нормативно были установлены ограничения их самостоятельности и свободы в формах и методах преподавания и воспитания. Контроль над деятельностью частных учебных заведений был возложен на Приказ общественного призрения. Фактически этим законом государство расширило сферу административного контроля над образованием, охватив практически все его направления [4].

Далее, постановлением от 4 ноября 1833 года частные учебные заведения в Российской империи было дозволено открывать только поданным [4].

Следует заметить, что принятием в 1804 году первого «общеуниверситетского» Устава государство взяло под полный контроль «казенное» высшее образование. Принятие следующих

уставов (1835, 1863, 1884 гг.) изменяло лишь формы государственного контроля высшего образования, увеличивая или уменьшая объемы внутреннего самоуправления вузов. Следует заметить, что даже в самых демократичных уставах 1804 и 1863 гг. традиционной для системы европейского высшего образования университетской свободы не было. При этом в частных высших школах государственный контроль распространялся лишь на преподавание богословия и русского языка.

Однако, стремясь привести образовательную деятельность к единому стандарту и систематизировать правовое положение его участников (в первую очередь обучаемых) в 1883 и 1884 годах были изданы законы о даровании прав по отбыванию воинской повинности. «Эти права, принадлежавшие ранее только учащимся правительственных учебных заведений, были даны теперь и учащимся частных училищ. Однако, для того, чтобы получить эти права, частные гимназии должны были соблюсти ряд условий. Так курс первых шести классов должен был полностью совпадать с программой правительственных учебных заведений. Учителями должны были работать только лица, имеющие право преподавать в казенных школах. Кроме того, частная гимназия должна была предварительно сделать четыре выпуска. И, наконец, испытания по окончании четырех и шести классов должны были проводиться в присутствии депутатов от учебного ведомства и на основаниях, установленных для правительственных учебных заведений. Таким образом, льготы по воинской повинности распространялись лишь на учащихся частных гимназий, приравненных в своих правах к казенным учебным заведениям. Потеряв свою свободу в организации воспитания и обучения учащихся, эти гимназии приобретали определенные права для своих выпускников» [1].

В дальнейшем (после начала первой мировой войны 1914 года) государство в рамках систематизации образовательного законодательства приравняет в правах и учителей государственных и частных заведений.

Список литературы:

1. Егорова М.В. Развитие системы частного образования на Урале (1861 — февраль 1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2003.
2. История педагогики. Часть 1. От зарождения воспитания в первобытном обществе до XVII в. / под ред. А.И. Пискунова. М., 1997. С. 192.
3. Ниленде Л. Славянские древности. М., 2000. С. 456.
4. О положении наших частных учебных заведений. Извлечено из журнала Министерства Народного Просвещения. - СПб, 1867.
5. Онищенко Е.В. Образование в Древней Руси IX — начала XIII вв. Историко-социальный аспект: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

СЕКЦИЯ 7.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ О ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент кафедры экономико-управленческих и
правовых дисциплин Новгородского филиала РГГУ,*

г. Великий Новгород

E-mail: andreeva56@mail.ru

В связи с изменениями в избирательной системе, переходе к смешанной и избирательной системам по партийным спискам, существенно изменились правовые отношения и объем права субъектов в избирательном праве и избирательном процессе. Действующее российское избирательное законодательство установило возможность реализации пассивного и активного избирательного права, как граждан, так и политических партий на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, изменился формат процесса формирования партий, их количественный состав и место в избирательном процессе. В зависимости от уровня и видов выборов, условия и правосубъектность значительно меняются. В соответствии с видами выборных органов власти можно выделить право на выборы на определенную должность в системе органов исполнительной власти, губернаторов либо депутатов или иных должностных выборных лиц в коллегиальном выборном органе, что соответствует определенной системе выборов и определенным правоотношениям в избирательном процессе. Причем, место выбранного должностного лица в системе органов местного самоуправления и объем его компетенции, в большой степени зависит от системы выборов и месте в этой системе выборного лица. Возможно, рассматривать, выборный процесс губернаторов на прямых выборах в субъекте федерации, либо выборы по конкурсу главы администрации руководителя исполнительного органа местного самоуправления, либо выборы законодательным органом власти субъекта федерации должностных лиц, таких, как председатель счетной палаты, уполномоченные по правам человека либо ребенка. Таким образом,

активным избирательным правом обладают не только граждане на прямых выборах должностных лиц и депутатов, но этим специальным правом в определенном объеме, стали обладать специальные субъекты, уже получившие легитимность и право на специальные выборы. Правосубъектность избирательного объединения парламентской партии, освобожденной от сбора подписей, и партийного объединения, обязанного осуществить сбор подписей в поддержку списка кандидатов, также различны. Новацию в избирательном процессе представляет порядок поддержки кандидатов в губернаторы депутатов представительных органов местного самоуправления всех уровней и глав муниципальных образований в субъекте федерации.

Избирательное право как институт конституционного права определяет круг граждан, политические партии, через которых оно оказывает свое регулятивное воздействие на соответствующие общественные отношения. Оно определяет условия, которым должно удовлетворять лицо, избирательное объединение, наделяемое качеством субъекта данных отношений, и условия, при которых оно может реализовать свои права и обязанности, устанавливаемые в законодательном порядке. Для того чтобы гражданин стал действительным субъектом всех прав и обязанностей, законодательно установлено непосредственное и опосредованное участие гражданина в избирательном процессе. Непосредственное участие в голосовании выражается в двойственном праве: двойном голосе, как за кандидата по одномандатному избирательному округу, а также второму голосу, отданному за список политической партии. Попытки деления партийных списков на отдельные региональные группы, приближенные к одномандатным округам, приводят к искажению волеизъявления избирателя, который вынужден не только голосовать за список избирательного объединения, но одновременно выбирать кандидатов по второму, выделенному региональному партийному списку. Изменение порядка выборов по спискам избирательных объединений (партийным спискам) изменяет избирательную дееспособность. В отличие от избирательной правоспособности, избирательная дееспособность зависит от воли гражданина, изменяется в соответствии с избирательной системой, либо ее частью. Реализация избирательного права напрямую зависит от системы конституционно гарантированных прав и свобод личности. Так, материализация коллективного избирательного права была бы невозможна без конституционно установленного права на объединение граждан. Партии, обладающие полной и равной правосубъектностью, вместе с тем, в отдельных случаях лишены возможности выступать от своего имени, выдвинув кандидатов на

выборы в органы местного самоуправления. Избирательное законодательство субъектов федерации несовершенно, в связи с чем возникают спорные ситуации, ограничивающие правосубъектность политических партий, реализующих свое активное право по выдвижению кандидатов. Например, избирательное партийное объединение парламентской партии выдвигает кандидата на выборах главы администрации муниципального образования, однако, в случае отказа в его регистрации территориальной избирательной комиссией, не имеет права оспорить ее решение, так как не обладает активным правом. В таком случае, региональный законодатель произвольно ограничивает правоспособность партийного избирательного объединения, лишив его права оспаривать решение об отказе в регистрации выдвинутого им кандидата, тем самым принимать участие в выборах. В другом случае, региональных законодатель ограничивает право выдвижения граждан путем самовыдвижения. Таким образом, наиболее совершенная реализация избирательных прав граждан и партийных избирательных объединений возможно только в условиях взаимообусловленности всей избирательной системы, конституционных прав и свобод граждан, коллективных субъектов избирательной системы, поскольку осуществление определенного права или свободы часто дополняется такими же действиями в отношении другого права или свободы. Субъект избирательного права обладает избирательной правосубъектностью и может благодаря этому участвовать в конкретном избирательном правовом отношении.

Избирательная правоспособность и дееспособность, предусмотренная в избирательных законах субъектов федерации, в значительной мере не однородна. Отдельные субъекты федерации, принимая законы о выборах, не учитывают не только объем правоспособности и дееспособности отдельных субъектов избирательного процесса, но в значительной степени сокращают объем права субъектов. Принимая отдельные законы по каждому виду выборов, субъекты федерации не принимают во внимание способности отдельных субъектов избирательного права приобретать избирательные права и участвовать в избирательном процессе. Безусловно, круг субъектов избирательного права многообразен. К числу индивидуальных субъектов избирательного права относятся: граждане Российской Федерации; иностранные граждане; избиратели; кандидаты; зарегистрированные кандидаты; избирательные объединения, представители кандидатов, избирательных объединений, избирателей; доверенные лица кандидатов, избирательных объединений, наблюдатели; международные (иностранные) наблюдатели; члены

избирательных комиссий с правом решающего голоса; члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса; лица, замещающие государственные и муниципальные должности; государственные и муниципальные служащие, депутаты и главы местного самоуправления. Под коллективными субъектами избирательного права понимаются организованные, обособленные, самоуправляемые группы людей, наделенные избирательными законами правами выступать в отношениях с другими субъектами как единое целое. К ним относятся избирательные объединения; политические общественные объединения (партии); избирательные комиссии; государственные органы; органы местного самоуправления; средства массовой информации; фракции в представительных (законодательных) органах.

Множественность субъектов избирательного процесса, применение различных выборных систем, возможность регулирования избирательного процесса субъектами федерации, привели к неоднозначному регулированию избирательных правоотношений. Для совершенствования избирательного законодательства и обеспечения равных избирательных прав субъектов избирательного процесса требуется незамедлительная кодификация всего объема нормативных правовых актов в избирательном праве и процессе.

При определении избирательных рисков и синхронизации избирательного процесса выборов в Государственную Думу РФ и законодательные органы субъектов федерации в первую очередь необходимо провести анализ отдельных норм, обеспечивающих единство правового регулирования при проведении действий субъектами избирательного процесса как на уровне федеральных выборов, так выполняющих эти же функции на уровне субъекта федерации. Вместе с тем, отсутствие федерального избирательного кодекса в значительной степени увеличивает риски несогласованности, например, деятельности территориальных избирательных комиссий, выполняющих одновременно функции как комиссий по выборам в федеральные органы, так и в органы субъектов федерации либо местного самоуправления.

Вместе с тем, избирательный процесс требует внесения изменений и согласования избирательных действий всеми субъектами, принимающими участие в избирательном процессе. В частности, следует избегать применения отсылочных норм к отдельным законам субъектов федерации, а также установить запрет передачи права толкования отдельным субъектам избирательного процесса, в частности избирательным комиссиям субъектов федерации.

Например, сбор подписей и формы подписного листа существенно ограничивают правовое положение субъекта, обладающего правом выдвигать и регистрировать кандидатов, собирающего подписи, и без сбора подписей, или в отношении порядка голосования вне помещения для голосования либо по почте, отмечается отсутствие единообразия норм федерального и регионального законодательства. Вместе с тем рассматривая только риски синхронизации избирательных процессов, без оценки правомерности действий участковых комиссий при приеме заявлений для голосования досрочно, вне помещения и количества ящиков для голосования вне помещения, можно урегулировать эти правоотношения исключительно на федеральном уровне.

Следует отметить, что в связи с допустимостью регулирования избирательного процесса на федеральном и региональном уровне, возникает терминологическая неопределенность, допустимости употребления отдельных терминов в различных значениях и несоблюдения правил юридической техники при определении этапов и процедуры избирательных действий. Унификация избирательного законодательства требует употребления терминов и понятий исключительно в соответствии с федеральным законодательством.

Таким образом, кодификация избирательного законодательства, регулирование избирательного процесса, установление единого объема правосубъектности в избирательном процессе, синхронизация избирательных процессов на всех уровнях, запрет правового регулирования на уровне субъекта федерации, позволят обеспечить законность и единообразное применение норм в избирательном праве.

В целом, по мнению автора, приведение избирательного законодательства в соответствии с Избирательным Кодексом, изменение регионального законодательства в части синхронизации избирательных процессов, позволят обеспечить законность и правопорядок при проведении выборов. Право гражданина Российской Федерации реализуется путем избрания Президентом Российской Федерации, депутатом Государственной Думы, высшим должностным лицом субъекта федерации, депутатом законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта федерации, главой муниципального образования (выборным должностным лицом — главой Администрации муниципального образования), депутатом представительного органа местного самоуправления. Причем, место выбранного должностного лица в системе органов местного самоуправления и объем его компетенции, в большой степени зависит от системы выборов и месте в этой системе выборного лица [4, с. 189]. Возможно, рассматривать, как выборный процесс, процедуру выборов

по конкурсу главы администрации руководителя исполнительного органа местного самоуправления, либо выборы законодательным органом власти субъекта федерации должностных лиц, таких, как председатель счетной палаты, уполномоченные по правам человека либо ребенка. Таким образом, активным избирательным правом обладают не только граждане на прямых выборах должностных лиц и депутатов, но этим специальным правом в определенном объеме, стали обладать специальные субъекты, уже получившие легитимность и право на специальные выборы. Право быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления закреплено в главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» в перечне политических прав и свобод [3, с. 26]. Активное и пассивное избирательное право, таким образом, является конституционным политическим правом. Характеризуя его, отметим, что некоторые конституционные права и свободы граждане осуществляют только посредством вступления в правоотношения, в частности это относится к праву избирать и быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления [1, с. 308].

Избирательная правоспособность является предпосылкой участия граждан в выборах органов государственной власти и местного самоуправления. Для того чтобы гражданин стал действительным субъектом всех прав и обязанностей, законодательно установлено непосредственное и опосредованное участие гражданина в избирательном процессе.

Реализация избирательного права напрямую зависит от системы конституционно гарантированных прав и свобод личности. Так, материализация коллективного избирательного права была бы невозможна без конституционно установленного права на объединение граждан. Избирательное законодательство субъектов федерации не совершенно, в связи с чем возникают ситуации, ограничивающие правосубъектность политических партий, реализующих свое активное право по выдвижению кандидатов, либо отсутствие графы «против всех» — право гражданина отказать всем кандидатам в доверии.

Таким образом, наиболее совершенная реализация избирательных прав граждан и партийных избирательных объединений возможно только в условиях взаимообусловленности всей избирательной системы, конституционных прав и свобод граждан, коллективных субъектов избирательной системы, поскольку осуществление определенного права или свободы часто дополняется такими же действиями в отношении другого права или свободы. Отдельные субъекты федерации, принимая законы о выборах, не учитывают не только объем

правоспособности и дееспособности отдельных субъектов избирательного процесса, но в значительной степени сокращают объем права субъектов. Принимая отдельные законы по каждому виду выборов, субъекты федерации не принимают во внимание способности отдельных субъектов избирательного права приобретать избирательные права и участвовать в избирательном процессе. Представляется, что порядок определения субъектами федерации системы и количества мандатов для органов местного самоуправления, незаконно, является вмешательством органов государственной власти в функционирование местного самоуправления [1, с. 308].

Множественность субъектов избирательного процесса, применение различных выборных систем, возможность регулирования избирательного процесса субъектами федерации, привели к неоднозначному регулированию избирательных правоотношений. Для совершенствования избирательного законодательства и обеспечения равных избирательных прав субъектов избирательного процесса требуется незамедлительная кодификация всего объема нормативных правовых актов в избирательном праве. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 31 марта 2011 г. «О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [5] уточнено применение законодательства о выборах и референдумах. В частности защита прав и свобод человека и гражданина (в том числе избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации) относится к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (пункт «б» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации [3]), в связи с чем, законы субъектов Российской Федерации не должны противоречить федеральным законам (части 2 и 5 статьи 76 Конституции Российской Федерации [3]). Законами субъектов Российской Федерации не должны изменяться или ограничиваться закрепленные в Федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ [6] основные гарантии реализации гражданами Российской Федерации избирательных прав и права на участие в референдуме, однако эти гарантии могут быть дополнены новыми гарантиями, способствующими защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации. Например, если суд установит, что норма конституции (устава), закона субъекта Российской Федерации, иного нормативного правового акта о выборах и (или) референдуме противоречит Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ, то следует применять соответствующую норму этого Федерального закона (пункт 6 статьи 1 Федерального

закона [6]). В соответствии со статьями 22 и 245 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации дела по заявлениям о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации рассматриваются судами общей юрисдикции с учетом правил подсудности, установленных статьями 24, 26 и 27 ГПК РФ, частью 1 статьи 89 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ [7], пунктом 1 статьи 31, пунктом 2 статьи 75 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ [6], пунктом 7 статьи 3 Федерального закона от 26 ноября 1996 г. № 138-ФЗ [8], частью 17 статьи 15, частями 7—10, 12 статьи 91 Федерального закона от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ [9], пунктами 4, 5 и 6 статьи 84 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ [10]. Мировые судьи не вправе рассматривать дела о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации по правилам главы 23 и 26 ГПК РФ, как не отнесенные законом к их подсудности (статья 23 ГПК РФ). Исходя из положений статьи 24 ГПК РФ районными судами, в частности, рассматриваются и разрешаются дела: об оспаривании действий или бездействия (за исключением бездействия в форме уклонения от принятия решения) Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, окружных избирательных комиссий по выборам в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации; об оспаривании решений, действий (бездействия) избирательных комиссий муниципального образования, а также окружных избирательных комиссий по выборам в представительные органы муниципальных образований, территориальных и участковых избирательных комиссий; об отмене регистрации кандидата, об отмене регистрации кандидата, включенного в зарегистрированный список кандидатов, об отмене регистрации списка кандидатов при проведении муниципальных выборов, а также об отмене регистрации инициативной группы по проведению местного референдума, иной группы участников такого референдума; о расформировании избирательных комиссий муниципальных образований, окружных избирательных комиссий по выборам в представительные органы муниципальных образований, территориальных избирательных комиссий, а также участковых избирательных комиссий; об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, нарушающих избирательные права и право на участие в референдуме граждан Российской Федерации; о назначении местного референдума.

По отдельным требованиям, касающимся защиты избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, федеральными законами определены исчерпывающие перечни лиц, которые вправе обратиться в суд в связи с нарушениями, допущенными в отношении их или в отношении других лиц. Такие перечни установлены, в частности, для обращения в суд со следующими требованиями: о расформировании избирательных комиссий, комиссий референдума; об определении срока назначения выборов; о назначении местного референдума; об оспаривании решения представительного органа муниципального образования о проведении местного референдума, а также принятого на местном референдуме решения; об оспаривании решения избирательной комиссии о регистрации кандидата, списка кандидатов; об оспаривании решения избирательной комиссии об отказе в регистрации кандидата, списка кандидатов; об отмене регистрации кандидата, списка кандидатов; об отмене регистрации инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума. Предварительное обращение заявителя в вышестоящую комиссию, избирательную комиссию субъекта Российской Федерации, ЦИК России не является обязательным условием для его обращения в суд (пункт 8 статьи 75 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ [6]). Граждане вправе обратиться за судебной защитой активного избирательного права (например, в связи с ошибками в списках избирателей, непредставлением возможности получить информацию или проголосовать на избирательном участке), а также своего пассивного избирательного права (в частности, в связи с отказом в регистрации кандидатом), если считают эти права нарушенными. Наличие у гражданина активного избирательного права обусловлено в числе прочих обстоятельств и нахождением места жительства гражданина в пределах избирательного округа, и лишь в предусмотренных законом случаях таким правом могут обладать граждане, место жительства которых находится за пределами избирательного округа (пункт 4 статьи 4 Федерального закона 2002 г. № 67-ФЗ [6]).

Федеральным законом от 02.05.2012 N 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» [11] и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» [6] установлены новые нормы выборов губернаторов субъектов Российской Федерации, в том числе установлен порядок выдвижения кандидатов в губернаторы субъектов

федерации: выдвигаемые политическими партиями либо в порядке самовыдвижения (если самовыдвижение предусмотрено законом субъекта РФ) кандидаты на должность высшего должностного лица субъекта РФ должны получить поддержку от 5 до 10 процентов депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований соответствующего субъекта РФ. При этом поддержавшие кандидата муниципальные депутаты и главы муниципальных образований должны представлять в определенной пропорции муниципальные образования разных видов. Кандидатам, выдвинутым в порядке самовыдвижения, необходимо будет собирать также и подписи избирателей в количестве, установленном законом субъекта РФ.

Таким образом, эволюция избирательного процесса, новые субъекты избирательного процесса, их место в системе избирательного права, полномочия и роль в избирательном процессе, требуют от законодателя регулирования правоотношений в соответствии с конституционными положениями о праве избираться и быть избранным, а также соответствующими нормами международного права.

Список литературы:

1. Андреева Л.А. Роль регионального законодателя в формировании нормативной базы и организации нормотворческого процесса органов местного самоуправления [Текст] / Л.А. Андреева // Социально-экономические и правовые проблемы развития региона: Материалы Всероссийской научно-практической конференции X Макаркин. научн. чтения / Мордов. гуманитар. ин-т [под ред. А.В. Захряпина, Н.П. Макаркина и др.]. — Саранск : 2010. — С. 306—309.
2. Гражданско-процессуальный Кодекс Российской Федерации // [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://base.garant.ru/12128809/>
3. Конституция Российской Федерации. Юридическая литература. М.: 1994. — 123 с.
4. Правовые и организационные основы местного самоуправления / Л.А. Андреева [и др.] / под ред. Л.А. Андреевой. — Великий Новгород : НП РИЦ «Росан», 2003. — 232 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 31 марта 2011 г. «О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/18400.html>
6. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан

- Российской Федерации»// [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: http://www.cikrf.ru/law/federal_law/zakon_02_67fz_n.html
7. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме в Российской Федерации»// [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://www.rg.ru/2004/06/30/referendum-zakon.html>
 8. Федеральный закон от 26 ноября 1996 г. № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления»// [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=93502>
 9. Федеральный закон от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL:<http://www.garant.ru/>
 10. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»// [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: http://cikrf.ru/law/federal_law/zakon_19.html
 11. Федеральный закон от 02.05.2012 N 40-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ"// [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/18400.html>

СТАДИЯ РАССМОТРЕНИЯ ЗАКОНОПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМОЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ТРЕТЬЕМ ЧТЕНИИ

Иванов Кирилл Константинович

*аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин Московского
нового юридического института
E-mail: ivanov-gdrf@yandex.ru*

Критерии и степень участия Государственной Думы в законодательном процессе является приоритетным направлением. В соответствии с Конституцией РФ Государственная Дума выполняет важную работу по подготовке, обсуждению, рассмотрению и принятию законов, регулирующих основные сферы деятельности российского общества и государства.

Как указывает Л.С. Адарчева, что наиважнейшей задачей Государственной Думы является «претворение в жизнь» положений Конституции РФ, таких как построение правового государства, политического многообразия, построения социального государства [1, с. 42].

Порядок внесения, рассмотрения и принятия Государственной Думой федеральных законов регулируется Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а также Регламентом Государственной Думы.

Третий этап рассмотрения законопроекта проходит на стадии подготовки его к третьему чтению. Предполагается, что на этом этапе все предложения, замечания и поправки приняты и включены в законопроект, а Правовое управление проводит правовую экспертизу по уже принятому во втором чтении тексту. Как указано в ст. 124 Регламента Государственной Думы, законопроект после принятия его во втором чтении «направляется в ответственный комитет для устранения с участием Правового управления возможных внутренних противоречий, установления правильной взаимосвязи статей и для редакционной правки, необходимой в связи с изменениями, внесенными в текст законопроекта при рассмотрении его во втором чтении» (ч. 1 ст. 124) [3]. Если ответственный комитет не принял во внимание заключение правовой экспертизы, которая проводилась ко второму чтению, то Правовое управление имеет право вынести заключение с отрицательным отзывом по законопроекту. Если же мнение специалистов Правового управления было учтено, составляется положительное заключение, подтверждающее высокое качество

подготовки законопроекта. Ответственный комитет проводит оценку законопроекта с учетом лингвистических ошибок, а также внутренних противоречий и корректной взаимосвязи статей. Комитет устанавливает окончательный текст законопроекта, без каких-либо изменений.

После того, как все работы по устранению противоречий в законопроекте в результате внесенных поправок во втором чтении завершены, ответственный комитет направляет законопроект в Совет Государственной Думы для внесения его в порядок работы Государственной Думы.

Совет Государственной Думы принимает решение о назначении законопроекта для голосования в третьем чтении. Совет Государственной Думы, в случае изменения текста законопроекта в процессе второго чтения, при подготовке к третьему направляет «текст законопроекта и заключение Правового управления Президенту РФ, Правительству РФ, Совету Федерации и депутатам Государственной Думы» (ч. 1 ст. 125) [3]. Для обеспечения учета заключений правовой экспертизы ответственными комитетами, при определении даты рассмотрения законопроекта в третьем чтении необходимо обеспечить направление текста принимаемого законопроекта (вне зависимости от того, изменялся ли он во втором чтении или нет), а также заключения экспертов Правового управления Президенту РФ, Правительству РФ и Совету Федерации.

При рассмотрении законопроекта в третьем чтении запрещается внесение в него поправок, возвращение к обсуждению законопроекта в целом или обсуждение отдельных разделов, глав, статей и абзацев. Однако, в крайней необходимости, по просьбе фракций, председательствующий должен поставить вопрос о возврате законопроекта к процедуре второго чтения. Автор считает, что третье чтение имеет целью принятие Государственной Думой точного и окончательного текста закона.

Решение о принятии федерального закона принимается большинством депутатов, т.е. минимальный кворум составляет 226 голосов, федерального конституционного закона — конституционным большинством, т.е. 300 голосами. Решения оформляются постановлениями Государственной Думы.

Как только законопроект принимается в третьем чтении, он становится федеральным законом, принятым Государственной Думой. Правовая экспертиза на этом заканчивается, и в оригинале закона фиксируется согласование с Правовым управлением Аппарата Государственной Думы.

Можно отметить, что в случае, если законопроект не принят или не одобрен в третьем чтении, он будет считаться отклоненным. Хотя данную норму нельзя признать однозначно правильной, так как если законопроект уже прошел и первое и второе чтение, то он прошел всестороннее обсуждение, а процедура третьего чтения предусматривает обсуждение окончательного откорректированного текста законопроекта.

Как указано в ст. 105 Конституции РФ, что принятый законопроект именуется законом [2]. В связи с тем, что это еще пока не закон, он должен быть принят Советом Федерации, а Совет Федерации его может и отклонить. Чиркин В.Е. подчеркивает, что в случае принятия текста Советом Федерации, это тоже не может считаться законом, так как закон еще не подписан Президентом РФ [4, с. 282]. Тем самым закон окончательно становится законом только в самый последний момент.

Одобренные Государственной Думой федеральные конституционные законы и принятые федеральные законы направляются в Совет Федерации с приложением текста самого закона, постановлением палаты, стенограммами заседаний, заключениями Правительства РФ и Правового управления Аппарата Государственной Думы.

Внедрение в деятельность парламента Российской Федерации такого института экспертизы, как «правовая экспертиза», способствует улучшению подготовительной и, в частности, законодательной деятельности парламента, увеличению эффективности и совершенствованию принимаемых законов, а также сокращению количества непродуманных законодательных инициатив.

В правовой экспертизе в обязательном порядке должны принимать участие специалисты, работающие в исследуемых сферах общественных отношений: юристы, экономисты, политологи, социологи. Хотя в Регламенте Государственной Думы и указано, что комитеты в своей работе «имеют право привлекать экспертов Правового управления Аппарата Государственной Думы и других экспертов, а также принять решение о проведении независимой экспертизы законопроектов» [3], комитеты практически не привлекают их к работе, кроме специалистов Правового управления.

Необходимо предусмотреть внедрение в систему экспертиз, проводящихся в Государственной Думе над законопроектами апробацию, причем в период между вторым и третьим чтениями, чтобы практический работник мог оценить применимость и значимость принимаемого законопроекта, а также возможных пробелов и трудностей при дальнейшей его реализации.

Повышению качества законопроектной деятельности в Государственной Думе способствовал бы отдельный специализированный федеральный закон, который мог бы регламентировать все базовые стадии разработки и прохождения законопроектов (федеральных конституционных и федеральных законов), а также определить полномочия субъектов права законодательной инициативы.

Список литературы:

1. Адарчева Л.С. О совершенствовании законодательной деятельности Государственной Думы // Журнал Российского права, 2000. № 3. С. 42—47.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 26.01.2009, № 4, ст. 445.
3. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.01.1998 № 2134-П ГД (ред. от 16.03.2012) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 16.02.1998, № 7, ст. 801.
4. Чиркин В.Е. Законодательная власть. — М.: Норма, 2008. — 336 с.

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ковалёва Мария Владимировна

*студент 4 курса юридического факультета НИУ «БелГУ»,
кафедра конституционного и муниципального права, г. Белгород
E-mail: Lioness1908@yandex.ru*

Дечева Силвия Дечева

*студент 4 курса юридического факультета НИУ «БелГУ»,
кафедра конституционного и муниципального права, г. Белгород
E-mail: silvia14_12@mail.ru*

Мамин Андрей Сергеевич

*канд.юрид.наук, доцент НИУ «БелГУ», кафедра административного
и международного права, г. Белгород*

В настоящее время в России активно обсуждается вопрос о смертной казни. Законодатели, конституционалисты, ученые-теоретики, юристы-практики, общественные и политические деятели выясняют, является ли смертная казнь фактором, который сдерживает преступность; нарушает ли она права человека и применима ли она на современном этапе развития российского государства; может ли государство оправдать или доказать необходимость подобной карательной меры для поддержания и охраны правопорядка. Ответить на поставленные вопросы можно лишь в том случае, если надлежало бы объяснить цели и задачи смертной казни как вида наказания. Именно в этом кроется целесообразность или нецелесообразность подобного наказания и определение общественного мнения по отношению к смертной казни.

В истории общества проблема смертной казни никогда не получала однозначного решения. У кого-то сочетание этих двух коротких слов вызывало и вызывает чувство ужаса, у кого-то решительный протест. Для многих смертная казнь как вид уголовного наказания ассоциируется с официально узаконенным убийством. Можно встретить и рассуждения противоположного характера, суть которых сводится к тому, что смертная казнь необходима, и ее применение к особо опасным преступникам будет способствовать сокращению преступности.

Известно, что неправомерное поведение может повлечь за собой такое последствие в качестве наказания, как смертная казнь. В

середине 90-х годов Россия начала сотрудничать с Европой. Одним из условий успешного сотрудничества должна была стать ратификация протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод [7]. Протокол предполагал отмену смертной казни в мирное время. Российская Федерация подписала данный протокол 16 апреля 1997 года, но не ратифицировала. Президент Российской Федерации обращался по этому поводу в Государственную Думу в августе 1999 года [5]. Однако, Государственная Дума РФ, в ответ, приняла обращение к Президенту о преждевременности ратификации, и протокол остался без должного внимания [3]. Несмотря на то, что 6-ой протокол так и не был ратифицирован Россией, с этого момента смертную казнь было запрещено применять согласно *Венской конвенции*, которая обязывает государства, подписавшие договор, вести себя в соответствии с договором до его ратификации. По мнению экспертов, если Российская Федерация откажется от ратификации, то страна и её граждане испытают мощный удар угроз по изгнанию России из международных организаций.

В связи со сложившейся ситуацией было принято постановление Конституционного суда Российской Федерации [6]. Часть 2, статьи 20 Конституции Российской Федерации регламентирует, что смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей [2].

Однако к концу 90-х годов суды присяжных как полноценный институт действовали лишь в девяти субъектах Российской Федерации. Поэтому, конституционные судьи предложили не выносить решение о назначении смертной казни до тех пор, пока суд присяжных не начнет действовать на всей территории России (Чеченская Республика являлась единственным регионом России, в котором не был задействован этот судебный институт). После состоявшихся 11 октября 2009 года выборов органов местного самоуправления в Чечне (именно органы местного самоуправления помогают при отборе присяжных заседателей) предполагалось, что уже с 1 января 2010 года Россия вновь столкнется с необходимостью принимать решение по вопросу о смертной казни.

Рассматривая правовую ситуацию в России, очевидно, что в стране установлен многолетний комплексный мораторий, то есть устойчивые гарантии неприменения смертной казни, сложившимися по факту конституционным правовым режимом. Смертная казнь изначально закладывалась в Конституцию Российской Федерации и Уголовный

Кодекс Российской Федерации лишь как исключительная мера наказания, носящая временный характер.

Проблема введения или отмены смертной казни сложна тем, что у каждого гражданина России есть своё мнение на этот счёт. Согласно данным Всероссийского социологического экспресс-опроса на июль 2001 года, сторонниками смертной казни за особо тяжкие преступления против личности являлись 72 % респондентов; 9 % выступили против. Согласно опросам в 2004 году: 84 % россиян выступали за ужесточение законодательства вплоть до введения смертной казни в вопросах борьбы с терроризмом [1]. Согласно сведениям Социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, полученным в мае 2002 года, сторонниками смертной казни среди судей являлись 89 % опрошенных [4].

Среди правоведов и конституционалистов, выступающих против смертной казни, существует точка зрения о том, что в случае введения смертной казни в Российской Федерации, государство одобрит легализацию убийства «от имени Российской Федерации». Противники смертной казни считают, что казнь снижает иммунитет общества к насилию, что судебные процессы растягиваются на годы и один процесс с приговором к смерти обходится дороже, чем содержание в тюрьмах. Еще один веский аргумент противников введения смертной казни: велика вероятность вынесения ошибочного приговора и могут быть казнены невиновные люди. Суть данной позиции заключается в том, что независимо от юридических аспектов, Россия не должна применять смертную казнь, являясь просвещенной, цивилизованной, европейской державой.

Сторонники смертной казни приводят не менее убедительные доводы в защиту своей позиции. Самый распространенный аргумент - государство не должно тратить деньги налогоплательщиков на содержание насильников, террористов и тех, кто посягнул на жизнь других людей.

На взгляд авторов, страх смертной казни способен остановить преступников. Мнение о том, что пожизненное заключение - это мучение более страшное, чем смерть, безосновательно. Если посмотреть протоколы судебных заседаний прошлых лет, то преступники «цепляются» за жизнь и просят о помиловании. Авторам не совсем понятна позиция «быть гуманными». Неприемлемо быть гуманными за чужой счёт — за счёт жизней погибших и тех, кто ещё рискует стать жертвами. Неверно было бы рассуждать о просвещенной, цивилизованной, европейской державе, когда каждый преступник, совершая умышленное деяние, осознает свою

фактическую безнаказанность. Пожалуй, отказаться от смертной казни можно только тогда, когда от нее откажется сам преступник.

В некоторых странах предоставление полной информации о смертных приговорах не получило широкой гласности. Подобные действия являются нарушением международных обязательств, а также международно-правовых стандартов и резолюций межправительственных органов. Организация Объединенных Наций призывает органы государственной власти предать огласке данные о применении смертной казни и проследить, чтобы родным казнённых предоставляли полную информацию о казни, в том числе о дате и месте приведения приговора в исполнение и о месте их захоронения. Кроме того, родственникам следует выдавать тело казнённого и его личные вещи.

Вопрос смертной казни остаётся спорным и в настоящее время. Когда на законодательном уровне разрешится грамматическая дилемма — «казнить нельзя помиловать» остается только догадываться... Известная многим поколениям формула требует от каждого гражданина России самостоятельно расставить знаки препинания.

Список литературы:

1. Добренков В.И. Молчание погубит нас // Советская Россия. — 2002. — № 103.
2. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г.: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Рос. газ. — 2009. — 21 января.
3. К Президенту Российской Федерации В.В. Путину о преждевременности ратификации Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Относительно отмены смертной казни) от 28 апреля 1983 года: Постановление Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации от 15 февраля 2002 г. № 2483-III ГД // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 2002. — 25 февраля.
4. Матвеева А. Смертники в законе // Газета. — 2005. — № 246.
5. О внесении на ратификацию «Протокола N 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод» (Относительно отмены смертной казни) от 28 апреля 1983 г.: письмо Президента РФ от 6 августа 1999 г. № Пр-1025 // СПС «Гарант»
6. О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 19 ноября 2009 г. N 1344-О-Р // Рос. газ. — 2009. — 27 ноября.
7. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: федер. закон Рос. Федерации от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 февраля 1998 г. // Рос. газ. — 1998. — 7 апреля.

СЕКЦИЯ 8.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

О РЕАЛИЗАЦИИ ОПРЕДЕЛЕННОГО КРУГА ПОЛНОМОЧИЙ НАЧАЛЬНИКОМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ДОЗНАВАТЕЛЯ

Рыбина Надежда Сергеевна

адъюнкт Московского университета МВД РФ, г. Можайск

E-mail: moon19@bk.ru

Федеральным законом от 6 июня 2007 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] было внесено изменение, заключающееся во введении нового участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения — начальника подразделения дознания. Данное должностное лицо в п. 17.1 ст. 5 УПК РФ определено следующим образом, как должностное лицо органа дознания, возглавляющее соответствующее специализированное подразделение, которое осуществляет предварительное расследование в форме дознания, а также его заместитель.

Согласно ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ начальник подразделения дознания по отношению к находящимся в его подчинении дознавателям уполномочен:

1. Поручать дознавателю проверку сообщения о преступлении, принятие по нему решения в порядке, установленном статьей 145 УПК РФ, выполнение неотложных следственных действий либо производство дознания по уголовному делу.

Порядок проверки сообщения о преступлении предусмотрен ст. 144 УПК РФ, согласно которой дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной УПК РФ, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. Однако, в случае необходимости, дознаватель по мотивированному ходатайству может продлить срок для принятия решения через начальника органа дознания до 10 суток, а через прокурора — до 30 суток.

Как показывает практика большинство уголовных дел возбуждается в период от 4 до 10 дней с момента регистрации повода для возбуждения уголовного дела. При этом установлено, что объем материалов предварительной проверки (количество заявлений, справок, протоколов объяснений, рапортов и т. д.) по уголовным делам, по которым решение о его возбуждении было принято в период от 4 до 10 дней, практически ничем не отличался от объема таких материалов по делам, возбужденным в рамках 3 дней с момента его регистрации в книге учета сообщений о преступлениях. Из этого можно сделать вывод, о том, что в течение 7-ми дней никаких действий, направленных на решение вопроса о возбуждении уголовного дела, дознавателями не предпринимается. В ходе их опроса установлено, зачастую это связано с тем, что они более заинтересованы в возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, поэтому такое количество дополнительных дней, как правило, используется сотрудниками, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, для установления таких лиц.

2. Изымать уголовное дело у дознавателя и передавать его другому дознавателю с обязательным указанием оснований такой передачи.

Решение начальника подразделения дознания не всегда является последствием каких-либо негативных действий или бездействия дознавателя. Прокурор, в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, может дать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий, которое противоречит внутреннему убеждению дознавателя. В таких случаях, учитывая зависимость дознавателя от мнения прокурора, начальник подразделения дознания может изъять уголовное дело у этого дознавателя и передать его другому. Такое нередко имеет место в практической деятельности дознавателей.

3. Отменять необоснованные постановления дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу.

Согласно ч. 1 ст. 208 УПК РФ предварительное следствие приостанавливается при наличии одного из следующих оснований:

- лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ);
- подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ);
- место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует (п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ);

- временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением, препятствует его участию в следственных и иных процессуальных действиях (п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ).

Несмотря на то, что наименование данной статьи предполагает действие данных норм в отношении предварительного расследования в форме предварительного следствия, тем не менее, они согласно ч. 1 ст. 223 УПК РФ распространяются и на предварительное расследование в форме дознания.

Прежде чем рассмотреть практику по каждому из оснований приостановления и дальнейшего возобновления, следует проанализировать общую норму, содержащуюся в ч. 3.1 ст. 223 УПК РФ, согласно которой приостановленное дознание может быть возобновлено на основании постановления прокурора либо начальника подразделения дознания в случаях, предусмотренных статьей 211 УПК РФ.

Предполагается, что данная норма предусматривает определенное вмешательство со стороны начальника подразделения дознания в процессуальную самостоятельность дознавателя. Здесь кроется определенный парадокс.

Во-первых, дознаватель сам как лицо, осуществляющее предварительное расследование в форме дознания, приостанавливая расследование по одному из оснований, предусмотренных выше, может его возобновить.

Во-вторых, начальник подразделения дознания также уполномочен сделать это согласно норме, рассмотренной выше. Как показал опрос дознавателей, единогласно было указано, что начальники подразделений дознания в случае приостановления предварительного расследования по уголовному делу знакомятся с его материалами, в результате чего в некоторых случаях принимается решение о возобновлении дознания. Причем законодательно не закреплен механизм ознакомления начальника подразделения дознания с приостановленным уголовным делом.

В-третьих, прокурор также уполномочен возобновить приостановленное дознание. В ходе опроса дознавателей было установлено, что, как правило, причиной возобновления начальником подразделения дознания предварительного расследования является несколько необъективно или не полно произведенное расследование дознавателем, сколько ожидание негативной реакции прокурора. Прокурор же, осуществляя надзор за деятельностью дознавателя, формирует надзорное дело по каждому уголовному делу, и в случае появления постановления о приостановлении предварительного

расследования, как правило, выносит постановление о его отмене и о производстве следственных и иных процессуальных действий.

Парадокс заключается в том, что, исходя из анализа практики, сложившейся в подразделениях дознания, такой сложный механизм, в который вовлечены сам дознаватель, начальник подразделения дознания, прокурор, применим в отношении уголовных дел, возбужденных по статьям 112 (Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью), 115 (Умышленное причинение легкого вреда здоровью), 116 (Побои) и иным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации.

Применительно к предварительному следствию, которое поводится по уголовным делам об особо тяжких преступлениях, процедура возобновления предварительного расследования та же самая.

4. Вносить прокурору ходатайство об отмене незаконных или необоснованных постановлений дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела.

Одним из недостатков правового статуса начальника подразделения дознания является отсутствие полномочия на изъятие у дознавателя уголовного дела и производство по нему дознания самостоятельно. Начальник подразделения дознания имеет право возбудить уголовное дело самостоятельно.

Возбуждение уголовного дела является одним из решений, принимаемых в результате рассмотрения сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 145 УПК РФ), равно как и отказ в возбуждении уголовного дела. Последнее решение в контексте вышеназванной нормы начальник подразделения дознания также вправе принять. Таким образом, рассматриваемое полномочие является определенным механизмом для начальника подразделения дознания воздействовать, во-первых, на дознавателя, вынесшего подобное решение, во-вторых, на ход проверки сообщения о преступлении.

Справедливости ради стоит отметить, что в ходе опроса дознавателей была установлена определенная закономерность, согласно которой дознаватель, вынесший постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, пусть даже необоснованно или незаконно, иное решение никогда не примет. Причиной этому является его внутреннее убеждение. В таких случаях, после отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, начальник подразделения дознания передает материалы проверки другому дознавателю для принятия по нему решения. Никаких изъятий материалов в данном случае делать нет необходимости, так как в рамках доследственной проверки дознаватель и материал проверки между собой никакими документами, кроме как

резюми на рапорте или сообщении о совершенном или готовящемся преступлении, не связаны.

Начальника подразделения дознания по УПК РФ обладает обширными полномочиями. В статье была рассмотрена лишь часть из них.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. начальник подразделения дознания — это участник уголовно судопроизводства, введенный в действие Федеральным законом от 6 июня 2007 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1], определенный законодателем следующим образом: это должностное лицо органа дознания, возглавляющее соответствующее специализированное подразделение, которое осуществляет предварительное расследование в форме дознания, а также его заместитель;

2. несмотря на то, что законодательно закреплено в качестве основного правила срок в 3 суток для принятия решения по поступившему сообщению о преступлении, тем не менее, как показывает практика, данное правило является скорее исключением, так как большинство решений, при некотором попустительстве со стороны начальника подразделения дознания и прокурора, принимается в срок от 4 до 10 суток;

3. анализ изученных уголовных дел и опрос дознавателей, изъятие начальником подразделения дознания уголовного дела у дознавателя, как правило, связано с перераспределением нагрузки среди дознавателей, выходом дознавателя в отпуск или на больничный и иными причинами, например, с дачей прокурором указаний о производстве следственных и иных процессуальных действий, которые противоречат внутреннему убеждению дознавателя. В последнем случае изъятие уголовного дела производится, чтобы не допустить последующие субъективность, зависимость дознавателя от мнения прокурора;

4. определенный парадокс состоит в сложном механизме контроля за принятием дознавателем решения о приостановлении дознания и возобновлением производства по уголовным делам, возбужденным по преступлениям максимум средней тяжести, в который вовлечены сам дознаватель, начальник подразделения дознания, прокурор. Применительно к предварительному следствию, осуществляющемуся и в отношении особо тяжких преступлений, механизм возобновления предварительного расследования такой же.

Список литературы:

1. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 6 июня 2007 года № 90-ФЗ //«Российская газета», № 123, 09.06.2007.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: офиц. текст по состоянию на 25 мая 2012 года. — М.: ООО «Издательство Эксмо», 2012.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. текст по состоянию на 15 мая 2012 года. — М. : ПРОСПЕКТ, 2012.

СЕКЦИЯ 9.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЦЕРКОВНЫХ ЗЕМЕЛЬ В XV —XVII ВВ.

Алексеева Наталья Ивановна

*аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград*

E-mail: NAlekseeva@kantiana.ru

Отношения собственности (землевладение и землепользование) определяют основные характеристики правовой системы и имеют ключевое значение в феодальном обществе. При изучении проблемы церковного землевладения необходимо рассмотреть ряд понятий: «правой статус земли», «правовой режим», «право собственности», «монастырская вотчина», применимых к XV- XVI вв.

Правой статус — это положение гражданина или юридического лица, то есть юридические закрепленное положение субъекта права в обществе. Данная категория применяется по отношению к субъекту права.

В теории права не дано четкое определение понятия «правовой режим». С 70-х гг. XX в. оно закрепилось в земельно-правовой науке и использовалось как «универсальное значение для характеристики различных категорий земель».

Впервые вопрос о земельном режиме в теории права затронул Евтихийев И.И., считая, что существуют разные, не совпадающие по объему земельные режимы для отдельных разрядов земель, при этом земле отводится особая роль как объекту права [5, с. 102].

Несмотря на то, что категория «правовой статус» применяется к субъекту права, автор полагает правомерным ее употребление в отношении земли, так как в категорию правовой статус церковной земли включено само понятие земли (в частности церковно-монастырской вотчины) как объекта земельного отношения, круг землепользователей этой земли, то есть субъектов церковного землевладения, а также порядок правового регулирования, установленный в отношении церковного землевладения.

Обращаясь к понятию «право собственности» следует отметить, что до настоящего времени в науке не дано его точное определение.

В юридическом смысле под собственностью понимают право владения некоторым объектом, распоряжения им, свободного отчуждения — в соответствии с известной римской формулой: "jus utendi habitandi". Иначе говоря, собственность выступает в виде категории вещного права, которая в определенных обществах распространяется не только на вещи, но также и на людей, трактуемых как вещи [4, с. 14—16].

Относительно природы средневековой земельной собственности в литературе также нет единого мнения.

1. Одна группа авторов выделяет государственную (верховную), общинную и частную феодальную собственность, среди которой выделяется княжеская, боярская, монастырская (Владимирский—Буданов М.Ф. [2, с. 499—501], Греков Б.Д. [3, с. 104—110]).

2. Другие считают, что в феодальном обществе собственность отсутствовала и ему были присуще поземельные отношения, в которых ни один субъект не являлся собственником, а был всего лишь владельцем (Колганов М.В. [7, с. 13]).

3. Феодальному обществу были свойственны две формы собственности: государственная и сеньориальная (Бессмертный Ю.Л. [1, с. 35—37]).

4. Большое распространение получила теория «расщепленной», «расчлененной» собственности. «Расщепление» понимается по-разному: как передача земли в держание вассалам; как раздача ее непосредственным производителям — крестьянам; или одновременно и как держание вассалов, и как крестьянские наделы. Верховная собственность (*dominium directum*), принадлежащая сеньору и право пользования (*dominium utile*) - держателю, вассалу. В рамках данной теории учитывается сословный характер собственности.

Принцип частной собственности, предоставляющий собственнику полную власть над вещью, заимствованный буржуазным правом, был сформулирован римскими юристами во II веке н.э. Однако этот принцип отличался от современного права собственности, которое включает в себя три правомочия — владение, пользование и распоряжение.

Несмотря на то, что большинство авторов интерпретируют право собственности как сумму прав пользования, владения и распоряжения, необходимо учитывать следующее:

1. До XVIII в. для обозначения права собственности используются термины «вотчина», «владение» и «держание». Термин «собственность» впервые встречается в Жалованной грамоте дворянству.

2. Право собственности в XV — XVII вв. невозможно свести к простой совокупности трех правовых форм: владение, пользование, распоряжение.

Изучая вопрос земельных правоотношений, необходимо учитывать многогранность этого понятия, которое включает в себя собственность на землю, землепользование, государственное земельное управление и контроль, а также юридическую ответственность.

Таким образом, использование современной юридической терминологии при исследовании средневековых поземельных отношений возможно лишь в том случае, если их рассматривать как эталон, соответствие которому дает право причислять те или иные земельные отношения к одной из трех правовых форм собственности: владению, пользованию или распоряжению.

К XV в. в Русском государстве существовали следующие формы землевладения: общинное, княжеское, вотчинное, поместное и церковное.

Особенности разных форм землевладения проявлялись в различных ограничениях либо дозволениях их использования в гражданском обороте. Общинные земли могли быть использованы членами общины, которые проживали на них, только в целях удовлетворения собственных общинных нужд, но не могли быть отчуждены (проданы, подарены или заложены.)

Княжеские земли, будучи собственностью князей, могли быть проданы, завещаны и иным образом отчуждены. В то же время, если князь переходил из одного удела в другой, то он терял право на земли, и оно переходило к новому князю, приходившему в этот удел.

Поместными землями их владельцы не владели на праве собственности. Право пользования поместными землями являлось платой князя своим дружинникам за службу, и в случае их перехода на службу к другому князю, дружинники утрачивали право на эти земли.

Церковное землевладение, включая и монастырское, имело специфический правовой статус. Субъектами церковного землевладения выступали монастыри, церкви, епископские саны, то есть некие коллективные образования, а также отдельные монахи, церковные деятели как физические лица. Допускалось свободное отчуждение монастырских земель, что позволило церкви и монастырям принимать активное участие в поземельном обороте. Несмотря на то, что монахи, епископы могли завещать, дарить, закладывать земли от собственного имени церковная собственность имела корпоративный характер, как на землю, так и на другое недвижимое имущество.

Термин «земельная собственность» в русских законодательных актах XVI—XVII вв. вообще не встречается. Владельческая защита недвижимости в России впервые была отделена от иска о праве собственности только во второй половине XVIII в. в Межевой инструкции, а затем в Учреждении о губерниях [11].

Судебник 1497 г. не содержит правовой регламентации собственности. В нем различное имущество и земля упоминаются в качестве объектов возможных судебных споров. Более подробную регламентацию правового статуса земельных объектов дает Судебник 1550 г., в котором главное внимание уделяется вотчине и поместью [9, с. 61; с. 117].

Первоначально объем прав вотчинника был чрезвычайно обширным: вотчинник был не только собственником земли, но и лицом, имевшим административную и судебную власть над населением, жившим на его земле, но при этом он сам был подсуден только князю. В период становления Московского великого княжества объем вотчинных прав значительно суживается и право собственности на землю сопровождается судебной и административной властью вотчинника лишь как исключение.

Во взаимоотношениях светских и церковных властей также можно проследить тенденцию к ограничению прав церкви. Ограничивается судебный иммунитет посредством изъятия из ведения церковных судов дел по вопросам душегубства, татьбы и разбоя.

Термин «вотчина» сохраняется в русском праве до начала XVIII века, когда петровское законодательство, введя впервые термин «недвижимое имение», смешало поместье и вотчину под одним наименованием (указ от 23 марта 1714 года). Формула «движимые и недвижимые имущества» употреблена в указе применительно к поместным и вотчинным владениям [10, с. 296].

В вотчинном землевладении XVII в. можно выделить следующие типы: вотчины родовые, полученные по наследству; выслуженные — пожалованы за службу и купленные.

Существенная разница между этими тремя типами заключается в праве распоряжения. Право распоряжения родовыми вотчинами ограничивались государством. Запрещалось отдавать вотчины в монастырь по душе. В законодательстве очень тщательно был разработан вопрос родового наследования вотчин и родового выкупа.

Наиболее обширный объем прав распоряжения принадлежит владельцам купленных вотчин. Купленную вотчину можно было продать, заложить, подарить и завещать любому лицу. Она могла

перейти по наследству к жене вотчинника и первоначально не подлежала праву родового выкупа.

Что касается жалованных вотчин, то их владельцам предоставлялось право продавать, закладывать и отдавать в приданое; нельзя было только отдать в монастырь по душе.

Другой формой поземельной собственности было поместье, в отличие от вотчины — это было держание условное, оно давалось на время службы. Поместье нельзя было отчуждать, передавать по наследству.

Первый раз слово «поместье» встречается в Судебнике Ивана III, согласно которому земли на поместном праве даются служащим лицам из черных и дворцовых земель. Владеть поместьями могли представители всех родов государственной службы: бояре, дьяки, подьячие, придворные служители, гости.

Складывание системы поместного землевладения привело к изменению юридического характера вотчинного. До возникновения поместья существовало разделение поземельных и служилых отношений, но к середине XVI в. происходит сближение, уравнивание поместного и вотчинного землевладения в отношении службы.

В начале 70-х г. XVI в. уже существовала такая разновидность вотчин, как «пожалованная». Среди них выделяются наследственные и личные вотчины, данные служилому человеку пожизненно, которые он не мог передавать по наследству. Это противоречило традиционному представлению о вотчине как наследственной собственности.

Церковь была одним из крупнейших землевладельцев. Патриархи, митрополиты, епископы раздавали земли своим дворянам и детям боярским. Земельные владения монастырей принадлежали им обыкновенно на вотчинном праве, при этом право полной собственности было ограничено учением о неотчуждаемости церковных имений.

Как землевладельцы монастыри обладали полным правом собственности на подаренную им землю, что на правовом языке Московского государства обычно именовалось «вотчинным правом». Земля, принадлежавшая митрополитам, архиерейским кафедрам, монастырям и приходам, именовалась церковной землей, а в зависимости от владельца — митрополичьей, архиерейской и монастырской.

Самое раннее употребление словосочетания «монастырская вотчина» в законодательных актах было зафиксировано в приговоре Освященного собора и бояр от 9 октября 1572 г. [6, № 5].

Согласно этому документу все вотчины, приобретенные по данным, оформлявшим отношения передачи (дарения) недвижимого и движимого имущества одним собственником другому, и вкладным,

фиксирующим особые случаи дарения церковным организациям, до этого времени объявлялись неотчуждаемыми со стороны вотчинников и их родов. То есть эти монастырские владения приобретали новые, юридические гарантии государства.

Однако, вплоть до конца XVI века, до 1597 г. (24.11. — указ о пятилетнем сыске беглых крестьян) термин «вотчина» не употреблялся для обозначения всех собственных земельных владений патриарха, митрополита и монастырей, без ссылки на их прежний статус или указания на приобретение их у князей, бояр, детей боярских и других людей [8, с. 160].

Только в XVII в. этот термин становится в законодательстве основным для обозначения монастырских и других церковных земельных владений (указы от 3 ноября 1601 г. об установлении твердой цены на хлеб и о борьбе со скупщиками хлеба; от 1 февраля 1606 г. о возвращении прежним владельцам беглых крестьян, кроме ушедших в голодные годы от бедности; от 10 марта 1615 г. об 11-летнем сроке вывоза беглых крестьян Троице-Сергиева монастыря) [6, с. 55, с. 77].

В писцовых материалах термин «монастырская вотчина» начинает употребляться в 80-е гг. XVI в.

Таким образом, в каждой общественной системе взаимоотношений по поводу земли можно выделить несколько качественных ступеней, характеризующих разный уровень прав, однако их нельзя абсолютизировать, так как земельные отношения Средневековья и Нового времени были многослойными. Специфические особенности объектов недвижимости определялись их правовым положением, а также статусом собственников, который возникал из деления общества на сословия.

Таким образом, следует отметить, что использование термина «монастырская вотчина» применительно к церковно-монастырскому землевладению XV в. невозможно, так как складывание церковно-монастырской вотчины как таковой происходило во второй пол. XVI — нач. XVII в.

Вотчинный статус земель крупнейших церковных феодалов подкреплялся судебно-административными привилегиями и финансовыми льготами, которые являлись составными частями феодального иммунитета.

Список литературы:

1. Бессмертный Ю.Л. Сеньориальная и государственная собственность в Западной Европе и на Руси в период развитого феодализма // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов н/Д, 1980. — 21—37 с.

2. Владимирский — Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростовн/Д: Феникс.1995. — 630 с.
3. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVIII в. М., Л., АН СССР. 1946. — 860 с.
4. Дьяконов И.М. Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // Вестник древней истории. — 1967. — N 4.
5. Евтихийев И.И. Земельное право. М.: Заря, 1929. — 264 с.
6. Законодательные акты русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты М.: Наука, 1986. — 261 с.
7. Колганов Собственность. Докапиталистические формации. М.: Изд-во соц.-эк. лит., 1962. — 496 с.
8. Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI в. М.: Наука, 1987. — 230 с.
9. Российское законодательство XX — XX веков. В 9 т. М.: Юридическая литература, 1985. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. — 520 с.
10. Российское законодательство XX — XX веков. В 9 т. М.: Юридическая литература, 1986. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. — 512 с.
11. Учреждения для управления губерний. Указ от 07 ноября 1775 г. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2350/#sub_para_N_11

МЕСТО И РОЛЬ КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Кузьмина Екатерина Михайловна

*аспирант кафедры теории права Поволжского института
управления им. П.А. Столыпина РАНХ и ГС, г. Саратов*

E-mail: k733178@yandex.ru

Одна из проблем российского законодательства — обилие несогласованных правовых норм, противоречащих друг другу. Такие законодательные коллизии мешают праву быть эффективным регулятором общественных отношений.

Коллизия норм права как правовой феномен, обладает комплексом самостоятельных и специфических признаков, отличных от сходных правовых категорий. Важным и неотъемлемым признаком коллизионного столкновения, на взгляд автора, является автономность коллизии. Под автономностью существования коллидирующих норм, автор предлагает понимать, факт их наличия вне зависимости от мысленно осознанного восприятия данного противоречия субъектом правоприменительного процесса. Коллизия может существовать и до ее обнаружения в процессе правоприменительной практики. Обнаружение же норм, предписывающих различный характер поведения субъекта права в конкретной ситуации, лишь выводит коллизию на поверхность, делает ее очевидной и требует уже применения комплекса мер по ее разрешению. Кроме того, наличие коллизии норм усматривается в характере решений, предлагаемых конфликтующими нормами по одному и тому же вопросу. Однако, характеризуя коллизии, нельзя ограничиваться указанием либо на противоречие, либо только на различие, поскольку коллизия может выступать и как первое, и как второе. В одних случаях коллизия норм носит противоречивый характер, т. е. решения, содержащиеся в норме, взаимно исключают друг друга, являются полярными. В других случаях она выступает как различие, несогласованность норм права. Из этого усматривается очередной признак коллизии — состояние противоречия или различия нескольких норм права.

С учетом особенностей данного феномена права, автор предлагает следующее определение коллизии. Под коллизией норм права, следует понимать, обладающее признаком автономности нормативное столкновение двух или более правовых предписаний, имеющее свой объем (характеристику), выражающееся в форме различия или противоречия, требующее применения комплекса мер по его разрешению.

Таким образом, наиболее эффективным способом устранения коллизий в праве, является принятие коллизионных норм, играющих важную роль в процессе правоприменения. Именно они разрешают имеющиеся в российском законодательстве несоответствия и противоречия. Конституция Российской Федерации содержит ряд коллизионных норм, в частности, коллизионные нормы, регулирующие вопросы соотношения норм Конституции РФ и норм иного отраслевого законодательства Российской Федерации.

Согласно ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, — «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации» [2].

Соответствующие правила содержатся и в отраслевом законодательстве. Например, в ч. 2 ст. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации [5] указывается, что УК РФ основывается на Конституции РФ и общепризнанных принципах и нормах международного права. Данные положения близки к коллизионным нормам, но не являются таковыми. Возникает дилемма: применять при коллизиях непосредственно нормы Конституции РФ, либо просто не применять закон, ей не соответствующий и применять аналогию.

Как отмечает Ю.А. Дмитриев, «прямое действие Конституции РФ означает, что ее нормы должны применяться непосредственно и не требуют наличия специального федерального закона или иного нормативно-правового акта. Вместе с тем в силу краткости Конституции РФ, большинство ее норм не может быть применено напрямую. А в ряде случаев конституционная норма прямо устанавливает необходимость принятия федерального закона по тому или иному вопросу. Исходя из этого, принцип прямого действия норм Конституции РФ не следует абсолютизировать [1, с. 96].

Наиболее сложной проблемой при прямом применении норм Конституции РФ является оценка противоречия того или иного нормативного правового акта как противоречащего ей. Данная функция Конституции РФ отнесена к исключительной компетенции Конституционного Суда РФ [2]. В силу этого Конституционный Суд РФ указал, что суд общей юрисдикции или арбитражный суд, придя к выводу о несоответствии Конституции РФ федерального закона или закона субъекта РФ, не вправе применить его в конкретном деле и обязан обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности этого закона» [1, с. 112].

Решение вопроса о наличии или отсутствии противоречий между нормами Конституции Российской Федерации и нормами иных нормативных правовых актов, тем самым отнесено к компетенции конкретного суда. В этом случае суды руководствуются, в частности, Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [4]. В соответствии с конституционным положением ч. 1 ст. 15, судам при рассмотрении дел следует оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения, и во всех необходимых случаях применять Конституцию РФ в качестве акта прямого действия [4, п. 2]. «В случае неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации примененный или подлежащий применению по конкретному делу закон, суд, исходя из положений ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации, обращается в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о конституционности этого закона» [4, п. 3].

Верховный Суд Российской Федерации занял данную позицию, исходя при этом из того, что обращение с запросом в Конституционный Суд является не обязанностью, а правом суда в случаях, когда у него имеются сомнения или, как указано в части 2 статьи 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [6], возникает неопределенность по вопросу о соответствии Конституции РФ примененного или подлежащего применению закона при рассмотрении конкретного дела. Если же суд придет к убеждению, что закон противоречит Конституции РФ, он вправе разрешить дело по существу, руководствуясь соответствующими нормами Конституции РФ. В противном случае обязательное предварительное обращение судей в Конституционный Суд для решения вопроса о возможности прямого применения Конституции РФ вместо противоречащего ей закона будет по существу нарушать конституционный принцип прямого действия Конституции [1, с. 412].

Оппоненты придерживаются другой точки зрения, чем изложенная в Постановлении Пленума, и ссылаются на то, что суды, самостоятельно решая при рассмотрении конкретного дела вопрос о соответствии закона Конституции, по существу возлагают на себя функции Конституционного Суда РФ. Однако с этим сложно согласиться, поскольку в указанном случае суд не признает, что закон не соответствует Конституции РФ, — это устанавливает Конституционный Суд. Предста-

вители феиды просто не применяют такой закон при рассмотрении конкретного дела как не соответствующий Конституции РФ» [3].

На основании вышеизложенного, можно прийти к следующим выводам: нормы Конституции Российской Федерации могут применяться судами непосредственно; выбор о применении норм Конституции Российской Федерации или норм иных нормативных правовых актов осуществляется судом при рассмотрении дела; признать нормы законов или иных нормативных правовых актов несоответствующими Конституции Российской Федерации может только Конституционный Суд. Единая коллизионная норма, позволяющая разрешать такого рода противоречия, не содержится ни в Конституции Российской Федерации, ни в отраслевом законодательстве.

В итоге, с одной стороны, некоторые положения о соотношении Конституции РФ и иного законодательства содержатся в Конституции Российской Федерации и отраслевом законодательстве, а, с другой стороны, эти положения — не коллизионные нормы, твердо устанавливающие, какая норма будет действовать при конфликте норм. Поэтому ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации [3], по мнению автора, необходимо дополнить, сделав содержащиеся в ней положения коллизионной нормой: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. В случае противоречия законов и иных правовых актов Конституции Российской Федерации, применяется непосредственно Конституция Российской Федерации». Закрепление аналогичных коллизионных норм в отраслевом законодательстве желательно, в частности, в кодифицированных актах.

Исследовав Конституцию Российской Федерации на предмет содержания в ней иерархических коллизионных норм, автор приходит к выводу, что они несомненно есть, однако для совершенствования процесса правоприменения их количество необходимо расширить, разрешив, в частности, вопросы о соотношении общепризнанных принципов и норм международного права и российского законодательства; о соотношении норм Конституции Российской Федерации и норм международных договоров Российской Федерации; о соотношении Конституции Российской Федерации и иного законодательства Российской Федерации.

Список литературы:

1. Дмитриев Ю.А. Конституция Российской Федерации: научно-практический комментарий (постатейный). М.: Юстицинформ, 2007.— 616 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993), (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ)// СЗ РФ. 26.01.2009, № 4, ст. 445.
3. Малюшин А.А. Конституционное правотворчество в аспекте взаимодействия Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции и арбитражных судов Текст. / А.А. Малюшин // Российский судья. 2008. — № 9. — С. 25—331.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Российская газета № 247. 28.12.1995, «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 1, 1996.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 17.06.1996, № 25, ст. 2954 // Российская газета. № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.
6. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2010)"О Конституционном Суде Российской Федерации"(с изм. и доп.,от 09.02.2011)//СЗ РФ. 25.07.1994, № 13, ст. 1447.

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ РОССИИ

Чебанова Наталья Сергеевна

*аспирант, ассистент каф. «ТИГП», ГМУ имени адм. Ф.Ф. Ушакова,
г. Новороссийск*

E-mail: NatashaChebanova90@gmail.com

В настоящее время такая проблема как развитие правосознания гражданского общества в России является важной и актуальной. Вследствие чего главной задачей государства является развитие политики, направленной на повышение уровня правосознания граждан, а также нахождения правильных ориентиров для становления правосознания не только граждан государства, а также должностных лиц. Медведев Д.А. уделял внимание программам воспитания правосознания молодежи, что отражено в ежегодных посланиях Президента РФ. Основной акцент был направлен на развитие правового сознания и духовности молодежи, а также вносились изменения в нормативно-правовые акты, затрагивающие правосознание граждан и молодежи. Одним из основных является проект, подготовленный Государственным Советом РФ «Стратегия и основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2012 года» [5]. Проблемы правосознания граждан признаны приоритетными, необходимо установить верные ориентиры и ценности, к которым бы стремились граждане, т. к. без должного воспитания и повышения уровня правосознания граждан не будет создано упорядоченное и надежное правовое государство, не будет создана та политическая система, которая бы удовлетворяла требованиям граждан современного Российского государства.

В первую очередь необходимо определить, что представляет правосознание и определить его структуру. Общепринятым определением правосознания следует считать, что правосознание — это одна из форм сознания, которая представляет собой систему взглядов, оценок, учений, убеждений, выражающаяся в отношении индивидов и групп к существующему и желаемому праву, к правовым явлениям и поведению групп между собой [1, с. 161]. Правосознание играет важную роль в формировании и развитии государства, его политики. Правосознание зависит от воли людей, от их убеждений, от их взглядов

на правовые и политические явления, которые окружают граждан изо дня в день.

Правосознание имеет свою структуру:

- правовая идеология,
- правовая психология,
- индивидуальные знания о праве,
- личностные ценности индивида,
- субъективная воля индивида.

Таким образом, правосознание отражает взгляды, убеждения и отношения граждан к праву. Правосознание граждан строится прежде всего на правосознании каждого индивида, а его правосознание в свою очередь формируется на базе образования, которое тот получил, на профессиональной принадлежности, на том в какой среде он живет, будь то сельская местность или город, и, конечно, на его отношении к религии. Последний аспект и был рассмотрен в данной статье.

В настоящее время усиливается влияние религиозного сознания. Это имеет свои положительные и отрицательные черты. Религия всегда на протяжении веков оказывала огромное влияние на правосознание, духовную культуру и общественное сознание индивидов. Исламские, христианские и иудейские духовно-нравственные системы активно влияют на становление и развитие правосознания граждан. Наиболее острой проблемой такого влияния является, прежде всего, националистическое правосознание, потому что Россия всегда была многоконфессиональным государством, сочетающим в себе множество религий и людей проповедующих эти религии. В России множество людей, которые являются яркими приверженцами своих идей, не желающие мириться с наличием в огромной стране других религий, а также взглядов и идей. Несомненно, у религиозного влияния огромное количество плюсов. Их намного больше, чем минусов. Религиозные ценности во многих случаях совпадают с правовыми, т. е. имеют один и тот же ориентир для граждан. Тем самым верный ориентир для развития правильного правосознания человека и развития правового государства, формируя устойчивую политическую систему современного государства.

В конце XIX — начале XX веков многие ученые занимались изучением влияния церковных ценностей на правосознание граждан. Наиболее значимый вклад в изучение данного вопроса внесен русским философом и публицистом конца XIX — начале XX веков Ильиным И.А., который раскрывал сущность правосознания с религиозных позиций, рассматривая правовое сознание как неразрывное единство правового, государственного, нравственного и

религиозного сознания, воздействующего на всю деятельность человека. Автор отмечал, что «в душе религиозного человека пробуждаются именно те самые благородные силы, которые необходимы для процветания благородной государственности. Идея религиозного гражданина не только не таит в себе внутреннего противоречия, но есть одна из величайших идей, с которыми человечество имеет дело. Религиозный гражданин соединяет в душе своей силу подлинной религиозности с силою здорового и верного правосознания, и притом так, что правосознание его является зрелым проявлением его религиозности. Соединяясь с правосознанием, религия находит новый могучий путь для преобразования жизни; соединяясь с религиозностью, правосознание придает себе безусловную основу, утверждая «волю к духу» как волю к Богу. Из этой атмосферы восстают религиозные вожди народов, и безвестные герои-патриоты, безмолвно отдающие свою жизнь за родину. С углублением и упрочением этой атмосферы связано будущее всех государств и всего человечества» [2, с. 220].

2011 год ознаменовался периодом более тесного сотрудничества церкви с государственными структурами и институтами. В результате чего, во-первых, состоялось введение в течение последних 2-х лет с согласия родителей в российских школах нового предмета (основы православной культуры), а, во-вторых, учреждение в Вооруженных Силах России института воинских и флотских священнослужителей. Возникновение данных институтов и нововведений порождает множество споров и дискуссий. Медведев Д.А. на встрече с православной общественностью в ноябре 2011 года отметил, что возникновение таких институтов «приносит пользу» [4]. Несомненно, такая деятельность будет приносить пользу, потому что цели, ценности и приоритеты религии, права и государства совпадают, следовательно, формирование и повышение уровня правосознания у молодежи будет иметь место. Индивиды знали бы к чему следует стремиться, отграничивать моральное от аморального, формируя при этом свои ценности, идеалы. Результатом такой деятельности будет упорядоченная политическая система современного государства. Активная пропаганда такой политики государства ведется и через средства массовой информации. В качестве примера следует привести встречи Кирилла с Медведевым Д.А. и Путиным В.В. На одной из встреч Путина Владимира Владимировича с Кириллом в Свято-Даниловом монастыре в феврале 2012 года, обсуждалась необходимость участия религиозных организаций, в частности РПЦ, в жизни государства и общества. В.В. Путин отметил, что опорой

населения во всех кризисах страны были, несомненно, церковные ценности. Владимир Владимирович Путин выдвинул предложение о введении нового режима отношений церкви и государства, а именно за режим партнерств [3]. Такие встречи могут служить примером внедрения церкви в политику государства, следовательно, о влиянии церковных и религиозных ценностей на правосознание граждан.

Автор статьи отмечает, что Медведев Д.А. подчеркнул, что данные нововведения требуют активного развития, а также понимания граждан, потому что каждый гражданин Российской Федерации сам вправе выбирать самостоятельно религию, выражать свои идеи и мысли, тем не менее данные институты приносят свою пользу [4].

Ценности в обществе как религиозные, так и правовые чаще всего совпадают и тесно переплетаются друг с другом, поэтому граждане, которые исповедуют религию не могут быть вне общечеловеческих ценностей и идеалов, а к общечеловеческим ценностям, безусловно, относится и право. В настоящее время в развитии общества необходимо отметить как положительные стороны влияния религии и церковных ценностей на правосознание граждан и развивать их, так и отрицательные стороны данной деятельности, а их, в свою очередь, необходимо корректировать.

Список литературы:

1. Абдулаев М.И. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений. — М.: Финансовый контроль, 2004. — 410 с.
2. Ильин И.А. Путь духовного обновления. Собрание сочинений в 10 томах. М.: Русская книга, 1993. Т. 1. — С. 217—234.
3. Латухина Кира. Услышать голос. Владимир Путин призвал религиозные организации к тесному сотрудничеству. // "Российская газета". — 2012. — Федеральный выпуск. № 5700 (27) — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2012/02/08/putin-site.html>
4. Петров Виталий. Работа на душу. Президент и патриарх убеждены в общих целях государства и Церкви // "Российская газета".—2011. — Федеральный выпуск. № 5625 (249) - [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://rg.ru/2011/11/07/pravoslavie.html>
5. Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2006 N 1760-р (ред. от 16.07.2009) «О Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. — 25.12.2006, N 52 (ч. III), ст. 5622.

СЕКЦИЯ 10.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТКРЫТОГО ПЕРЕЧНЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ОТЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ

Дядюн Кристина Владимировна

канд. юрид. наук, ст. преподаватель филиала ДВФУ в г. Артеме

E-mail: Kristina.dyadyun@yandex.ru

Институт назначения наказания является одним из наиболее важных в российском уголовном праве. От того, насколько законным, справедливыми и обоснованным будет назначенное лицу наказание, во многом зависит достижение целей, стоящих перед уголовным законодательством. Важную роль в индивидуализации наказания играют обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. При проведении настоящего исследования автор опирался на анализ материалов судебной практики и результаты проведенного анкетирования 120 человек (студентов юридических институтов, сотрудников правоохранительных органов и обычных граждан). Представляется, что применение указанных методов обеспечивает обоснованность и достоверность полученных выводов.

Перечень отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит [4, с. 7]. Изучение практики показало, что при назначении наказания суды достаточно часто ссылаются на отрицательные данные о личности виновного и другие негативные обстоятельства, существенно повышающие общественную опасность деяния и субъекта, не предусмотренные в ст. 63 УК РФ (отрицательная характеристика виновного, ведение паразитического образа жизни, склонность к совершению преступлений, наличие большого количества эпизодов преступной деятельности, состояние на учете в инспекции по делам несовершеннолетних и др.) [1, с. 24]. Суды часто при назначении наказания учитывают также в качестве отягчающих такие обстоятельства, как «характер преступления и его общественную опасность» [2, с. 32], «совершение тяжких преступлений», указание виновным на правильность и справедливость совершенного

преступного деяния [3, с. 26—27]. Однако в силу исчерпывающего характера перечня отягчающих обстоятельств суды лишены возможности признавать их в качестве таковых. Отсюда возникают сложности с всесторонним, объективным и полным исследованием и учетом всех обстоятельств дела. Такой подход иллюстрирует отсутствие правовой возможности учета выявленных по делу обстоятельств, повышающих степень опасности деяния и виновного, но не предусмотренных в законодательном перечне. Кроме того, на практике может возникнуть ситуация, когда к лицам, совершившим сопоставимые деяния с использованием аналогичных орудий и средств, будут применены различные меры наказания по причине, например, излишней конкретизированности п. «к» ст. 63 УК РФ и невозможности его расширительного толкования.

Научно-технический прогресс не стоит на месте, и преступники нередко используют его достижения, однако в случае, когда конкретный вид орудия (средства) не указан в упомянутом пункте, его использование невозможно вменить в качестве отягчающего обстоятельства. С другой стороны, например, совершение убийства с использованием ядовитых (радиоактивных) веществ является формой общеопасного способа совершения квалифицированного вида указанного деяния. В связи с этим, возникает проблема двойного учета фактически одного и того же обстоятельства. Указанные примеры иллюстрируют нарушение целого ряда принципов уголовного права (равенства перед законом, гуманизма в обоих его аспектах, обоснованности и целесообразности наказания). Однако наиболее ярко в названных ситуациях нарушается принцип справедливости — и в отношении соответствия наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, и в отношении недопустимости двойной ответственности за одно и то же преступление, частным случаем которой можно считать недопустимость повторного учета обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ. Следует отметить, что п. 9 ст. 39 УК РСФСР 1960 г. содержал более общую формулировку рассмотренного обстоятельства: «совершение преступления общеопасным способом» [б, с. 360], которая позволяла избежать отмеченных проблем.

Исходя из вышеизложенного, принимая во внимание невозможность создания идеальных формулировок каждого конкретного отягчающего обстоятельства (с учетом постоянных изменений в обществе, науке и технике), а также необходимость учета при назначении наказания всех выявленных по делу обстоятельств, представляется целесообразным предоставить суду право учитывать в

качестве отягчающих обстоятельства не указанные в законе, придав перечню ст. 63 УК РФ открытый характер. Данное нововведение призвано содействовать эффективному достижению целей наказания и решению задач, стоящих перед ним, а также — успешной реализации принципов уголовного права. При этом суд обязан мотивировать признание того или иного обстоятельства отягчающим наказанием. Действительно, если законодатель исходил из необходимости максимального учета обстоятельств, понижающих степень общественной опасности деяния и виновного лица, предусматривая открытый перечень смягчающих наказание обстоятельств, то почему не признать обоснованным наиболее полный учет обстоятельств, существенно повышающих опасность преступного деяния и лица, его совершившего, установив аналогичную возможность в ст. 63 УК РФ. Указанное нововведение, помимо всего прочего, будет способствовать наиболее полному учету личностных, психологических и других особенностей субъекта в целях назначения справедливого, гуманного и обоснованного наказания.

Как показали результаты проведенного анкетирования, 32,5% опрошенных считают указанную новацию возможной вообще, а около 36% — возможной при обязательной мотивировке суда о признании конкретного обстоятельства отягчающим. При этом большинство респондентов, давших положительный ответ на данный вопрос, являются сотрудниками правоохранительных органов.

Относительно невозможности повторного учета отягчающего обстоятельства, если оно предусмотрено в качестве признака преступления, следует сказать, что содержание таких обстоятельств в каждом преступном деянии различно, поэтому привносимая обстоятельством доза общественной опасности может отклоняться в ту или иную сторону. Поэтому представляется обоснованным учет судом при избрании меры наказания степени выраженности того или иного обстоятельства, указанного в статьях Особенной части УК РФ, проявившейся в данном конкретном случае.

Например, по приговору суда З. осужден по пп. «в», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ, по ч. 1 ст. 228 УК РФ. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, путем частичного сложения наказания, назначено 17 лет лишения свободы. На основании ч. 5 ст. 69 УК РФ окончательно назначено наказание — 19 лет лишения свободы в исправительной колонии особого режима. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения. Президиум Верховного Суда РФ исключил из приговора указание о признании обстоятельством, отягчающим

наказание, совершение преступления в отношении заведомо малолетнего лица, так как действия осужденного были квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии в силу малолетнего возраста. В результате назначенное 3. наказание по пп. «в», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также наказание, назначенное по совокупности преступлений, было смягчено [5, с. 20]. Однако с учетом изложенного и полноты реализации требований принципа справедливости, в означенном примере представляется целесообразным учет степени выраженности конкретного отягчающего обстоятельства, но для осуществления такой возможности необходимо ее законодательное закрепление. Такой подход обоснован и в тех ситуациях, когда верхняя граница причиняемого деянием вреда в норме не определена, а он по своему характеру исключителен (убийство большого количества людей). В таких случаях представляется необходимым учет указанных моментов при назначении наказания виновному лицу. За указанное нововведение высказалось примерно 44,2 % опрошенных, и около 39,2 % указали, что это способствовало бы справедливости и максимальной индивидуализации назначаемого наказания.

Таким образом, по мнению автора, представляется целесообразным:

- рассмотреть возможность установления открытого перечня отягчающих обстоятельств в целях наиболее полного учета степени общественной опасности совершенного деяния, характеристик личности виновного, обеспечения назначения справедливого, целесообразного и обоснованного наказания при обязательной мотивировке судом признания конкретного обстоятельства отягчающим;
- учитывать степень выраженности конкретного отягчающего обстоятельства при избрании меры наказания, даже в случае, если указанное обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ, для чего предлагается дополнить ч. 2 ст. 63 УК РФ следующим уточнением: «суд может учесть степень выраженности конкретного обстоятельства при избрании меры наказания».

Список литературы

1. Мясников О.А. Реализация принципов уголовного права в институте обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание // Актуальные вопросы становления государственности и правовой системы современной России: материалы научно-теоретической конференции. Оренбург, 2001. — С. 22—26.

2. Обзор судебной практики // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 10. С. 32.
3. Обзор судебной практики // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 12. С. 26—27.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами РФ уголовного наказания»//Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4. С. 7-15.
5. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 396-ПО6 по делу Замотаева // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 11. С. 20.
6. Уголовный кодекс РСФСР 1960//История государства и права России: сборник документов. Часть 2. М.: Юрист, 1997. — С. 350-410.
7. Уголовный кодекс РФ. М: Проспект, 2012. — 196 с.

К ВОПРОСУ О СНИЖЕНИИ ВОЗРАСТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ефремова Марина Александровна

канд. юрид. наук, доцент УлГУ, г. Ульяновск

E-mail: seamaid63@gmail.com

Кузнецов Константин Владимирович

студент 2 курса юридического факультета УлГУ, г. Ульяновск

E-mail: kuznetsov.k.v.73@mail.ru

Вопрос о снижении возраста привлечения к уголовной ответственности не является новым для российского уголовного права. Однако, к нему проявляется особый интерес, что обусловлено рядом причин.

В советском законодательстве возраст привлечения к уголовной ответственности был установлен в статье 10 УК РСФСР 1960 г. Общий возраст привлечения к ответственности был равен 16 годам, а за ряд тяжких, особо тяжких и наиболее распространенных преступлений, исчерпывающий перечень которых был закреплен в данной статье, предусматривался пониженный возраст 14 лет [8]. Российский законодатель традиционно перенял данные положения и они, претерпев некоторые изменения, нашли свое отражение в УК РФ 1996 г. (ст. 20 УК РФ). В последнее время представители общественности, органов государственной власти и правоохранительных

органов, а также практикующие юристы все чаще высказывают мнение о необходимости снижения этого возраста. Об актуальности данной проблемы свидетельствует тот факт, что она довольно часто затрагивается в СМИ, с завидной регулярностью обсуждается на научно-практических конференциях и, как следствие этого, является предметом многих научных исследований. В Государственную Думу РФ ранее уже вносились на рассмотрение законопроекты, предусматривающие такие изменения в УК РФ. Последний законопроект, был отклонен не так давно — в 2009 году. В начале марта 2012 года в СМИ распространилась информация о том, что Комитет Государственной Думы РФ по конституционному законодательству и госстроительству вновь готовит законопроект о снижении возраста привлечения к уголовной ответственности до 12 лет, который может быть внесен в Госдуму уже к концу весенней сессии [6]

Прежде всего, необходимо уточнить некоторые принципиальные моменты и сделать важные замечания, которые касаются данной проблемы. Как было отмечено ранее, УК РФ 1996 г. содержит многие воспринятые законодателем положения советского уголовного права и разделяет возраст привлечения к уголовной ответственности на общий и специальный. Установление общего возраста привлечения к ответственности в 16 лет означает, что любое лицо, совершившее общественно опасное деяние, запрещенное нормами Особенной части УК РФ и удовлетворяющее требованиям, которые отражены в статье 19 УК РФ, подлежит уголовной ответственности (за исключением случаев, закрепленных в статьях 75—78 УК РФ или специальных случаев освобождения от ответственности, которые указаны в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, а также кроме тех случаев, когда лицо не могло совершить преступление в силу психофизиологических особенностей своего развития или наличия/отсутствия специального статуса). Специальный (или как его еще называют — «пониженный») возраст привлечения к уголовной ответственности равен 14 годам и предусмотрен за совершение несовершеннолетними тяжких, особо тяжких и наиболее распространенных преступлений, исчерпывающий перечень которых содержится в ч. 2 ст.20 УК РФ. В том случае, когда речь идет о снижении возраста привлечения к уголовной ответственности до 12 лет, то подразумевается снижение именно специального, а не общего возраста. Предполагается, что возраст привлечения к ответственности будет снижен за совершение преступлений, в перечень которых будут включены наиболее распространенные среди несовершеннолетних деяния, такие как убийство, изнасилование, похищение человека и другие.

Следует отметить, что возрастной порог привлечения к уголовной ответственности в России существенно отличается от порога привлечения к ответственности во многих зарубежных странах. В соответствии с английским Законом «О детях и подростках» 1969 г. возраст привлечения к уголовной ответственности устанавливается с 14 лет, однако принятый позднее Закон «О преступлении и ином нарушении порядка» 1998 г. отменил презумпцию общего права, согласно которой ребенок в возрасте до 10 лет и старше не может совершить преступление (ст. 34) [2, с. 36—37]. В Индии, Ирландии и Сингапуре к уголовной ответственности могут быть привлечены лица, достигшие семилетнего возраста. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино установил возраст привлечения к уголовной ответственности с 12 лет. В соответствии со статьей 10 УК Польши общий возраст наступления уголовной ответственности устанавливается с 17 лет, а пониженный возраст за совершение определенного круга преступных деяний равен 15 годам [1, с. 56—57]. Между тем, возраст привлечения к уголовной ответственности в 14 лет установлен в законодательстве Японии (ст. 41 УК Японии 1907 г.), ФРГ (Закон «Об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних» от 4.08.1953 г.) и Италии (статьи 85 и 97 УК Италии 1930 г.). Однако, по Закону «О несовершеннолетних» в Японии не допускается применение уголовных мер к лицам, не достигшим шестнадцати лет (ст. 20 Закона «О несовершеннолетних»). В Испании лица, совершившие преступление и не достигшие возраста 18 лет не подлежат ответственности по УК Испании — в этом случае к ним применяется Закон «Об уголовной ответственности несовершеннолетних» [4, с. 114]. Такие различия обусловлены воздействием многих факторов, в основном, особенностями исторического развития и становления правовых систем различных государств, криминогенной ситуацией в странах и качеством правоприменительной практики в них, особенностями проводимой в государствах уголовно-правовой политики.

Вопрос о снижении возраста привлечения к уголовной ответственности буквально разделил общество на два лагеря.

Граждане, которые поддерживают идею о внесении данных изменений в уголовное законодательство, обосновывают их целесообразность следующими причинами и факторами:

1. необходимость снижения возраста уголовной ответственности обусловлена, по их мнению, прежде всего, ростом преступности среди несовершеннолетних и изменением ее качественных характеристик. Такой процесс роста преступности начался после распада СССР в 1991 году, когда резко упал уровень жизни населения, что, несомненно,

негативно отразилось на жизни страны в целом и стало причиной ухудшения криминогенной обстановки. Данный процесс протекает и в настоящее время. Как правило, причиной совершения несовершеннолетними лицами общественно опасных деяний является педагогическая запущенность и безнадзорность со стороны взрослых. При этом необходимо отметить, что в так называемые «группы риска» попадают не только подростки из неблагополучных семей, но и несовершеннолетние из семей вполне обеспеченных. Кроме того, за последние годы существенно изменились не только количественные, но и качественные характеристики преступлений, которые совершаются несовершеннолетними лицами. Подростковая преступность приобретает все более организованный характер. Отмечается рост числа преступлений, направленных против собственности (ст. 158 УК РФ — «кража», ст. 161 УК РФ — «грабеж», ст. 162 УК РФ — «разбой» и др.), жизни и здоровья граждан (ст. 105 УК РФ — «убийство», ст. 116 УК РФ — «побои», ст. 126 УК РФ — «похищение человека» и др.), половой неприкосновенности (ст. 131 УК РФ — «изнасилование») и других. Таким образом, сторонники данных изменений полагают, что снижение возраста ответственности позволит поместить в уголовно-исправительные учреждения как можно больше преступников, что значительно улучшит ситуацию в стране и снизит уровень преступности в целом;

2. возраст привлечения к ответственности, по мнению сторонников изменений, должен быть понижен только для лиц, совершивших тяжкие, особо тяжкие или наиболее распространенные преступления, исчерпывающий перечень которых будет содержаться в соответствующей уголовно-правовой норме Общей части УК РФ. Эти изменения не должны касаться несовершеннолетних, совершивших в силу каких-либо причин преступления небольшой или средней тяжести, которые не указаны в перечне деяний, за совершение которых предусмотрен «пониженный» возраст уголовной ответственности;

3. как правило, несовершеннолетние преступники страдают какими-либо психическими расстройствами, которые в большинстве случаев не исключают их вменяемости, их ценностно-нормативная система искажена. Применение к ним принудительных мер медицинского характера и принудительных мер воспитательного воздействия после внесения в нормы, регламентирующие применение данных уголовно-правовых институтов, соответствующих изменений вместе с созданием эффективной системы ювенальной юстиции позволит в большинстве случаев не только осуществить медико-социальную реабилитацию несовершеннолетних преступников, но и достичь одну из основных целей наказания, предусмотренных в ч. 2

ст. 43 УК РФ — исправление осужденного (в данном случае несовершеннолетнего преступника);

4. в качестве одного из аргументов (пожалуй, наиболее спорного) высказывается мнение о том, что, ввиду ярко выраженной акселерации последних поколений людей, у несовершеннолетних преступников, достигших возраста двенадцати лет уже присутствуют адекватные интеллектуальный и волевой элементы, характеризующие субъективную сторону совершаемых ими преступных деяний. По мнению многих педагогов, психологов, юристов, в частности, В.Г. Павлова, достигшие возраста 12 лет лица способны осознавать фактический характер своих действий (бездействия), способны осознанно и взвешенно оценивать свое поведение и поступки, предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий совершения таких действий (бездействия), а также способны руководить такими действиями (бездействием) [5, с. 93]. Широко распространены случаи, когда несовершеннолетние в возрасте до 14 лет умышленно совершают преступления различных категорий тяжести, в том числе и в составе организованных преступных групп, заранее зная о том, что, по сути, их преступные деяния останутся безнаказанными.

Все это свидетельствует о том, что на данный момент объективно назрела необходимость внесения соответствующих изменений в российское уголовное законодательство.

В свою очередь, ряд аргументов выдвигают критики и противники снижения возраста привлечения к уголовной ответственности:

1. данные научных исследований и правоприменительная практика позволяют прогнозировать, что повышение суровости наказаний или снижение возраста привлечения к уголовной ответственности не смогут серьезно повлиять на уровень преступности и не приведут к значительному сокращению количества совершаемых несовершеннолетними преступлений. Это может быть обусловлено рядом причин и факторов. Как правило, несовершеннолетние лица совершают преступления в силу недостаточного уровня зрелости, в силу наличия искаженных представлений о нравственных приоритетах и искажений ценностно-нормативной системы, в силу вспыльчивости и импульсивности, подверженности влиянию со стороны взрослых. Важную роль играют и мотивы преступного поведения данных лиц, которые и оказывают направляющее воздействие на их поведение. При этом, довольно часто такие преступники либо вообще не имеют представления о содержании возможных уголовно-правовых последствий совершения общественно опасных деяний (то есть, о грозящем им

наказании или применении иных уголовно-правовых мер), либо их представления о них в значительной степени абстрактны ;

2. в результате снижения возраста привлечения к уголовной ответственности могут существенно возрасти расходы государства на содержание несовершеннолетних в уголовно-исправительных учреждениях или на применение к ним иных уголовно-правовых мер. При разумном подходе эти денежные средства могут быть направлены на выполнение иных, нередко более значимых задач государства и реализацию значимых направлений его внутренней и внешней политики;

3. атмосфера и психологическая обстановка в уголовно-исправительных учреждениях, в которых отбывают наказание несовершеннолетние преступники, критически приближена к той атмосфере, которая свойственна для всех уголовно-исправительных учреждений. Преступники живут в них по определенным порядкам, по так называемым «понятиям», существует строго определенная внутренняя иерархия среди осужденных. Безусловно, такие условия жизнедеятельности оказывают достаточно серьезное негативное влияние на психику подростков, ведут к существенному искажению ценностно-нормативной системы. В результате, после отбытия наказания лицо зачастую оказывается неприспособленным к условиям нормальной жизнедеятельности в обществе, а нередко и вновь возвращается к осуществлению преступной деятельности, что обуславливает достаточно высокий процент рецидивистов среди несовершеннолетних. Таким образом, на практике вместо исправления лица государство все чаще получает закоренелого преступника ;

4. в качестве аргумента также упоминается то обстоятельство, что установление конкретного возраста уголовной ответственности обуславливается рядом взаимосвязанных факторов, таких как традиционность и преемственность уголовного законодательства, криминогенная обстановка и уровень преступности в стране. Одним из самых значимых, определяющих критериев является определение на основе научных исследований среднего возраста социальной зрелости несовершеннолетних. Достижение этого возраста, который должен быть нормативно закреплен в уголовном законе, позволяет привлекать лицо к уголовной ответственности за совершение преступного деяния. В основу этого положена презумпция того, что лишь достигшее данного возраста лицо способно осознавать фактический характер своих действий (бездействия), оценивать свое поведение и руководить им, то есть оно является вменяемым. На основе данных научных исследований ученые приходят к выводу о том, что в России данная возрастная граница находится на уровне 14—15 лет (в то же время,

имеются заключения, которые свидетельствуют о том, что вменяемыми могут быть признаны и лица, достигшие возраста 12—13 лет). Это означает, что снижение возраста ответственности не только нерационально, но и противоречит принципам справедливости и гуманизма уголовного законодательства РФ, закрепленным в статьях 6 и 7 УК РФ 1996 года ;

5. в настоящее время в Российской Федерации отсутствует система ювенальной юстиции и ювенального правосудия, как такового. Законодательство о ювенальной юстиции находится пока что лишь на стадии разработки. Между тем, на Россию возложено обязательство по исполнению Конвенции ООН о правах ребенка 1989года, в соответствии с которой предусмотрено создание специализированной системы правосудия в отношении несовершеннолетних [3]. Система оказания психологической помощи несовершеннолетним и система мер, применяемых для оказания воспитательного воздействия на несовершеннолетних преступников и правонарушителей также достаточно далеки от совершенства и функционируют недостаточно эффективно. Многие специалисты полагают, что снижение возраста привлечения к уголовной ответственности может отсрочить создание системы ювенального правосудия, так как законодателю на практике легче осуществить именно это. До тех же пор, пока такая система не будет функционировать, судьбы многих несовершеннолетних могут быть искалечены в специальных школах или интернатах открытого типа, специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа или уголовно-исправительных учреждениях, криминализованная атмосфера которых негативно влияет на психику несовершеннолетних, а зачастую и на их дальнейшую судьбу;

6. представители Русской Православной Церкви также, в большинстве своем, выступают против снижения возраста привлечения к уголовной ответственности и видят решение проблемы преступности несовершеннолетних в воссоединении государства и церкви, церкви и школы. По их мнению, сочетание светского образования с духовным воспитанием несовершеннолетних будет способствовать повышению нравственности подростков, укреплению моральных устоев общества в целом. Безусловно, это также отразится на уровне преступности несовершеннолетних и повлечет его снижение.

Решить проблему подростковой преступности необходимо в кратчайшие сроки, так как от этого во многом зависит будущее России — это неоспоримый факт. В настоящее время, ввиду ряда упомянутых выше причин, снижение возраста привлечения к ответственности является преждевременным. Будут ли в ближайшем будущем приняты

данные изменения в уголовное законодательство, оправдают ли они себя, и к какому результату приведут — все это продемонстрируют время и правоприменительная практика.

Список литературы:

1. Байбарин А.А. Уголовно-правовая дифференциация возраста: монография. М. : Высшая школа, 2009. — 252 с.
2. Козочкин И.Д. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учеб. пос. М.: Омега-Л, Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2003. — 576 с.
3. Конвенция ООН о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года). [электронный ресурс] — Режим доступа. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения 28.05.2012)
4. Оганесян Р.Л. Возраст уголовной ответственности в уголовном праве зарубежных стран // Вектор науки ТГУ, 2009. № 2 (5), С. 113 — 115.
5. Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб. : «Юридический центр Пресс», 2001. — 318 с.
6. Порог детской жестокости. В России могут начать сажать с 12 лет // «Российская газета». 2.03.2012, № 46.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63 — ФЗ (в ред. Федерального закона от 1 марта 2012 г. N 18-ФЗ) // Российская газета. — 1996. — 18 июня; Российская газета. — 2012. — 6 марта № 48.
8. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (в ред. от 30.07.1996 № 103-ФЗ). [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://docs.kodeks.ru/document/9037819> (дата обращения 28.05.2012)

ПОНЯТИЕ АФФЕКТИРОВАННОГО УМЫСЛА В УСЛОВИЯХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ДВОЙСТВЕННОСТИ

Кораблева Светлана Юрьевна

*соискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин Факультета
экономики и права МГЛУ, г. Москва
E-mail: sukorableva@gmail.com*

В нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ наряду с прямым, косвенным, специальным и заранее обдуманым умыслом используется понятие аффектированного умысла. В статьях Особенной части УК РФ указание на аффектированный умысел встречается дважды. С его использованием построены составы привилегированного убийства — ст. 107 «Убийство, совершенное в состоянии аффекта» и статья «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта» (ст. 113 УК РФ). Автор не согласен с утверждением, что о кумулятивном аффекте речь идет в ст. 106 УК РФ — убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации [3, с. 262], так как здесь «правовое значение имеет экспертное определение у обвиняемой эмоциональной напряженности, возникшей в условиях психотравмирующей ситуации, или определение у нее психического расстройства, не исключающего вменяемости» [7, с. 45].

Законодатель в тексте ст. 107 и ст. 113 использует как признаки многозначные слова «сильное» и «душевное», а заимствованное из психологии понятие аффект, помещено в скобки на второе место. Такое уравнивание понятий «внезапно возникшее сильное душевное волнение» и «аффект» нельзя признать удачным решением, поскольку оценка эмоционального состояния обвиняемого (внезапно возникшее сильное душевное волнение) может производиться следователем и судом самостоятельно лишь с опорой на свои профессиональные знания. В то время как установление состояния аффекта подразумевает необходимость производства судебно — психологической экспертизы.

В руководящих постановлениях Пленума Верховного Суда вопросы аффектированного умысла практически не затрагиваются, за исключением указания на то, что «По смыслу закона убийство не должно расцениваться как совершенное при квалифицирующих признаках... если оно совершено в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения» [5].

В теории аффектом обычно признается бурный и кратковременный эмоциональный процесс, оказывающий влияние на

сознание и деятельность человека и сопровождаемый изменениями в деятельности двигательной, эндокринной, сердечно-сосудистой и других систем организма. Однако подобная дефиниция вызывает ряд возражений.

Во-первых, она опирается на положения психологии тридцатилетней давности. В общей психологии и судебной практике уже давно «помимо классического физиологического аффекта, протекающего бурно и стремительно, заканчивающегося разрядкой, психической и физической астенией, обоснована самостоятельность так называемого кумулятивного аффекта» [6, с. 39]. Для него нехарактерны признаки кратковременный и бурный, так как «при кумулятивном аффекте агрессия — субъективно последний и единственный выход из психотравмирующей ситуации. Характерное для кумулятивного аффекта частичное сужение сознания... можно наблюдать уже на стадии накопления эмоционального напряжения» [7, с. 44]. Во-вторых, она не включает в себя связь аффекта ни с противоправным или аморальным поведением потерпевшего, ни с используемым в законе «состоянием внезапно возникшего сильного душевного волнения». В-третьих, она не разрешает вопроса о необходимости проведения экспертизы для констатации аффективного расстройства. Следовательно, это определение не позволяет установить четкие юридические и психологические границы аффекта.

Поэтому различные авторы и практические работники, даже используя схожие определения, допускают прямо противоположные варианты их смыслового восприятия и придают неодинаковое лингвистическое значение скобкам в тексте ст. 107 и 113 УК РФ. В литературе существуют даже утверждения типа: «Проведенный Н.В. Лысак анализ уголовных дел исследуемой категории показал, что 23 % составили случаи, когда виновный, находясь непосредственно под воздействием нанесенной ему обиды, совершает перед убийством различные действия (например, бежит в свою квартиру, чтобы взять орудие преступления, преследует потерпевшего, проникает в дом, квартиру и т. д.). Однако такие действия нельзя расценивать как приготовление к убийству» [7, с. 25].

Различное понимание и произвольная расширительная интерпретация делают возможным любое субъективное толкование аффекта при рассмотрении конкретных уголовных дел. Анализ пятидесяти приговоров районных судов за 2010—2011 гг., где исследовался вопрос о наличии состояния аффекта, позволяет сделать следующие выводы. Часто решение об отсутствии состояния аффекта делается без проведения соответствующей амбулаторной или

стационарной психолого-психиатрической экспертизы (двенадцать случаев), несмотря на то, что в деле присутствуют признаки длительной психотравмирующей ситуации (три случая). Реже суд отрицает наличие состояния аффекта несмотря даже на соответствующее заключение эксперта (два случая). Иногда же констатирует аффектированный умысел, основываясь лишь на предшествующем противоправном поведении потерпевшего и иных объективных признаках деяния (четыре случая). При этом необходимо отметить, что примерно в половине случаев состояние аффекта заявляется обвиняемым, несмотря на отсутствие каких-либо для этого оснований. Фактически в трети случаев, когда есть основания для усмотрения аффективного умысла, решения судов вызывают сомнения.

Сургутский районный суд согласился с органами предварительного расследования и признал В. виновным в совершении убийства в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта). Преступление им совершено было при следующих обстоятельствах: потерпевший, находясь в состоянии алкогольного опьянения, нанес спящему на кровати В. удар деревянным табуретом в область спины. В., проснувшись от удара табуретом, выхватил его и, держа за ножки, нанес сидением не менее 10 ударов в область головы, туловища и конечностей последнего. Смерть потерпевшего наступила на месте происшествия. Наличие длительной психотравмирующей ситуации суд констатировал, основываясь на следующих фактах: с апреля 2010 года В. проживал вместе с потерпевшим. Потерпевший нигде не работал, злоупотреблял спиртными напитками, систематически высказывал угрозы физической расправы, устраивал скандалы, ссоры, причинял В. телесные повреждения, требовал деньги на спиртные напитки. Состояние аффекта было признано доказанным без проведения соответствующей экспертизы, на основании лишь того, что В. находился в психотравмирующей ситуации и его деянию непосредственно предшествовало противоправное поведение потерпевшего [1].

Преображенский районный суд г. Москвы признал Б. виновным в простом убийстве при следующих обстоятельствах. Б. проживал совместно с Т. и ее дочерью гражданским браком. Они снимали квартиру, вели совместное хозяйство, он содержал их семью материально. Через некоторое время Т. стала оказывать знаки внимания С., с которым они оба были знакомы. Т., продолжая проживать с Б., в течение длительного времени встречалась с С. Оба, обвиняемый и потерпевший, имели в отношении Т. серьезные намерения, что подтверждается показаниями свидетелей об их желании сделать ей

предложение. Б. на протяжении длительного периода времени (около 1,5 месяцев) знал об отношениях между Т. и потерпевшим. Обвиняемый, встретившись с С. около станции метро и заманив его в безлюдное место, нанес последнему около 10 ударов ножом. Из выводов амбулаторной комплексно психолого-психиатрической судебной экспертизы следует, что Б. в момент совершения деяния находился в состоянии физиологического аффекта. Однако, не смотря на это, Б. был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ. При этом основным фактом, который, по мнению суда, доказывает отсутствие состояния аффекта, является приготовление Б. к совершению деяния (позвонил другу, также позвав его на встречу, завел С. в безлюдное место) [1].

Действительно, в условиях законодательной терминологической двойственности аффектированный умысел может трактоваться различно — и как научно — психологическое понятие, и как юридическое понятие. Перспективным является только первый из этих двух вариантов. Как правильно отмечает С. Шишков: «Как бы мы отнесли к подобной двойственности при доказывании других обстоятельств — если бы, к примеру, следователи и суды стали определять исполнителя рукописного документа в одних случаях с помощью почерковедческой экспертизы, а в других — самостоятельно, путем сличения соответствующих текстов, что называется, на глазок?» [9, с. 26]. Судебное толкование, которое в отношении аффектированного умысла, может быть основано лишь на здравом смысле и субъективном отношении правоприменительных органов к виду психотравмирующей ситуации и личности обвиняемого, приводит к неоднородности судебной практики, которая в данном случае не может быть оправдана. Кроме того, установление аффекта при помощи экспертизы более отвечает принципу справедливости и целям назначения наказания с точки зрения возможности лица к ресоциализации, поскольку при ее проведении учитываются эмоции именно в структуре психики конкретного человека, и делается вывод о противоречии (соответствии) совершенных действий характерным способам реагирования.

Научно-психологическое понимание аффекта требует разрешения двух вопросов. Во-первых, обобщение судебной практики позволяет утверждать, что не менее чем в половине случаев отсутствие аффектированного умысла в пользу обычного может быть констатировано без привлечения экспертов. В то же время «вывод о необходимости экспертизы означает, что ее придется проводить по каждому делу об установлении аффекта. В результате практика рискует столкнуться со значительными трудностями — в стране может просто не оказаться достаточного количества квалифицированных экспертов —

психологов» [9, с. 25]. В отношении данной проблемы можно отметить, что в настоящий момент примерно в 70% случаев районные суды ссылаются на заключение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, в рамках которой устанавливается, в том числе, отсутствие (наличие) состояния аффекта. Однако оптимальным решением является разъяснение, часто даваемое в кассационных определениях Верховного Суда РФ: «Выводы о том, что осужденный ... совершил умышленное преступление и не находился в состоянии аффекта сделаны судом в пределах представленных ему законом полномочий, а не врачами психиатрами в их экспертном заключении» [2]. Это разъяснение необходимо лишь дополнить рекомендацией оценивать соответствующее заключение экспертов как весомое доказательство.

Вторым, требующим решения вопросом, является расхождение в критериях, которые используются для установления аффекта экспертами — психологами. Так в ходе одного из дел, рассмотренных Орехово-Зуевским городским судом Московской области в 2011 г., было проведено три комплексные психолого-психологические экспертизы, в которых давались разные ответы на вопрос о наличии состояния аффекта [1]. В другом деле опрошенный в судебном заседании в качестве специалиста психолог ГНЦССП им. Сербского указал, что использованный другим экспертом набор диагностических средств ему представляется неполным и недостаточным, так как при проведении психологического исследования эксперт не в полном объеме использовала рекомендованные НИИ им. Сербского стандарты проведения экспериментально-психологического исследования [1]. Единственным решением этой проблемы является принятие единого методического акта по вопросам установления аффекта.

На основании всего вышеуказанного можно сделать следующие выводы. В условиях законодательной терминологической двойственности аффектированный умысел может трактоваться различно — и как научно—психологическое понятие, и как юридическое понятие. На взгляд автора, понимание аффектированного умысла должно соответствовать его психологической сущности (в современной интерпретации), так как только тогда становится возможным установить четкие границы аффекта: аффектированный умысел — это разновидность прямого и косвенного умысла с поправкой на особое эмоциональное состояние в агрессивном поведении при аффективных расстройствах. Механизм агрессии может быть различным: как часть эмоционального возбуждения и как разрядка накопленного эмоционального напряжения.

Список литературы:

1. Информационно-правовая система «Актоскоп» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL <http://actoscope.com/>. (Дата доступа 19.01.2012).
2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. — № 16-О11-59СП. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://vsrf.ru/vscourt_detale.
3. Моисеева Т.В., Дубовиченко С.В., Перцев А.А. Убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации // Татищевские чтения: актуальные проблемы теории и практики: Материалы международной научной конференции. — Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2006. — С. 260-262.
4. Носков Д. Понятие «аффект» в уголовном праве // Законность. — 2003. — № 6. — С. 38—40.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/vscourt_detale.php?id=984
6. Сафуанов Ф.С. Криминальная агрессия лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости: судебно-экспертные оценки // Юридическая психология. — 2006. — № 4. — С. 43-48.
7. Тухбатуллин Р.Р. Особенности объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 107 и 113 УК РФ // Российский следователь. — 2005. — № 3. — С. 23-29.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/>
9. Шишков С. Установление «внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта)» // Законность. — 2002. — № 11. — С. 24-28.

РОЛЬ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРИ РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Кулешова Александра Николаевна

ст. оперуполномоченный ОПНОН УУР ГУ МВД России

по Пермском краю, г. Пермь

E-mail: orel_perm@rambler.ru

Прогнозирование — (от греч. prognosis — знание наперед, предвидение) — разновидность научного предвидения, специальное исследование перспектив какого-либо явления [8, с. 385]. Прогноз — основанное на специальном исследовании заключение о предстоящем развитии и исходе чего-нибудь [3, с. 605].

Для органов, ведущих борьбу с преступностью, всегда представляет интерес, как будет выглядеть в будущем изучаемое общественно опасное социально-правовое явление (тенденции и закономерности изменений преступности, её уровня, структуры и т. д.), ибо от знания будущего состояния преступности зависит качество принимаемых в настоящем решений [1, с. 10].

Меры по борьбе с преступностью всегда должны приниматься заранее. Прогнозирование важно не само по себе, не для того, чтобы пассивно созерцать возможные варианты будущего, но прежде всего для того, чтобы можно было по-научному разрабатывать перспективные проблемы [2, с. 8].

Преступность всегда социальное явление, но она в тоже время явление и уголовно-правовое. Круг деяний, признаваемых общественно опасными, то есть преступными, определяет уголовное законодательство, и поэтому правовая сторона преступности немедленно обнаруживается при серьезном изменении этого законодательства. Уголовное законодательство, в свою очередь, изменяется в зависимости от изменений политики государства в области борьбы с преступностью. Следовательно, криминологическое прогнозирование тесно связано с политикой в области борьбы с преступностью, уголовным правом и уголовным законодательством [5, с. 15].

По существу, речь должна идти об изучении тенденций развития государственно-правовых и политических явлений и возможного влияния их на преступность. О том, что уголовно-правовое законодательство РФ, не состоятельно и скорее обращено в прошлое,

чем в будущее свидетельствует тот факт, что за период его существования с 1996 года в него было внесено более 80 изменений. Уголовно-правовое законодательство же в сфере противодействия наркопреступности было перекроено полностью. Единственное, что, пожалуй, осталось неизменным это название 25 главы уголовного кодекса — «преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Все остальные положения претерпели существенные изменения, которые касались как квалификации преступлений, так и вида и размеров наказаний. Данное обстоятельство свидетельствует, в первую очередь о сверхбыстрой динамике развития уровня данных преступных посягательств, а во вторую, о недостаточном развитии прогнозирования в указанной сфере. В редакции УК РФ от 13.06.1996 года такие преступления как изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка, либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ были включены в одну 228 статью УК РФ, а также не упоминалось о совершении данных преступлений в особо крупном размере. Данный факт свидетельствует о недостаточной проработанности вопроса при изучении действительности, прогнозирования возможного развития способов совершения наркопреступности и, безусловно, прогнозирования её последствий. Не дальновидной является позиция законодателя в данном случае, поскольку сбыт наркотического средства сам по себе несет большую общественную опасность, так как вовлекает в незаконный оборот все новых и новых участников — наркопотребителей, общество же в данном случае теряет здоровых, способных к выполнению необходимых общественных функций, членов. Выделение объективной стороны данного вида преступлений в самостоятельную статью со своими квалифицирующими признаками произошло 08.12.2003 года. Отсутствие в первых редакция такого квалифицирующего признака как особо крупный размер свидетельствует о том, что при конструировании статей законодатель не предполагал, что «аппетит» наркопреступности будет постоянно возрастать и, что массы наркотика в преступном обороте будут постоянно увеличиваться. Указанный квалифицирующий признак появился в уголовном кодексе 25.06.1998 г. (уже через два года после принятия и вступления в действие УК РФ).

Также, исходя из анализа документов, можно сделать вывод, что государство не было готово к тому, что наркопреступность так сильно укрепит свои позиции. Об этом свидетельствует тот факт, что до 2004 года, несмотря на закрепление в уголовном кодексе понятий небольшой, крупный и особо крупный размер, фактических размеров

необходимых правоприменительным органам для противодействия наркопреступности на законодательном уровне закреплено не было. На практике суды руководствовались сводной таблицей заключений постоянного комитета по контролю наркотиков об отнесении к небольшим, крупным и особо крупным размерам количеств наркотических средств, психотропных веществ, обнаруженных в незаконном владении или обороте закрепленные в протоколе постоянного комитета по контролю наркотиков № 3/81 — 2001 от 10 июля 2011 года. В примечании к данному документу указано, что «Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 27. 05.1998 г. № 9 специально оговорил: «Имея ввиду, что законом не установлены критерии отнесения находящихся в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ к небольшому, крупному, особо крупному размеру, этот вопрос должен решаться судом в каждом конкретном случае исходя из их количества, свойств, степени воздействия на организм человека, других обстоятельств дела и с учетом рекомендаций, разработанных Постоянным комитетом по контролю наркотиков. Выводы о размере наркотических средств или психотропных веществ должны быть мотивированы в приговоре» [5]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в период действия уголовного закона РФ с 1996 года по 2004 год законодательно не был закреплен механизм определения размера наркотических средств.

Данное обстоятельство как нельзя лучше иллюстрирует тот факт, что при конструировании норм законов были слабо изучены динамика и механизм развития наркопреступности, в связи с чем были составлены прогнозы, которые не смогли адекватно отобразить действительность уже на момент вступления нормативно-правового акта в действие. В связи с тем, что закон не отвечал требованиям действительности, он нуждался в переработке, что, в первую очередь, затратило временные ресурсы, людские ресурсы, и, безусловно, финансовые. При более серьезной подготовке и составлении правильного прогноза складывающейся ситуации в сфере наркопреступности удалось бы избежать лишних затрат, доверие граждан к государству в лице его компетентных органов было выше.

Уголовно-правовая политика должна работать на опережение, основываясь на результатах грамотно составленных прогнозов, уголовно-правовыми средствами предупреждать преступность. Только на основании научно обоснованных прогностических выводов возможна разработка теоретических положений, которые были бы применимы на практике и были бы своевременны и актуальны на протяжении длительного периода времени. В настоящее же время положения

уголовно-правовой политики в сфере противодействия преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств направлены на стабилизацию складывающейся обстановки, причем руководит этой обстановкой преступность, а не законодатель. Без должного уровня научной степени прогнозирования рамки уголовно-правового воздействия своим противоправным поведением определяет преступник, а не предопределяет законодатель.

При формировании и реализации положений уголовно-правовой политики по противодействию преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств законодатель должен опираться на тенденции развития общества, должен принимать во внимание уровень технического прогресса. Именно развитие техники в настоящее время способствует появлению новых способов совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Следовательно, перед принятием решений в рамках уголовно-правовой политики, необходимо спрогнозировать каким образом на основании имеющихся возможностей будет действовать преступник, чтобы его действия по имеющемуся законодательству невозможно было квалифицировать как преступные, либо чтобы в силу несовершенства возможностей органов полиции не быть ими установленным, как следствие задержанным и привлеченным к уголовной ответственности. В настоящее время, в связи со стремительным развитием техники у наркосбытчиков появляются новые возможности получения заказов, сбыта наркотических средств, а также новые способы оплаты. Только с принятием Федерального закона № 18-ФЗ от 01.03.2012 года законодатель ввел в рамки уголовно-правового поля совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств с использованием средств массовой информации, либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) [6]. Причем данное изменение вступает в силу с 01.01.2013 года, в то время как преступники уже длительное время используют сеть «Интернет» для совершения преступлений в исследуемой сфере, поскольку процедура сбора доказательств при подобном способе не проработана. Изучая проблему в данной плоскости, следует отметить, что именно в ней, как нельзя нагляднее, пересекаются поля уголовно-правовой и уголовной-процессуальной политики как составных частей уголовной и, следовательно, криминологической политики. Для того чтобы, привлечь лицо за совершение преступления, любого, в том числе и связанного с незаконным оборотом наркотиков необходимо не только, чтобы в действиях данного лица были все признаки состава преступления. Необходим также и механизм, который позволит собрать необходимое

и достаточное количество доказательств, чтобы суд мог признать данное лицо виновным. Данные элементы также взаимозависимы, поскольку от того какими, средствами обладает правоприменитель зависит его возможность доказать преступность деяния, но так же и способ совершения преступления постоянно совершенствуется в зависимости от того какие силы и средства необходимо затратить, для того чтобы привлечь виновное лицо к уголовной ответственности.

Именно научные исследования в области способов совершения наркопреступлений должны лечь в основу формирования положений уголовно-правовой политики. Они не должны быть оторваны от действительности, должны помогать практическим органам в выполнении поставленных перед ними задач, а именно предупреждение раскрытие преступлений и далее расследование. Такое станет возможным только в том случае, если последствия принимаемых решений в рамках уголовной политики будут подвергнуты тщательному анализу, на основании которого будет составлен прогноз и даны ответы на вопросы об эффективности и необходимости данного решения. Без этих результатов действия государства направлены на то, чтобы оградить общество от уже имеющихся способов совершения преступлений. Получается, что не государство ставить барьеры для преступников, а преступники для государства. Государство вынуждено подстраиваться под вновь появляющиеся проявления наркопреступности, ограничивать её, а не предупреждать её заранее.

Именно не согласованность действий, отсутствие прогностической работы в сфере совершения наркопреступлений, приводят к появлению существенных пробелов в законодательной базе. Ярким примером непоследовательности внесения изменений в уголовный кодекс и иные нормативно-правовые акты являются поправки, внесенные Федеральным Законом № 87-ФЗ от 19.05.2010 г. [7] в ст.ст. 228, 228-1, 229 УК РФ, которые вступили в силу с 18.11.2010 г. и ввели ответственность за незаконные действия с растениями, содержащими наркотические средства или психотропными веществами, содержащими наркотические средства, либо их частями. Данным же федеральным законом было дано определение растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры. Перечень же данных наркотикосодержащих растений и крупный и особо крупный размеры были утверждены Постановлением Правительства РФ от 27.11.2010 г. № 934 [4]. Таким образом, имея понятийный инструмент для работы, практические органы фактически в течение 10 дней не имели практической возможности работать по соответствующим изменениям.

В теории результаты прогнозов являются тем основанием, которое необходимо для принятия решений уголовно-правовой политики, планирования их исполнения и предупреждения наркопреступности. На практике же получается, что законодатель принимает уголовно-правовые решения, чтобы пресечь наркопреступность, а не предупредить её.

Таким образом, прогнозирование для формирования положений уголовно-правовой политики в сфере противодействия преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств является необходимым условием. Только при реальной оценке существующей действительности и анализа событий из прошлого через настоящее возможно принятие решений, которые будут эффективными в разрешении ситуаций, которые могут возникнуть. Уголовно-правовая политика, которая способна исключить совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств — утопия. Уголовно-правовая политика, которая способна своими средствами сдерживать негативные проявления наркопреступности, держать ее под контролем — это та необходимость, без которой невозможно построение здорового, в прямом смысле этого слова, общества.

Список литературы:

1. Аванесов Г.А. "Теория и методология Криминологического прогнозирования", издательство "Юридическая литература", М., — 1972. — 331 с.
2. Аванесов Г.А., Вицин С.Е. Прогнозирование и организация борьбы с преступностью. М. "Знание", 1972. — 30 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. — 21-е изд., перераб. и доп. — М.: Рус. яз., 1989. — 924 с.
4. Постановление Правительства РФ от 27.11.2010 г. № 934 «Об утверждении перечня растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации, крупного и особо крупного размеров культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, для целей статьи 231 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об изменении и признании утратившим силу некоторых актов Правительства Российской Федерации, по вопросу оборота растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры»// "Российская газета", № 280, 10.12.2010 г.
5. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.05.1998 г. № 9 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с

наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»/ Российская газета, 110, 10.06.1998 г.

6. Федеральный закон от 01.03.2012 г. № 18-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"// [Электронный ресурс] — Режим доступа. - URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 02.03.2012.
7. Федеральный закон от 19.05.2010 г. № 87-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры"// [Электронный ресурс] — Режим доступа. - URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 20.05.2010.
8. Философский словарь/ Под ред. И.Т. Фролова. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1987. — 590 с.

ТЕРРОРИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Лебедева Ирина Николаевна

аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики ЛПТУ, г. Липецк

E-mail: lady.lebedeva.in@yandex.ru

Процесс глобализации порождает многочисленные социально-политические кризисы, противоречия и конфликты, одним из способов разрешений которых становится терроризм. Изучение терроризма в современном мире и причин, непосредственно порождающих его, самым тесным образом соприкасается с изучением процесса глобализации.

Терроризм приобрел характер мировой проблемы еще в конце XIX — начале XX веков, превращаясь в оружие, громадную силу устрашения и уничтожения в вечном и непримиримом антагонизме разных миров, культур, идеологий, религий и мировоззрений. Терроризм стал проблемой «номер один в мире» — опаснейшей, острейшей, сложной и трудно прогнозируемой, облакающей и мимикрирующей во все более разнообразные формы и угрожающей всему современному человечеству.

Опасения многих стран, религиозных, социальных групп в эпоху глобализации, вызванные стираниями ментальных, социальных, религиозных, экономических, политических границ между государствами и людьми и опасностью уничтожения религии, культуры, языка, а также противостояния осей «Запад — Восток»,

«Север-Юг», развитых стран и стран «третьего мира» могут породить экстремистки настроенные группировки террористического характера с антиглобалистской и антизападной направленностью [1].

На международном уровне были принят ряд важных документов, направленных на регулирование контртеррористических мер, как: Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (1979) [4], Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (1997) [5], Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999) [6].

Террористическая деятельность в современном мире в эпоху глобализации имеет несколько тенденций:

1. Терроризм становится опасной преградой для решения социальных, межнациональных, религиозных, международных конфликтов, свертывая все политические и правовые гарантии и парализуя отношения между государствами, народами, конфессиями, социальными группами, политическими партиями, общественными организациями.

Срачиваясь с организованными преступными группировками, в том числе мирового масштаба и с такими видами противоправных и аморальных деяний как наркоторговля, проституция, коррупция, торговля людьми, рабство, организация экстремистских вооруженных бандформирований, торговля оружием, отмывание доходов, полученных преступным путем, преступления террористической направленности становятся все более изощренными и жестокими, а человечество — все более уязвимым. С наркопреступностью связаны такие террористические организации как «Светлый путь», «Тупак Амару» в Перу и Курдская рабочая партия в Турции [9].

2. Отличительной чертой современного терроризма как глобальной проблемы современности является стирание границ между внутренним и международным терроризмом. Террористы все чаще проникают в регионы других стран. Например, в Чечне наблюдалось присутствие граждан стран ближнего и дальнего зарубежья, оказывающих помощь боевикам. Многие боевики, принимающие участие в террористической деятельности внутри какого-либо государства, проходят обучение преступной деятельности в лагерях и базах иностранного государства или группы государств, а также получают отсюда необходимую материальную и техническую помощь, тактическое руководство, духовную подпитку в экстремистских духовных учебных заведениях, причем нередко с поддержкой властных структур таких недружественных стран или их групп, которую они оказывают для реализации своих геополитических интересов (например,

для создания панисламского и пантюрского государства) [8; с. 551].

Для этого используются тактики провокаций межнациональных и межрелигиозных конфликтов, революционных настроений для свержения неугодных режимов, прежде всего, путем идеолого-информационной обработки, порой перерастающей в информационную войну. Идеолого-информационная обработка базируется на принципах «восстановления исторической справедливости», заострения внимания людей на аморальном поведении представителей другой нации, придания конфликтам на бытовой почве и катастрофам, происходящим из-за нарушения правил техники безопасности, оттенка мотива межнациональной борьбы, ненависти или вражды.

3. Террористы сотрудничают с международными сектантскими группировками и экстремистскими объединениями, ведя широкую пропаганду и развертывая информационную войну с использованием различных СМИ против представителей традиционных конфессий, подрывая доверие людей к ним.

Человек, потерявший доверие к своей традиционной конфессии, но не утративший при этом веру в Бога, начинает искать заступничества и духовной поддержки у сектантов или просто их поддерживать, не вступая при этом в секту.

Такие люди становятся «слепым орудием» в руках экстремистов. Отвергая все, что было связано с прошлым мировоззрением, и активно впитывая новые, по его мнению, справедливые, взгляды, человек сам не замечает, что становится одураченной марионеткой в руках террористических и экстремистских воротил.

4. Террористы для совершения своих преступных деяний, как на международном, так и на национально-региональном уровнях, становятся все более подготовленными в ресурсном, тактическом, организационном, техническом, информационном аспектах.

Все реже и реже, террористические группы берут на себя ответственность за теракты, которые становятся более масштабными, жестокими, бесчеловечными, кровавыми.

Человек и общество в целом чувствуют себя в современном мире все более незащищено, возникает чувство страха и беспокойства даже в таких жизненных ситуациях, где, казалось бы, ничего не предвещает трагедии.

Террористы становятся все более беспринципными, выбирая для своих злодеяний места священные для человека: так в разных уголках мира происходят взрывы в храмах различных конфессий, местах захоронений и памятных дат. Презируя жизнь человека определенной нации, конфессии и социальной группы, террористы стремятся

показать ненависть к их религии, презрение к их культуре, истории, ко всему тому, к чему представители этой группы, конфессии или нации относятся с благоговением и уважением.

С другой стороны, развивается культ насилия, обесценивается человеческая жизнь, растет озлобленность жестокость, цинизм, взаимная ненависть между народами и социальными группами. Пострадавшая от насилия сторона порой тоже желает мести и ответных действий, иногда не менее бесчеловечных, ставя под удар совершенно сторонних, невинных людей. Политические, правовые и социальные гарантии, таким образом, отходят на второй план, а конфликты, разрешаемые насильственными путями, вызывают ответные меры со стороны государства, не всегда соответствующие нормам гуманизма и демократии.

5. Террористы стремятся завладеть химическим и биологическим оружием, заполучить оружие массового поражения, секретные разработки любой ценой. Возросло число невзрывных терактов, например, терактов с использованием энергоинформационного оружия (СВЧ и КВЧ-лучи), наркотических и одурманивающих веществ. Появились термины «наркотерроризм» и «наркодиверсия» («наркогеноцид»). Террористические группы взаимодействуют с наркоторговцами не только для извлечения финансовых средств, но и для использования наркотических и одурманивающих веществ при совершении терактов и коррекции поведения жертв и членов группы [2; 3, с. 414].

Для предупреждения этого необходимы программы по энергоинформационной и наркологической безопасности, целенаправленная работа с потенциальными группами риска.

6. Акты терроризма в последние годы стали направляться на устрашение социума в целом. Здесь будет уместно привести афоризм из памятки для боевиков движения «Хамаз»: «Глупо охотиться на тигра, когда вокруг полно овец» [7, с. 31].

Глубина и масштабность данной глобальной проблемы современности, угрожающей всему человечеству, требует эффективных, неотложных и совместных контрмер со стороны государства и всего мирового сообщества в целом.

Россия является «зоной уязвимости» для международного терроризма, чему способствует как общая негативная криминогенная ситуация в стране, духовно-нравственный кризис, примитивизация культуры, появление агрессивно настроенных религиозных, социальных, политических групп, в том числе националистической направленности, культивирование насилия и пренебрежения к морали и пропаганда контрценностей, так и неразрешенные территориальные

претензии после распада СССР, наличие скрытых в годы Советского Союза претензий между странами, нациями и народами, деятельность спецслужб некоторых государств, направленная на подрыв внутренней безопасности России, а также антироссийская пропаганда, развернутая для дестабилизации политической обстановки в нашей стране.

Российская Федерация является поликонфессиональным государством, в котором существуют экстремистские религиозные группировки. Представители некоторых из них позиционируют себя как защитников морально-нравственных ценностей и борцов с духовной деградацией в условиях морального кризиса, переживаемого Россией, привлекая тем самым многочисленных сторонников. Вполне нормальное желание верующего человека противостоять бездуховности может обернуться втягиванием его в экстремистскую группировку с идеологией насилия.

Проблема борьбы с терроризмом в мировом масштабе осложняется отсутствием единого контртеррористического мирового информационного пространства и единой контртеррористической политики, политизированностью оценок, двойными стандартами представителей различных стран по отношению к террористам, различными подходами к определению понятия терроризма, отсутствием четкого определения терроризма, признанного классическим и охватывающего все сложные и многогранные черты данного явления, сложностью разграничения террористической преступности и национально-освободительной борьбы отдельных наций и народов, поддерживаемой теми или иными зарубежными государствами, слабой правозащитной деятельностью, заинтересованностью некоторых стран и политических режимов в культивировании терроризма и насилия как на своей территории, так и за рубежом, сокрытием террористической деятельности и терактов на территориях некоторых государств. Например, задача выработки единого определения понятия терроризма встречает на своем пути множество препятствий политического, идеологического, духовного характера и зависит от политического режима и формы правления в той или иной стране, ее роли в мировом сообществе и многих других факторов.

Борьба с этим негативным социальным явлением требует всестороннего комплексного подхода. Первоочередные меры должны быть следующие: всестороннее взаимодействие спецслужб и сил правопорядка в данной борьбе на международном уровне; создание единого контртеррористического пространства, первоначально хотя бы в рамках стран СНГ; ужесточение правовых последствий для лиц, связанных с террористической деятельностью и т. д.

Интерес к проблеме терроризма в условиях глобализации продолжает неуклонно расти. Устранить причины, порождающие это опасное социальное явление, адекватно оценивать данную угрозу, покончить с терроризмом как с методом политической борьбы, остановить его распространение в эпоху глобализации возможно лишь при совместном усилии всего мирового сообщества.

Список литературы:

1. Барышников Д.Н. Международный терроризм в условиях глобализации// [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: http://www.kuchaknig.ru/catalog.php?action=by_letter_avtor&letter=%C1%D0%D8%CD%CA%CE%2+%C4.%CD (дата обр. 06.05.2012 г.).
2. Калачев Б.Ф. Наркотерроризм в России: новые характеристики старого явления // [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: http://www.narkotiki.ru/ocomments_2362.html (дата обр. 02.05.2012 г.).
3. Костин А.И. Экополитология и глобалистика: Учебное пособие для студентов вузов /А.И. Костин. — М.: Аспект Пресс, 2005. — 418 с.
4. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17 декабря 1979 г.) // Сборник международных договоров СССР. — М. — 1989. — вып. XLIII. — Ст. 99.
5. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 15 декабря 1997 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации от 27 августа 2001. — № 35. — Ст. 3513.
6. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации от 24 марта 2003. — № 12.— Ст. 1059.6.
7. Ольшанский Д.В. Психология террора / Д.В. Ольшанский. — М., Екатеринбург, 2002. — 319 с.
8. Терроризм. Правовые аспекты противодействия: нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи / под ред. И.Л. Трунова и Ю.С. Горбунова. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Эксмо, 2007. — 768 с.
9. Тропинина Т. Наркоситуация в мире и транснациональный наркобизнес /Т. Тропинина. — М., 2002.// [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1351&more=1&c=1&tb=1&pb=1> (дата обр. 06.05.2012 г.).

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

Попова Ирина Павловна

*аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики ГОУ ВПО
БГУЭП, г. Иркутск
председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области,
г. Усть-Илимск
E-mail: irinabaikal@mail.ru*

Приговор — единственный процессуальный документ, который выносится именем государства, постановляется в строго предусмотренном законом порядке и только в совещательной комнате — ст. 298 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее УПК РФ) [14].

Совершенно справедливо отмечал И.Л. Петрухин, что «Судья не вправе занимать какую-либо позицию в ходе судебного следствия...», и «...убеждение судьи в виновности подсудимого может сложиться лишь при удалении в совещательную комнату для вынесения приговора» [10, с. 94]. Действительно, по окончании исследования доказательств, заслушивания судебных прений сторон и последнего слова подсудимого, суду необходимы соответствующие условия, «для спокойного и делового обсуждения всех вопросов, связанных с принятием решения по рассматриваемому делу» [9, с. 51], в целях исключения постороннего влияния на судей на заключительном и решающем этапе судебного разбирательства. «Тайна совещания позволяет судьям свободно выражать свое мнение по любому из рассматриваемых вопросов, отстаивать его, приводить аргументы для его подтверждения, голосовать за то решение, которое судья считает правильным» [11, с. 323—324].

Автор солидарен с мнением, что «Тайна совещания судей — процессуальная гарантия, обеспечивающая независимость судей при постановлении приговора, а также законность, обоснованность и справедливость выносимого приговора» [15, с. 158]. Нарушения тайны совещания судей в силу прямого указания в законе (п. 8 ч. 2 ст. 381 УПК РФ), являются безусловным основанием для отмены приговора, поскольку «ставят под сомнение конституционную гарантию правильности приговора — независимость судей и подчинение их только закону» [4, с. 236].

Однако, само понятие «*тайна совещания судей*» нередко подменяется другим — «*тайна совещательной комнаты*», как считает, например, С.В. Бородин [2, с. 498]. Тогда как некоторые

процессуалисты не делают различий между словосочетаниями «тайна совещания судей» и «тайна совещательной комнаты», как Б.Т. Безлепкина [1, с. 344]. Между тем, следует согласиться с мнением И.В. Смольковой, что «тайна совещания судей не определяется стенами помещения...» [12, с. 172], и содержащийся в ст. 298 УПК РФ термин «*тайна совещания судей*» вполне ясно отражает содержание указанного понятия, суть которого заключается в том, что «Приговор постановляется в условиях тайны совещания судей — в совещательной комнате, в которой во время постановления приговора могут находиться лишь судьи, входящие в состав суда по данному уголовному делу» [8, с. 532].

При этом правильно отмечают многие авторы, что фактически судьи проводят совещание при постановлении приговора в большинстве случаев не в специально оборудованных для обеспечения конфиденциальности помещениях, изолированных от залов судебных заседаний, иных помещений, в отсутствие каких-либо средств связи, а в рабочих кабинетах судей. Соблюдение тайны совещания становится в таких условиях, чаще всего, вопросом соблюдения норм судейской этики.

Отсутствие надлежащих комнат для совещания судей при условии не разглашения тайны совещания судей, не расценивается как нарушение закона, влекущее отмену постановленного приговора. Например, судебная коллегия не усмотрела нарушения требований ст. 298 УПК РФ, отвечая на доводы жалобы осужденного П., который утверждал, что в зале суда отсутствует совещательная комната, в связи с чем он был выведен из зала до оглашения приговора [7].

Представляется правильным использовать имеющиеся в таких кабинетах средства связи только с одной целью — извещения секретаря судебного заседания или судебного пристава о необходимости разрешения вопросов, связанных с провозглашением постановленного и *подписанного* в совещательной комнате приговора, то есть когда фактически совещание судей уже состоялось, приговор уже постановлен и подписан. При этом, сообщение участникам процесса о переносе времени оглашения приговора, как свидетельствует судебная практика, не может расцениваться как нарушение судей тайны совещания [6].

Несмотря на то, что большинство процессуалистов признают важным соблюдение тайны совещания судей как гарантию независимости судей при принятии наиболее важного в уголовном процессе итогового документа судебного разбирательства, имеются предложения об исключении таких строгих требований, когда судьи, порою, при рассмотрении объемных и сложных дел вынуждены

длительное время находиться в условиях строгой изоляции от общения с кем-либо. Ведь судьи, в силу указания на то в законе, могут покинуть совещательную комнату лишь с окончанием рабочего времени, а в течение рабочего дня вправе лишь делать *перерыв* для отдыха с выходом из совещательной комнаты. Поскольку как уже отмечалось, здания судов не отвечают требованиям изолированности совещательных комнат, то вопрос о количестве перерывов в течение дня на практике давно уже разрешен, не дожидаясь все-таки необходимых изменений в ч. 2 ст. 298 УПК РФ о количестве *перерывов*, судьи покидают помещение, где проходит совещание судей, в течение рабочего дня неоднократно.

Представляется актуальным предложения И.С. Дикарева, что требуется совершенствование процессуального порядка постановления приговора [5, с. 42—44]. Вместе с тем, вызывает возражение предложение И.С. Дикарева о вынесении в совещательной комнате только резолютивной части приговора в исключительных случаях, обусловленных большим объемом уголовного дела и т. п. На взгляд автора, составление остальной части приговора вне пределов совещательной комнаты не будет способствовать задачам постановления данного документа в условиях, способствующих принятию решения по внутреннему убеждению и вне постороннего влияния кого-либо и чего-либо.

Еще в 1991 году, в год принятия Концепции судебной реформы в РСФСР, были предложения об избавлении судей «от механической работы по написанию приговора» [13, с. 87—88], с возможностью по окончанию совещания судей приглашать специалиста для изготовления приговора. Однако, в настоящее время технические возможности существенно изменились и позволяют изготовить текст приговора непосредственно в условиях совещательной комнаты. При этом верно, что «только безукоризненное знание закона, тщательная и всесторонняя досудебная подготовка, а также постоянная работа над повышением уровня профессионального мастерства позволяют судьям выносить приговоры, правильные по существу и совершенные по форме... в обстановке, способствующей свободному и спокойному совещанию, при котором судьи не опасались бы неблагоприятных для себя последствий за высказывание и отстаивание своего мнения» [3, с. 77—78].

Таким образом, следует отметить, что затронутые в данной статье некоторые вопросы, связанные с соблюдением тайны совещания судей, возникающие при постановлении приговора, являются актуальными и требуют всестороннего изучения.

Список литературы:

1. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России: учебное пособие / Б.Т. Безлепкин.- 6-е изд., перераб. и доп. — М.: КНОРУС, 2010.— 496 с.
2. Бородин С.В. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник.- 3-е изд., перераб. и доп. / Л.Н. Башкатов (и др.); отв. Ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. — Москва: Проспект, 2012.- 688 с.
3. Бунина А.В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства: дис. ...канд.юрид.наук. Оренбург, 2005
4. Ворожцов С.А. Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации: практическое пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса РФ / под общ. ред. А.И. Карпова. — М.: Юрайт-Издат, 2008. — 732 с.
5. Дикарев И.С. Процессуальный порядок постановления приговора нуждается в совершенствовании / Законность. — 2009. — № 3. — с. 42—44
6. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 02.06.2010 по делу № 92-О10-10 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 06 июля 2011 г.)
7. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Иркутского областного суда от 07.07.2010 по делу № 22-2656/10
8. Куцова Э.Ф. Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов /под ред. К.Ф. Гуценко. М.: Изд-во «Зерцало», 2007. —736 с.
9. Моисеева Т.В. Объективность и беспристрастность суда первой инстанции. — М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2006. — 152 с.
10. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: монография. — М.: Проспект, 2009. — 192 с.
11. Смолькова И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе: дис. ...докт.юрид.наук. Иркутск, 1998
12. Смолькова И.В. Тайна совещания судей и особое мнение судьи / Вестник -Оренбургского государственного университета. — 2006.—№ 3.—с. 172—175
13. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. — М.: Юрид.лит., 1991. — 240 с.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Принят 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ; в ред. Федерального закона Российской Федерации от01.03.2012 г. № 18 — ФЗ // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 01.06.1012 г.)
15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: словарь-комментарий/ под науч. ред. И.В. Смольковой. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. — 194 с.

ДЛЯ ЗМЕТОК

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА»

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

11 июня 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 18.06.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9,25. Тираж 550 экз.

Издательство «Сибирская ассоциация консультантов»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3